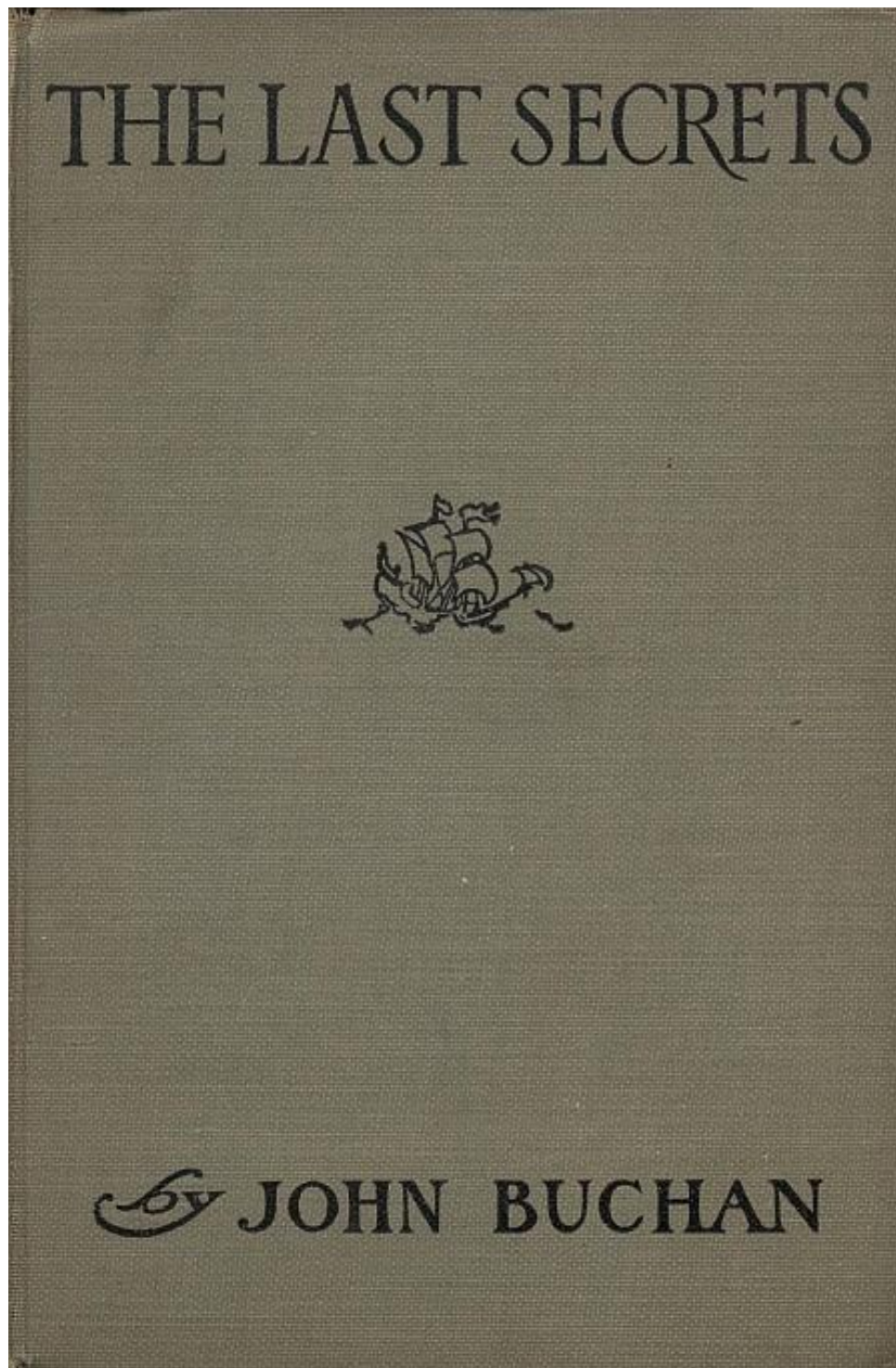

Последние секреты и тайны исследований

Джон Бьюкен

Электронная книга проекта "Гутенберг" " Последние секреты и тайны исследований"

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Последние секреты и тайны исследований

Автор: Джон Бьюкен

Дата выхода: 17 декабря 2019 [Электронная книга № 60948]

Последнее обновление: 17 октября 2024

Язык: Английский

Втитрах: Продюсер Эл Хейнс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА " ПОСЛЕДНИЕ СЕКРЕТЫ И ТАЙНЫ ИССЛЕДОВАНИЙ" ***

The Summit of Mount Everest.
(By permission of the Mount Everest Committee.)

Вершина Эвереста.

(С разрешения Комитета по восхождению на Эверест.)

Последние секреты и тайны исследований

ДЖОН БЬЮКЕН

ТХОМАС НЕЛЬСОН И СЫНОВЬЯ, ЛТД.
ЛОНДОН, ЭДИНБУРГ И НЬЮ-ЙОРК

Первое впечатление, сентябрь 1923 г.

НАПЕЧАТАНО В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ТИПОГРАФИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

ПАМЯТИ БРИГА.-ген. СЕСИЛ РОУЛИНГ, генерал-МАЙОР, С.І.Е., ПАВШИЙ В ТРЕТЬЕЙ БИТВЕ При
ИПРЕ, БЕССТРАШНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ДОБЛЕСТНЫЙ СОЛДАТ И ЛУЧШИЙ ИЗ ДРУЗЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первые два десятилетия двадцатого века войдут в историю исследований как самая выдающаяся эпоха, поскольку в течение них были разгаданы многие великие географические

загадки мира. Эта книга содержит описание некоторых основных достижений. То, что Нансен сказал о полярных исследованиях, верно для всех исследований; его история - "мощное проявление власти Неизвестного над разумом человека". К счастью, неизвестное всегда будет с нами, ибо в травинке, в порыве ветра и в пылинке заключены бесконечные тайны, и человеческое знание никогда не достигнет той завершенности, когда исчезнет чувство чуда. Но для обычного человека есть привлекательность в больших, смелых и очевидных головоломках, которой не хватает в *мелочах* исследований. Тысячи квадратных миль земного шара все еще ждут обследования и составления карт, но большая часть исследований будущего будет заключаться в выяснении деталей. Основные линии земной архитектуры были определены, и теперь перед нами стоит задача расширить наши знания о гройнингах, контрфорсах и обработке камня. Больше нет никем не посещаемых запретных городов, или неприступных высоких гор, или незарегистрированных великих рек.

"Мир разочарован; со временем
Европа должна разослать своих шпионов по всей стране".

В высшей степени невероятно, что остается много географических проблем, решение которых поразит воображение ошеломляющей романтикой открытий, свидетелями которых мы имели честь быть. Профессия исследователя по-прежнему будет благородной, но это будет заполнение пробелов в системе знаний, которыми мы уже обладаем. Утренняя свежесть ушла из бизнеса, и мы остались с рутинными обязанностями на вторую половину дня.

Некоторые из мероприятий, описанных на этих страницах, не были завершены. Нога человека еще не ступала ни на последние снега Эвереста, ни на вершину Карстенца. Одно примечательное открытие, с которым я не имел дела, — великая Турфанская впадина в сердце Центральной Азии, намного ниже уровня моря, существование которой было впервые установлено русским Роборовски до конца прошлого века, и детали которой были описаны сэром Аурелом Стейном в его *"Руинах пустынь Катай"* и *Сериндии*. Но сэр Орел интересовался главным образом древностями этого места, и более точные географические результаты еще не были представлены миру. Сегодня, осматривая континенты, мы не находим ничего, основные черты чего еще не были бы изложены. Бассейн Амазонки можно было бы рассматривать как исключение, и совсем недавно люди мечтали обнаружить в дебрях боливийской границы остатки, возможно, даже уцелевшие, древней цивилизации. Казалось бы, эти мечты беспочвенны. Покойному президенту Рузвельту действительно удалось нанести на карту новую реку Рио Рузвельт длиной 1500 километров, верхнее течение которой было совершенно неизвестно, а нижнее исследовали лишь несколько собирателей каучука, — реку, которая является главным притоком Мадейры, которая сама по себе является главным притоком Амазонки. Но теперь прослежены все притоки, и, хотя в долине Амазонки много неизведанной местности, она состоит из лесных массивов, лежащих между реками, все они более или менее похожи друг на друга по своему общему характеру, и исследователю нечем отплатить, кроме своей флоры и фауны. Африка сейчас - открытая книга, даже несмотря на то, что по многим ее уголкам мало кто путешествовал. Только на карте Азии есть одно пустое место, которое вполне может оказаться последней из великих тайн, — пустыня Южной Аравии, лежащая между Йеменом и Оманом, состоящая из безводных песков размером 800 на 500 миль. Давным-давно через него проходили маршруты, и в его тайниках путешественника могут поджидать великие новости. Но его пересечение будет опасным делом для того, кто предпримет его, поскольку ему

придется полагаться на хрупкую трость молочных верблюдов в качестве пищи и транспорта. Что касается остального, то сейчас проблемы заключаются в обзорах и научных исследованиях, а не в масштабных исследованиях.

Я должен сказать вам много благодарностей. В первую очередь я благодарен мистеру Чарльзу Терли Смиту, который написал главы об исследованиях Арктики и Антарктики - темах, о которых у него есть все необходимое для написания; и, чтобы представить завоевание двух полюсов в надлежащем свете, представил краткий очерк долгой истории полярных исследований. Я глубоко признателен мистеру Артуру Р. Хинксу, секретарю, и мистеру Эдварду Хивуду, библиотекарю Королевского географического общества, за их помощь и советы. Я также выражаю благодарность г - Констебль и компании для получения разрешения на воспроизведение иллюстраций и цитаты из произведений, опубликованных ими; на крупных Г. Г. Путнам и гг. Сили, Сервис энд Компани за такую же доброту; майору Ф. М. Бейли, ЦРУ, британскому политическому офицеру в Сиккиме, за рассказ о ущельях Брахмапутры; и моим друзьям из Комитета Эвереста за их согласие на использование их прекрасных фотографий этой горы.

Джей Би

Содержание

I. [Лхаса](#)

II. [Ущелья Брахмапутры](#)

III. [Северный полюс](#)

IV. [Лунные горы](#)

Против [Южного полюса](#)

VI. [Гора Маккинли](#)

VII. [Священные города ислама](#)

VIII. [Исследование Новой Гвинеи](#)

IX. [Гора Эверест](#)

СПИСОК ТАБЛИЧЕК

[Вершина Эвереста ... Фронтиспис](#)

Вид монастыря Потала в Лхасе с Чортаном на переднем плане

Руvenzори с холма близ Кайбо

Долина к западу от горы Бейкер

Гора Маккинли: вид на Южный подход

Вершина горы Маккинли

Вид на Медину

Вид на Мекку

Каное из Новой Гвинеи

Пигмеи Новой Гвинеи контрастировали с обычными туземцами

The *Массив* горы Эверест

Чанг Ла из Лакпа Ла, с горой Эверест слева

СПИСОК КАРТ

Экспедиция в Лхасу

Ущелья Брахмапутры

Северные Полярные регионы

Вершины и долины Руvenzори

Путь в Руvenzори

Южные Полярные регионы

Гора Маккинли

Путешествие Уэйвелла в Мекку

Исследование Новой Гвинеи

Маршрут экспедиции на Эверест

Я ЛХАСА

ЛХАСА

(Карта, стр. 24.)

До лета 1904 года, если бы кого-нибудь спросили, какое место на поверхности земли было самым загадочным, ответом была бы Лхаса. Это было место, на которое ни один англичанин не обращал внимания в течение ста лет, а ни один белый человек - более полувека. В нашем прозаическом современном мире оставался один город среди облаков, о котором ни одна сказка не была слишком странной, чтобы в нее можно было поверить. Величайший из горных барьеров отделял его с юга, а с севера его охраняла безводная пустыня протяженностью в несколько лиг. Исследователь за исследователем отправлялись на поиски, но все они останавливались еще до того, как с вершины холма можно было увидеть золотые крыши священного города. Даже в первые дни это место никогда не исследовалось, потому что за посетителями ревниво наблюдали, и они быстро уходили. В Потале могут быть сокровища культуры, долгое время скрытые от мира, утерянные трактаты Аристотеля, неизвестные греческие поэмы, возможно, реликвии мистического царства Кубла-хана, сокровища из золота и драгоценных камней, собранных со всех четырех уголков Азии

И вдруг в 1904 году мы отправились туда не как извиняющиеся путешественники, свернувшие на боковую тропинку, а как вооруженная сила, марширующая по шоссе к самому сердцу тайны и сразу же обрушивающая на мир поток точных знаний. На мгновение мы перенеслись на столетия вперед от высокой политики и всех современных изобретений и вернулись в великую эпоху открытий: вместе с португальцами в их поисках Офира или пресвитера Иоанна, или с Рэли в поисках Золотого Маноа. Даже наименее сентиментальный человек не мог удержаться от некоторого сожаления по поводу того, что был отдернут этот занавес, который так много значил для воображения человечества. Сокращение мира происходит так быстро, наш горизонт становится таким болезненно ясным, что старое неутомимое чудо, которое окутывало своим очарованием пути наших предшественников, исчезает из жизни их потомков. С открытием Лхасы пал последний оплот старой романтики.

Я

Тибет всегда был запретной землей, и, как правило, искатели приключений проникали только на ее окраины. Говорят, что где-то около 1328 года некий монах Одорик из Порденоне, путешествуя из Китая, вошел в Лхасу; а в середине шестнадцатого века Фернао Мендес Пинто, возможно, достиг ее. В 1661 году иезуиты Грубер и Д'Орвиль совершили путешествие из Пекина в Лхасу, а оттуда через Непал в Индию. В начале восемнадцатого века состоялось временное открытие Храма, и в Святом городе была основана Миссия капуцинов. Различные иезуиты также

достигли этого места, в частности один Дезидери; а в 1730 году приехал Сэмюэль Ван дер Путте, доктор юридических наук из Лейдена, который пробыл там достаточно долго, чтобы выучить язык. В 1745 году миссия капуцинов подошла к концу, и занавес опустился. В 1774 году Джордж Богл из Ост-Индской компании был в Тибете с миссией Уоррена Гастингса, но первый англичанин добрался до Лхасы только в 1811 году, когда прибыл Томас Мэннинг из Кайус-колледжа в Кембридже, друг Чарльза Лэмба, и оставался там в течение пяти месяцев во время своего безуспешного путешествия из Калькутты в Пекин. До 1904 года Мэннинг был единственным англичанином, о котором было доподлинно известно, что он входил в священный город, хотя ходила легенда о некоем Уильяме Муркрофте, который добрался туда в 1826 году и прожил там двенадцать лет, переодевшись. В 1844 году французские миссионеры Хук и Габет прибыли в Лхасу из Китая и описали свои впечатления в одной из самых восхитительных книг о путешествиях. Они были последними европейцами, получившими эту привилегию до вступления британской армии. Но на протяжении последней половины девятнадцатого века в исследовании Тибета участвовали индийские уроженцы, состоявшие на государственной службе, люди типа бабу, которых м-р Киплинг описал в *"Киме"*. Все дело держалось в строгом секрете. Агентов знали только по буквам алфавита, и когда они пересекали границы Тибета, им было известно, что они вышли за пределы защиты британского владычества. Многие добирались до Лхасы фантастическими маршрутами, в результате чего индийское правительство располагало точной информацией о городе, хранящейся в его архивах, в то время как мир в целом знал это место только по рассказу Хука и Габета и по рисунку Поталы, сделанному Грубером в семнадцатом веке.

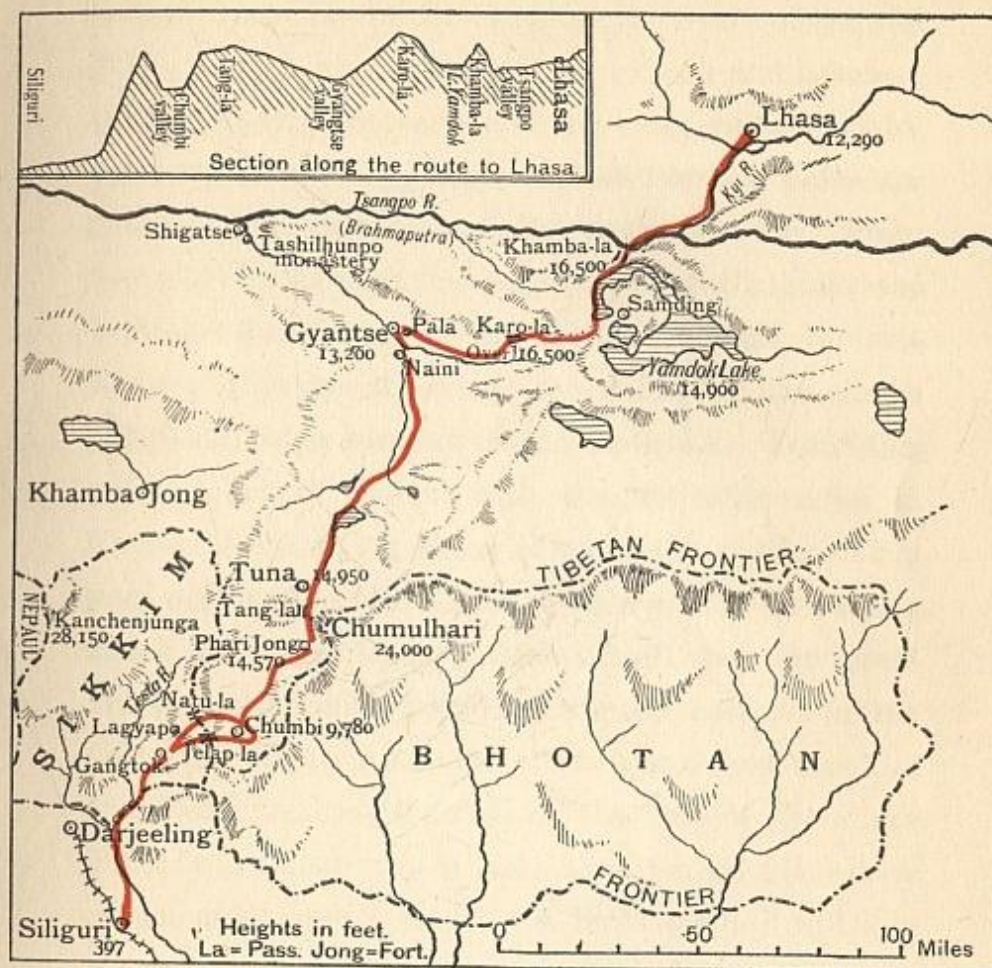
Из более поздних европейских путешественников ни один не добрался до столицы. Мистера Литтлдейла в 1895 году тибетские власти остановили, только когда он оказался в пятидесяти милях от города, а Свен Хедин в 1901 году добрался за четырнадцать дней до Лхасы с севера. Но тем временем происходили события, которые должны были побудить правительство Индии более активно вмешиваться в тибетскую политику, чем просто посылать местных агентов собирать новости. Традиционная политика заключалась в сохранении Тибета как святыни, но святыня остается святыней только в том случае, если все соседи объединяются, чтобы сохранить его в неприкосновенности.

В 1903 году позиция Великобритании и Тибета была подобна позиции большого мальчика в школе, которого мучает дерзкий юнец. Некоторое время он терпит это, но в конце концов вынужден применить наказание. Конвенция 1890 года и Правила торговли 1893 года были нарушены тибетцами во многих своих положениях; наши письма протеста возвращались нераспечатанными; и, поскольку новости быстро распространяются на границе, наши защищенные народы начали задаваться вопросом, почему британское правление так терпимо относится к жестокому обращению. Это было достаточно плохо для нашего престижа на Востоке, но опасность стала еще острее, когда мы обнаружили, что Далай-лама заключил договор с Россией и что признанный русский агент, некто Дорджиев, находится в резиденции при его дворе. Двумя силами в Лхасе были Далай-лама, который быстро попал под влияние России, и Цонг-ду, или Совет, состоящий из представителей великой касты жрецов, которые с подозрением относились ко всем нововведениям и выступали за сохранение традиционной политики исключения как России, так и Великобритании. Китай, хотя и был номинальным сюзереном, был бессилен, а его наместник Амбаньга был частично оскорблен обеими сторонами.

В этих обстоятельствах Британия могла договориться, только обратившись непосредственно в штаб-квартиру. Дорджиев разыграл свои карты с большим мастерством и, казалось, выигрывал везде. Далай-лама был всецело с ним и получил от царя полный комплект облачений епископа Греческой церкви. Российский монарх был признан воплощением Бодисата, представляющим не кого иного, как Цонкапу, лютера ламаизма; а в народе Россию считали буддийской державой или, во всяком случае, присяжным защитником буддийской веры. Трудно переоценить значение этих действий, но в то же время влияние России было скорее потенциальным, чем фактическим. Казаки, сопровождавшие Свена Хедина, покидали Священный город так же решительно, как любой английский исследователь, и рассказы о вооружении русскими винтовками, которые просачивались в Индию, были скорее разумными предположениями, чем изложением фактов.

Таким образом, в Тибете существовали две партии, противостоящие друг другу, но обе по-разному враждебные нашим интересам. Далай-лама и Дорджиев выступили за отход от традиционной тибетской политики в пользу России. Цонг-ду и ламаистская иерархия в целом были полностью за исключение, но в своем упрямстве отказывались соблюдать договоры или вести себя по-соседски честно. Эта внутренняя борьба, которая одна сделала возможным успех нашей экспедиции, также сделала ее отправку неизбежной, поскольку ни одна из сторон не была готова прислушаться ни к каким аргументам, кроме силы. Немногие предприятия когда-либо предпринимались Британией с большей неохотой, и ее решение было принято только под давлением суровой необходимости. Было много тех, кто осуждал то, что, по их мнению, было нарушением священных мест древней, чистой и миролюбивой религии. Но на этот счет не было нужды испытывать угрызения совести, поскольку ламаизм был самым грубым извращением буддизма во всей Азии. Духовно это имело больше родства с исконным поклонением тибетскому дьяволу, чем с мягким вероучением Гаутама. Практически это была политическая тирания монахов, которые обрушивались на кроткое и трудолюбивое население и управляли им с помощью грубых теологических ужасов. В монастырях нас приняли довольно грубо, но к простым людям мы пришли скорее под видом друзей.

В июле 1903 года полковник Янгхасбанд, как он тогда назывался, мистер Уайт и капитан О'Коннор отправились в Хамба Джонг, местечко на Юге Тибета, к северу от Сиккима. Там они встретились с настоятелем Ташилхунпо и некоторыми эмиссарами из Лхасы, но ничего нельзя было поделаться; и с согласия индийского министерства было решено, что Миссия отправится в Гьянгце, главный город Южного Тибета, в сопровождении небольшого отряда сопровождения. Пока собирались войска, комиссар, полковник Янгхасбанд, отправился в Туна, на унылую равнину над Танг Ла, где он пережидал три томительных зимних месяца. Тем временем генерал Макдональд, солдат, отличившийся в Центральной Африке, занял свою квартиру в Чамби, в то время как майор Бретертон, начальник транспорта и снабжения, собирал запасы в этой долине и готовил линию коммуникаций. Это были тревожные месяцы ожидания Миссии, поскольку тибетцы были в силе по соседству и ежедневно угрожали напасть на небольшой пост; но ничего не происходило, пока в конце марта 1904 года к ним не присоединился эскорт, и все было готово к наступлению.

The Expedition to Lhasa.

Экспедиция в Лхасу.

Стоит оглянуться назад на дорогу к Туне с равнин Бенгалии, несомненно, одну из самых замечательных Великих Северных Дорог мира. В Силигури маленькая игрушечная железная дорога, ведущая в Дарджилинг, проходит вверх по склону холма; но путь для войск лежал вдоль ущелья реки Тиста, через леса сал и гурджун, которые по очереди сменяются тиком и бамбуком, пока высота не увеличится и их места не займут древовидный папоротник и рододендрон, и, наконец, не достигнут сосны и не приблизится кромка снегов. От великолепной субтропической растительности Гангтока, столицы Сиккима, дорога пролегает по труднопроходимым ущельям, пока не пересекает линию деревьев в Лагьяпе и не поднимается на замерзшую вершину Нату Ла. С этой точки виден Тибет с величественными снегами Чумулхари, нависающими облаком на севере. Затем вы спускаетесь в долину Чумби, Спорную Страну Тибет, где стоит Та-Карпо, большая Белая Скала, напоминающая знаменитый отрывок из "Одиссеи". Прямо под Чумулхари и чуть южнее Тангла находится Пхари Джонг, первая из второстепенных тибетских крепостей, которая выглядит как плохая копия какой-то европейской модели. Еще немного, и вы окажетесь за перевалом и на огромном плато Туна, где с холмов дуют ледяные ветры и метелями

поднимают песчаную почву вокруг путешественника. В мире мало мест, где за столь короткое время можно пережить столь полные климатические и живописные изменения.

II

31 марта экспедиция покинула Туна; и после неудачного столкновения с тибетцами, которое стоило последним многих жизней и в котором был ранен мистер Эдмунд Кэндлер, выдающийся военный корреспондент, враг продолжил оборону в ущелье Ред Идол. Однако ничего важного не происходило до тех пор, пока город Гьянгце не был взят без единого выстрела. Очень скоро стало очевидно, что здесь нельзя сделать ничего большего, чем в Кхамба Джонге, и правительство Индии было вынуждено санкционировать дальнейшее наступление на Лхасу. Для этого необходимо было подготовиться; поэтому комиссар с небольшим эскортом занял свою квартиру в Гьянгце, в то время как генерал Макдональд вернулся в Чамби за подкреплением. Джонг был обнаружен покинутым, но, к сожалению, не был ни удержан, ни разрушен, Миссия располагалась на равнине внизу.

Поначалу ожидание среди этих заросших ирисами лугов было приятным и достаточно идиллическим; деревенские жители привозили с собой обильные припасы, а члены персонала разъезжали верхом по окрестностям и пили чай с различными сановниками Церкви; но в начале мая ситуация изменилась к худшему. Было сообщено, что тибетцы укрепляют Каро Ла, следующий перевал на дороге в Лхасу; и, поскольку первым принципом пограничной войны является быстрый удар, полковник Брандер был отправлен с большей частью гарнизона рассеять их. Он выполнил задание с заметным успехом, и этот инцидент примечателен тем, что является одним из самых странных боевых действий в нашей военной истории. Необходимо было окружить сангар, в котором засел враг, и для этой работы был выделен местный офицер Вассава Сингх с двенадцатью гуркхами. Они взобрались по трещинам и дымоходам на скалу высотой 1500 футов — подвиг, который сделал бы честь любому альпийскому клубу, даже если бы альпинисты не были обременены оружием, не подвергались обстрелу и не работали на высоте почти 19 000 футов.

Во время боя из Гьянгце поступили тревожные известия о том, что джонг вновь занят противником и что Миссия подвергается непрерывным бомбардировкам. Полковник Брандер поспешил вернуться и обнаружил, что в его отсутствие мир быстро изменился и что перед ним предстал новый тип тибетской армии — тип, обладающий как стремительностью, так и упорством, имеющий некоторое представление о стратегии и обладающий оружием, которое на близком расстоянии могло нанести реальный урон. Так началась блокада дома Миссии; блокада несовершенная, поскольку телеграфные провода оставались нетронутыми, почта доставлялась довольно регулярно, и осажденные не испытывали особых лишений. "Почести, - говорит мистер Персивал Лэндон*, - были разделены довольно поровну. Ни тибетцы, ни мы не смогли взять штурмом оборону противника; взаимная перестрелка вынудила каждую сторону защищать своих жителей сложной системой обходов; и отступление за пределы узких участков укреплений было с обеих сторон жестко пресечено другой стороной".

* *Лхаса*, автор Персиваль Лэндон.

Попытка перерезать наши коммуникации провалилась, и, захватив Палу, гарнизон значительно укрепил свои позиции. Наши войска имели опыт ведения боевых действий, который едва ли был известен со времен великих поражений во время Тридцатилетней войны. В высокогорной стране мы ожидаем нападений на укрепленные вершины холмов и столкновений на дальних расстояниях, подобных тому, что мы видели в Южной Африке. Но в таком эпизоде, как взятие Найни, нам пришлось столкнуться со средневековыми уличными боями. Замок Отранто представлял собой не более бесконечные лабиринты, чем тибетские монастыри. "Банды отчаянных фехтовальщиков были найдены сбившимися в кучки под люками и за крутыми поворотами. Они не сдавались, и им пришлось быть убитыми ружейными выстрелами с расстояния нескольких футов".

26 июня прибыл генерал Макдональд с подкреплением, и вскоре после этого прибыл Тонгса Пенлоп, временный правитель Бутана, добродушный властитель в богатых разноцветных одеждах и шляпе-хомбурге. Наступление тибетцев ослабло, но джонг должен был быть взят до того, как Миссия сможет продвинуться вперед. По середине обрывистого юго-восточного склона огромной скалы тянулась глубокая трещина, поперек которой были возведены стены. Было решено пробить эти стены нашим ружейным огнем, а затем атаковать через расселину. Само нападение было блестящим и бесстрашным подвигом, за который лейтенант Грант из 8-го Гуркхского полка наиболее заслуженно получил Крест Виктории. Пока наши пушки били по стенам наверху, он и его люди карабкались вверх по ущелью, в то время как на них сыпались массы щебня, время от времени унося с собой человека. Затем горны гуркхов предупредили, чтобы пушки прекратили огонь, и начался последний подъем по такому крутому склону, что укрыться от вражеского огня было невозможно. Благодаря такому отчаянному восхождению захватчики, наконец, достигли обломков тибетской стены. Грант и один из гуркхов были первыми двумя людьми, которые перелезли через нее, и наблюдателям внизу их смерть казалась неизбежной. Их было двое против всех сил противника в Джонге, и если бы тибетцы сдержали огонь и подождали на бастионах, они могли бы перестрелять каждого штурмующего, как только его голова показалась бы над проломом. Но смелый курс оказался мудрым, и вскоре гарнизон сдался. Редко кто получал Крест Виктории лучше, и отрадно сознавать, что лейтенант Грант пожал награду за совершенное бесстрашие и получил лишь легкое ранение.

III

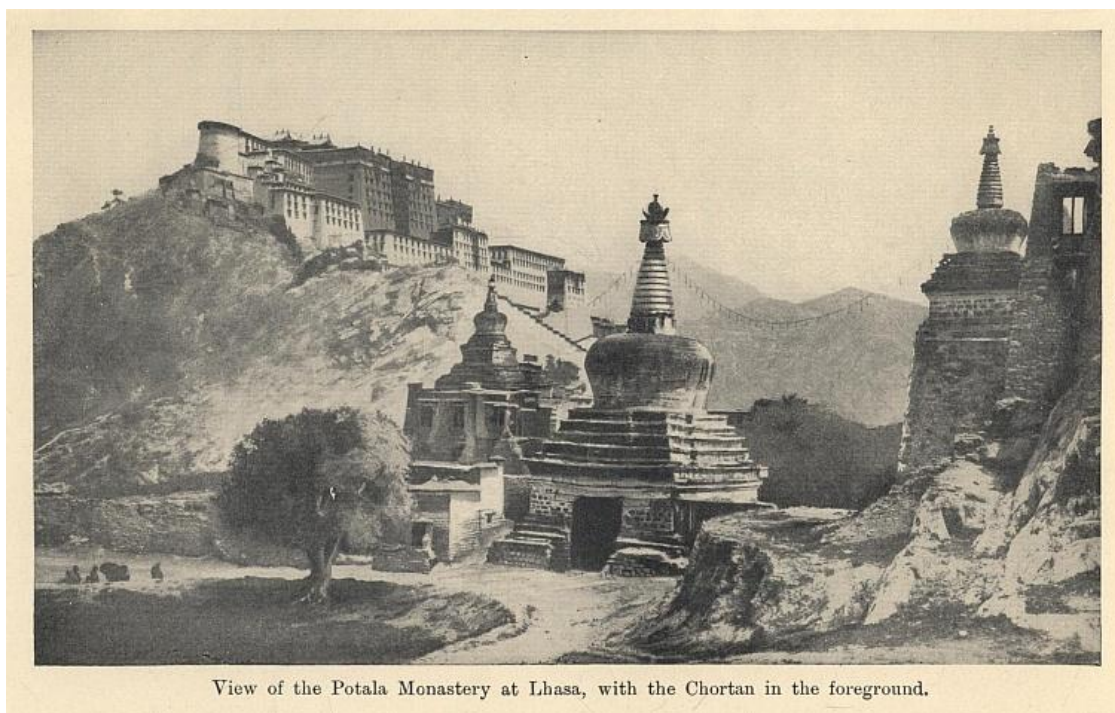
14 июля экспедиция выступила из Гьянгце по дороге в Лхасу. Трава и пышные цветы покрывали долины, которые вели к Каро Ла. Серьезные бои закончились, и второй переход через этот перевал был примечателен только тем фактом, что нашим запыхавшимся войскам пришлось расчищать несколько скальных платформ и пещер на высоте более 19 000 футов. В остальной

части рассказа солдату уделяется мало места, и интерес прикован к дурбарам Комиссара и сокровищнице чудес природы и искусства, к которым приближалась Миссия. Ибо после Гьянгце сопротивлению тибетцев пришел конец. Наполовину угрюмо, наполовину с любопытством они позволили нам продвинуться вперед, немного задержав нас бесплодными переговорами, в то время как в Лхасе игра в высокую политику, которую вел Далай-лама, обернулась против него, и, подобно другому божеству, он собирался совершить паломничество.

После Каро Ла появилось Ям—док, или, как некоторые называют его, Ю-цо, или Бирюзовое озеро, — самая замечательная природная достопримечательность плато. Его причудливая форма, бледно-голубые воды, берега с белым песком, окаймленные шиповником и незабудками, сказочное облако, которое всегда витало над ним, и августовское окружение делают его уникальным среди озер мира. Я цитирую фрагмент описания мистера Лэндона:—

Ниже лежат как внешнее, так и внутреннее озера, это повторяет встречаемыми углублениями входы и выходы береговой линии другого. Масса и цвет пурпурной дали - это Шотландия в ее лучшем проявлении, тоже Шотландия, в медленном движении дождевых облаков с наклонной крышей среди холмов. Вода у ног человека подобна воде Женевского озера. Но рваные очертания пляжа с его выступающими линиями игольчатых скал, широкими белыми изогнутыми песчаными косами, зазубренными островками, отвесными отрогами и, прежде всего, таинственными заливами, тянущимися один за другим в сердце холмов, - все это принадлежит Ям-доку, а не кому-либо другому. Если вам повезет, вы можете увидеть заснеженные склоны Тонанга, омываемые водами, и всегда на горизонте - вечные ледяные поля Гималаев, горько звенящие серебром от солнца и цвета неподвижного синего озера. Вы не будете просить о дополнительном великолепии тибетского заката; серый оттенок послесвечения, пронизанного дождем, или запутанный изгиб края грозовой тучи на фоне синевы подарят вам все, что вы пожелаете, и вы увидите самый прекрасный вид во всей этой незнакомой стране".

На берегу находится монастырь Самдинг, дом Дордже Пхагмо, или богини свиньи, который ревностно почитался войсками, поскольку его настоятельница ухаживала за Чундрой Дассом, одним из отважных агентов индийского правительства, когда он заболел во время своих путешествий. Нынешнее воплощение, шестилетняя девочка, отказалась раскрыть себя. Во всей истории экспедиции не было ничего более удовлетворительного, чем то, как любая услуга, оказанная в любое время британскому подданному, белому или черному, встречала полное признание. Такое поведение не могло не поднять престиж Власти, которая проявила такую заботу о своих слугах. Престиж и репутация такого рода, действительно, у нас уже были. У тибетских монастырей была хитрость отправлять свои самые ценные вещи в ближайший женский монастырь, поскольку, по их утверждению, англичане не проникают в женские монастыри и не воюют с женщинами.

View of the Potala Monastery at Lhasa, with the Chortan in the foreground.

Вид монастыря Потала в Лхасе с Чортаном на переднем плане.

24 июля экспедиция пересекла реку Хамба Ла и спустилась в широкую зеленую долину Цангпо. Переправа через эту реку, работа действительно трудная, стала трагической из-за смерти майора Бретертона, блестящего офицера транспорта, которому, возможно, больше, чем какому-либо другому солдату, был обязан военный успех в этом предприятии. Не последней из тайн Тибета был этот таинственный ручей, который путешественник, пройдя многие мили по унылой возвышенности, обнаруживает текущим среди английских лесов и лугов. В Ассаме и Бенгалии это была Брахмапутра; но когда она вступила в холмы, цивилизованному человеку она была так же неизвестна, как Альф или Четыре реки Эдема. На что было похоже его среднее течение и как оно преодолеvalo горный барьер, - это были вопросы, на которые никто не ответил *, и в то время не было никаких точных сведений о его верхних долинах.

* См . [Главу II](#).

Оказавшись на северном берегу, экспедиция оказалась совсем недалеко от Лхасы, и в нарастающем волнении преодолевала последние этапы. Это был один из величайших моментов в жизни, и мы все можем понять и позавидовать последним пробежанным милям, пока сквозь дымку глаз не уловил блеск золотых крыш и белых террас. Первая перспектива не принесла разочарования. Если улицы были убогими, то они располагались на зеленой равнине, омываемой водами; деревья и сады были повсюду; в то время как наверху огромная, похожая на Ассизии цитадель Потала олицетворяла огромную тайну поколений, а кольцо темных холмов напоминало наблюдателю, что этот сад был посажен на крыше мира.

Тем временем экспедиция расположилась за воротами, чтобы доставить удовольствие угрюмым и встревоженным хозяевам. Божество этого места отправилось в путешествие, никто толком не знал, куда именно. Он держал в секрете свое путешествие в лунном свете и отправился по северной дороге с Дорджиевым и небольшим эскортом, чтобы воспользоваться гостеприимством своего духовного брата из Урги. Он играл в свою невозможную игру с душой и тонкостью, и у него был прекрасный вкус к романтике в ее финале. "Когда кто-то ищет тайны в Лхасе, - писал м-р Кэндлер, - его мысли сосредоточены исключительно на Далай-ламе и Потале. Я не могу не остановиться на полете тринадцатого воплощения. Это погружает нас в средневековье. На мой взгляд, в современной истории нет картины, столь захватывающей, как тот массовый исход, когда духовный глава буддийской церкви, временный правитель шести миллионов человек, ночью выкрался из своего дворца и был унесен в своем паланкине".

Романтика, которую мистер Кэндлер увидел в "Потале", наиболее ярко проявилась у мистера Лэндона в церкви Джо-кан. Снаружи дворец был великолепен, но внутри представлял собой лишь лабиринт маленьких комнат и сломанных лестниц. Великий собор, с другой стороны, был скрыт среди деревьев и улиц, так что его золотую крышу можно было увидеть только издалека, но внутри он был святилищем всего таинственного и великолепного. Контраст был аллегорическим выражением разницы между временным правителем ламаизма — безвкусным, тираническим и пустым — и властью буддийской церкви, которая скрытыми путями и невидимыми силами доминировала в воображении Азии. Китайский Амбань, испытывая естественное желание отплатить людям, которые так грубо пренебрегли им, пригласил некоторых членов Миссии войти в это Святая Святых. Посетители были первыми белыми людьми, приблизившимися к внутреннему святилищу буддийской веры. При выходе из здания их забросали камнями, но зрелище стоило того, чтобы рискнуть многим. В центральном святилище восседал великий золотой Будда, обвешанный драгоценными камнями, увенчанный бирюзой и жемчугом, окруженный тусклыми грубо высеченными фигурами, которые прерывисто вырисовывались в свете масляных ламп, в то время как монахи в темно-бордовых одеждах бубнили свое вечное песнопение перед серебряным алтарем. И статуя была такой же странной, как и ее окружение.

"Ибо это необычное представление Мастера. Черты лица гладкие и почти детские; красивыми они не являются, но здесь красота и не нужна. От той загадочной улыбки, которая от Мукдена до Цейлона неотделима от нашего представления об облике Великого Учителя, не осталось и следа. Здесь нет ничего от печальной улыбки Меланхолика, который слишком много познал и отрекся от всего этого как от тщеславия. Вместо этого здесь - тихое счастье и быстрая способность к удовольствию мальчика, который еще никогда не знал ни боли, ни болезней, ни смерти. Это Гаутама как чистый и нетерпеливый принц, не думающий о завтрашнем дне и не заботящийся о сегодняшнем".

У мистера Лэндона есть и другие фотографии почти такого же очарования. Он ведет нас к знаменитому Линг-кору, священной дороге, опоясывающей город, протоптанной поколениями людей, ищущих спасения. Мы видим нечистое жилище раджьябас, этой странной нечестивой

касты нищих мусорщиков; мы гуляем по садам Лу-канга, по берегу озера, окаймленного ивами, и полянам с бархатным дерном; и, что не менее важно, мы посещаем храм Главного Волшебника, где все формы человеческих мучений изящно изображены на фресках и резьбе. Но если мы хотим осознать дикость, лежащую в основе этой гордой теократии, мы должны отправиться с мистером Кэндлером в соседний монастырь Депунг в поисках припасов и увидеть племя инквизиторов, жужжащих, как разъяренные осы, и подчиняющихся только тогда, когда на них наставлено оружие. Ибо эти недели ожидания в Лхасе были тревожным временем для всех заинтересованных сторон. Наше собственное положение было крайне шатким и, если бы лхасцы когда-нибудь осознали это, невозможным. Приближалась зима, правительство настаивало на том, чтобы Миссия получила свой Договор и вернулась домой, и все же день за днем проходил безрезультатно, и Уполномоченному оставалось только ждать и противопоставлять упрямству монахов более сильную и спокойную решимость. Сэр Фрэнсис Янгхасбанд действительно был почти единственным человеком в Империи, пригодным для этой задачи. "Он просиживал каждый дурбар, - говорит мистер Кэндлер, - памятник терпения и непреклонности, бесстрашный, как один из их собственных Будд. Священники и члены совета пришли к выводу, что взывать к его милосердию бесполезно. У него тоже был приказ от своего Короля отправиться в Лхасу; если он дрогнет, на карту будет поставлена и его жизнь; по возвращении его ожидало обезглавливание. Такое впечатление он намеренно создавал у них. Это положило конец разговорам. Как, во имя всех их Будд, они могли остановить такого человека?"

Наконец, 1 сентября, когда после месячной дипломатии тибетцы согласились только на два наших требования, пришло время предъявить наш ультиматум. Делегатам было сказано, что, если в течение недели все наши условия не будут приняты, генерал Макдональд рассмотрит вопрос об использовании более веских аргументов. Наша терпимость была оправдана ее результатами, поскольку сопротивление внезапно ослабло, и мы получили то, что просили, без какого-либо принуждения. Это был дипломатический триумф высокого порядка, достигнутый перед лицом трудностей, которые, казалось, исключали возможность дипломатии. Финальная сцена произошла 7 сентября, когда в зале аудиенций Поталы Договор был подписан Комиссаром и исполняющим обязанности Регента, который приложил печать Далай-ламы, четырех Фигур, представителя Цонг-ду и глав великих монастырей. После этого была опубликована яркая фотография собрания, и с этой очень современной кульминацией великая азиатская тайна ушла в прошлое. Далай-лама уже был официально низложен, его духовные полномочия были переданы нашему другу Ташеламе, и с Договором в нашем багаже и реальным авторитетом за плечами мы начали обратный путь домой.

IV

Каковы были результаты экспедиции? Географически они казались немного бесплодными, поскольку мы держались слишком близко к большой дороге, чтобы разгадать многие из величайших тайн. Был установлен один факт кардинальной важности: наше представление о Тибете претерпело революцию, и вместо засушливого плато мы узнали, что примерно треть его территории почти такая же плодородная и хорошо орошаемая, как Кашмир. Что касается

остальных, то были запрещены две наиболее интересные экспедиции — вниз по Брахмапутре в Ассам и в горы, расположенные в девяти днях пути к северу от Лхасы, которые образовывали южную границу исследований Свена Хедина. Однако была предпринята одна ценная экспедиция. Западный Тибет до сих пор был наиболее известной частью плато, и теперь наши знания о нем были связаны с районом Лхасан. 10 октября капитаны Райдер, Роулинг и Вуд, а также лейтенант Бейли * с шестью гуркхами покинули Гьянгце и направились через Шигацзе вверх по Цангпо. Они исследовали реку до ее истока и, миновав великие озера Манасаровар, прибыли в Гарток, в верховьях Инда. Оттуда они вошли в долину Сатледж и, преодолев перевал Шипки высотой более 18 000 футов, достигли Симлы в первую неделю января 1905 года. Многие также пополнили наши знания о Гималаях. Был установлен факт, что старое сообщение о северных претендентах на Эверест было необоснованным; и, более того, высочайшая гора в мире была видна с северной стороны, где склоны полегче, и возможность покушения на нее приходила в голову разным умам — надежда, которая семнадцать лет спустя осуществилась.**

* См . Главу II.

** См . Главу IX.

С политической точки зрения истинным достижением было не заключение официального Договора, а поход на Лхасу. Мы учили тибетцев, что их таинственную столицу нельзя закрыть от наших войск и что российские обещания менее реальны, чем действия британцев. Мы показали себя сильными и, прежде всего, гуманными, и заслужили уважение, а также, казалось бы, своего рода привязанность. Когда достопочтенный регент торжественно благословил комиссара и генерала Макдональда за их милосердие и подарил каждому золотое изображение Будды — честь, редко оказываемая верующим и никогда прежде неверующим, — он выразил общее чувство людей.

Тибет снова погрузился в свое старое уединение — действительно, более глубокое уединение, поскольку мы гарантировали его. Конечным результатом стало то, что мы подтвердили наше требование защищать наших подданных и тех, кто нам служил. Мы отвели наших гуркхов в запретную землю, которую их родные традиции наделили чудесной силой, и показали им истину. Что касается Бутана, то до 1904 года он был таким же малоизвестным, как Тибет, и его жители были чужаками. Теперь они были, по выражению Комиссара, "нашими восторженными союзниками". Их правитель в своей фетровой шляпе присоединился к нам в шествии и выступил в роли церемониймейстера, представляя нас знати Лхасы.

Прошло почти двадцать лет, и с тех пор утекло много воды. В 1906 году Китай присоединился к этому Договору, а в 1907 году была подписана Англо-российская конвенция, которая предусматривала отделение страны обеими державами и признавала права сюзерена Китая. В 1909 году восстановленный Далай-лама был изгнан китайскими войсками, а в 1910 году он был в Дарджилинге беженцем, обратившимся к нам за гостеприимством. В очередной раз он был восстановлен в должности, и с тех пор он всегда был верным союзником Великобритании. В

начале Великой войны он предложил 1000 тибетских солдат и сообщил королю, что ламы по всему Тибету молятся об успехе британского оружия и о счастье душ павших.

С 1904 года и Китай, и Россия погрузились в анархию. Восточные Гималайские перевалы не представляют опасности для Индии, и стратегическое значение Тибета уменьшилось. Это все еще запретная страна, но она больше не является секретной. Почта в Лхасу ходит регулярно, и в эту таинственную столицу проложена телеграфная линия. Но она таинственна только благодаря литературной условности. Истинная тайна исчезла; секрет, каким он был, был раскрыт, и человеческий разум больше не может играть с неизвестным. Чайлд Роланд добрался до темной башни и нашел ее, в конце концов, не такой уж чудесной. Трудно не посочувствовать жалобе мистера Кэндлера: "Больше нет запретных городов, которые люди не нанесли на карту и не сфотографировали. Наши дети будут смеяться над рассказами современных путешественников. Им придется снова обратиться к Гулливеру и Гаруну аль-Рашиду. И они скоро устанут от них. Сейчас, когда нет настоящих тайн, нет неизведанной страны грез, где, возможно, все еще существуют гении, махатмы и бутылочные чертенята, такого рода литература больше не будет терпима. Дети будут настроены скептически, прозаично и разочаруются, и сказочные истории больше не будут продаваться. Но мы сами дети. Почему мы не могли оставить хотя бы один город за пределами нашей территории?"

Эти размышления не умаляют романтики самой экспедиции и привилегии счастливиц, участвовавших в ней. Для них это, несомненно, было великим приключением, которое никогда не могло повториться. Это может быть подытожено, как подытожил мистер Лэндон, некоторыми знаменитыми строками из *"Одиссеи"*, которые имеют не только любопытное местное применение, но и воплощают истинный дух приключения:

"Над океанскими приливами они наседали,
Мимо большой Белой Скалы у ручья,
Дальше, пока, миновав высокие бастионы Бога на востоке и западе,
Они не достигли равнин, усыпанных светлыми звездами ириса,
И не нашли, наконец, народ, о котором мечтают люди".

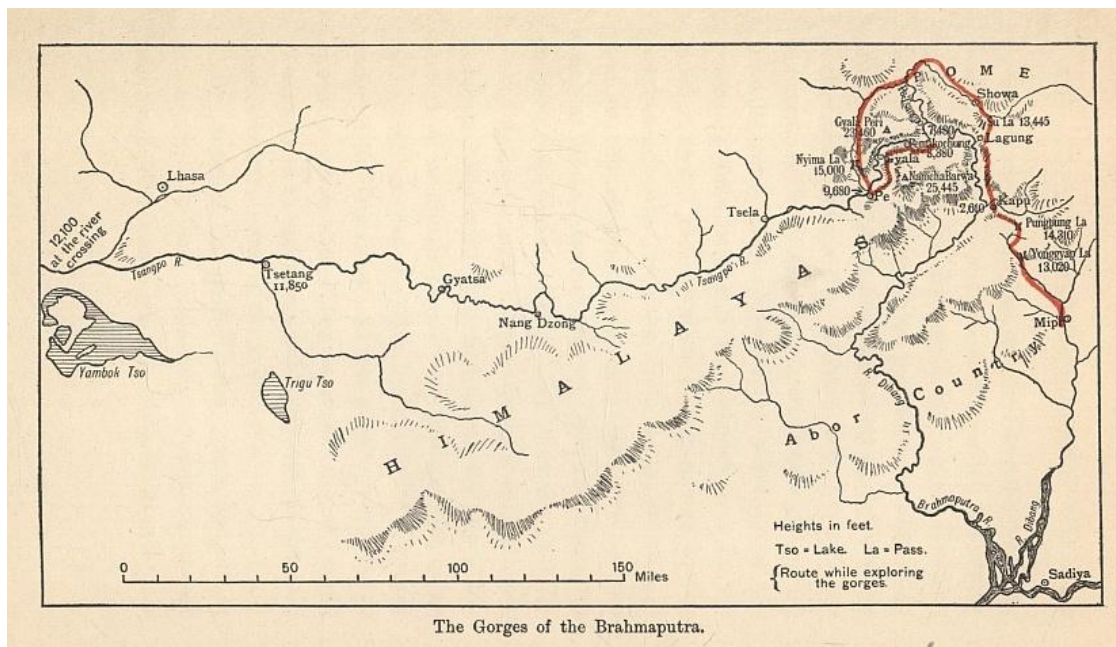
II УЩЕЛЬЯ БРАХМАПУТРЫ

УЩЕЛЬЯ БРАХМАПУТРЫ

(Карта, стр. 48.)

Пятьдесят лет назад одним из наиболее обсуждаемых среди географов вопросов было происхождение Брахмапутры. Великая река, судоходная на протяжении 800 миль от своего устья, была достаточно знакома в своем течении по равнинам Индии; но она текла из дикой страны Абор, и ни одна часть индийских границ не была менее известна, чем эти северо-восточные предгорья. Тем временем в Тибете, к северу от главной цепи Гималаев, протекала с запада на восток большая река Цангпо. Стало ли Цангпо в конечном итоге Брахмапутра, или оно впадает в Иравади, или даже в Янцзы Кианг? Были высказаны все три точки зрения, но не было никаких доказательств, позволяющих сделать выбор между ними.

В 1874 году местный исследователь, пандит Наин Сингх, отправился в свое знаменитое путешествие из Леха в Лхасу, и ему было поручено, если возможно, проследить за Цангпо и посмотреть, куда оно ведет. Он добрался до Лхасы, а на обратном пути напал на Цангпо в Цетанге, значительно восточнее того места, где британская экспедиция пересекла границу в 1904 году. Он проследовал по ее течению еще тридцать миль, но ему помешали продолжить свое путешествие и вынудили вернуться прямым путем в Индию. В 1878 году другой местный исследователь, Г.М.Н., по-видимому, проследовал по Цангпо до Гьялы, которая находится недалеко от места, где река резко поворачивает на юг, но его сообщения не были признаны достоверными. В 1884 году другому туземцу, Кинтупу, удалось пройти по течению Цангпо до точки под названием Пемакочунг. Там он обнаружил огромное ущелье и был вынужден сделать крюк на север и восток, чтобы воссоединиться с ручьем там, где он впадал в страну Абор. Отчет Кинтупа представлял величайший интерес. Он стоял в начале, по-видимому, непроходимого ущелья и сообщил о падении в Пемакочунге с высоты 150 футов. Однако он был совершенно неграмотен и смог составить свой отчет только по памяти, и вскоре выяснилось, что высота могла составлять всего 50 футов и что более высокое падение было не в главном потоке, а в небольшом притоке. Однако его экспедицией был установлен один факт чрезвычайной важности. Цангпо, вне всякого разумного сомнения, была Брахмапутра в ее верхнем течении.

Ущелья Брахмапутры.

Лхасская экспедиция 1904 года охотно проследила бы реку до равнин, если бы правительство не наложило вето. В последующие годы источник Цангпо был обнаружен капитаном Роулингом. В 1911 году экспедиция Абора расширила наши знания о течении Брахмапутры вплоть до границ главного хребта. Проблема теперь заключалась не в соединении Цангпо и Брахмапутры, а в том, что случилось с рекой в крутом изгибе между Пемакочунгом и ее впадением в долины Абора. Высота ручья в том месте, где его пересекала главная дорога в Лхасу, составляла около 12 000 футов. Оттуда до Пемакочунга мы знали, что потери в высоте не очень велики, но когда Брахмапутра появилась в предгорьях Абора, она находилась всего на высоте 1000-2000 футов над морем. Протяженность неизвестного русла составляла, возможно, 200 миль, и на этом участке река прорывалась через главный хребет Гималаев. Возможно — нет, это было вполне вероятно, — что где-то в этих ущельях, которые Кинтуп считал непроходимыми, скрывался самый грандиозный водопад в мире.

Тайна ущелий Брахмапутры была одной из тем, которые больше всего интересовали географов в период с 1904 по 1913 год. В тот последний год тайна была раскрыта, и *ignotum* оказалось, что это не *magnificum*. Это история решения.

Течение Брахмапутры через Ассам примерно с северо-востока на юго-запад, но в месте под названием Садия главный поток, известный там как Диханг, резко поворачивает на север. В этом месте она также принимает важный приток на своем левом берегу, который называется Дибанг. Зимой 1912-13 годов капитан Ф. М. Бейли, офицер индийской политической службы, был нанят правительством для обследования бассейна Дибанга, в то время как другая группа отправилась через страну Абора для обследования Диханга. В начале 1913 года капитан Бейли и капитан Морсхед из Королевских инженерных войск собрали все, что смогли, и отправились в путь из деревни Мипи в верховьях реки Дибанг. Их целью было пересечь долину Диханг и следовать вверх по течению реки к Тибетскому нагорью. Капитан Бейли участвовал в Лхасской экспедиции и имел многолетний опыт исследований в различных частях Тибета, так что он обладал всей квалификацией, необходимой первопроходцу. Но его отряд был плохо экипирован, поскольку выступил более или менее спонтанно, и у него не было времени получить необходимые припасы из Индии. Он полагался на престиж, завоеванный экспедицией Абора, и на свой опыт знакомства с обычаями тибетцев, которые снабдили его кули и местными припасами.

Теперь внимание читателя приковано к карте. Первым делом нужно было пересечь высокие перевалы, отделяющие Дибанг от Диханга. Погода оказалась отвратительной, и на часть маршрута удалось выдать только половину пайка. Спустившись в долину Диханга, они снова обнаружили поля и деревни и смогли пополнить свои запасы дичью, особенно фазанами, которые кишели на обочинах дорог. Необходимо было установить связь с разведывательной партией Абора ниже по реке, и, соответственно, им пришлось остановиться на несколько дней. В местечке под названием Капу им удалось измерить высоту русла реки и обнаружили, что высота над уровнем моря составила 2610 футов — важный результат, поскольку они не смогли провести никаких других наблюдений на уровне воды ниже основных ущелий.

Эти предгорья Гималаев были населены в основном дикими племенами, родственными аборам, которые были известны под общим названием лопас. Но по мере продвижения экспедиции

вверх по реке они пришли в страну поба, находившихся под тибетским влиянием. В Лагунге, который находится примерно в центре излучины хайрпин, течение реки повернуло на запад. Возможно, они могли бы пройти по нему еще миль тридцать, но чиновник из Поба, с которым они подружились, настоял на том, чтобы они направились на северо-восток, в абсолютно неизвестную страну По-ме, что позволило бы им сделать крюк и достичь Гьялы в начале ущелий. Капитан Бейли решил, что исследовать ущелья будет легче, спустившись вниз по течению.

21 июня они пересекли перевал высотой более 13 000 футов и оказались в долине реки, известной как По-Цангпо, притока Брахмапутры. Это был ручей шириной в 80 ярдов, причем такой быстрый, что его течение представляло собой один водоворот пены. Местные жители очень боялись китайцев, и было необходимо смело отправляться в Сева, столицу, где можно было получить письмо от исследовательской партии Абора, подтверждающее их респектабельность. Китайцы сожгли это место, убили вождя и обезглавили совет, и жители косо смотрели на путешественников из-за китайской надписи индийскими чернилами, которую они носили с собой. Однако через три дня от группы Абора пришло письмо, в котором они убеждались, что капитан Бейли и капитан Морсхед, во всяком случае, были слугами английского короля.

Теперь исследователи двинулись на северо-восток вниз по По-Цангпо, столкнувшись с большими трудностями при пересечении притоков, где мосты в основном были разрушены. Это была прекрасная земля, пестревшая примулами, ирисами и голубым маком, а дороги были обсажены малиной. Теперь они покидали страну По-ме и путешествовали среди тибетцев более цивилизованного типа, которые носили шляпы, как священнослужители, сделанные из шерсти яка. Преодолев перевал высотой более 15 000 футов, они вернулись к главному течению Цангпо. Этой страной руководил Цонпен из Целы, который приехал встретить путешественников — вежливый джентльмен, чей сын играл в регби и был многообещающим игроком в крикет.

Теперь они были на реке Цангпо, над таинственными ущельями. Они оставили позади жаркие долины нижнего течения и нашли сухую тибетскую долину, где главными посевами были ячмень и гречиха. Река была широкой и медленной, в одном месте впадая в озеро шириной 600 ярдов, а ее высота составляла 9680 футов. Теперь проблема заключалась в том, чтобы проследить за ним вниз от этой точки до точки их последнего наблюдения, где высота составляла всего 2610 футов. Где-то в промежуточном участке ущелья он, должно быть, совершает огромный спуск высотой более 7000 футов.

Первым этапом было преодоление двадцати двух миль до Гьялы, которую мы посетили в 1878 году. Ручей разлился из-за таяния снегов, и путь вдоль воды был труден. Через четыре дня марша ниже Гьялы они достигли Пемакочунга, предела исследований Кинтупа. До сих пор они миновали несколько небольших порогов, но ничего похожего на водопад. Милей ниже Пемакочунга они вышли к каскаду Кинтхап. Она оказалась всего около 30 футов высотой и не вертикальной.

Теперь дорога стала необычайно запутанной. Огромные отроги спускались к реке и перегораживали долину, и, чтобы преодолеть их, приходилось прорубать тропинки через густой лес и заросли рододендрона. Здесь не было никакой тропы, а притоки, спускающиеся с соседних ледников, часто было трудно пересечь. У них заканчивалась еда, и они не могли получить достоверной информации о возможности спуска по ручью. Капитан Морсхед и кули

соответственно вернулись в Гьялу, а капитан Бейли с одним человеком и пятнадцатью фунтами муки попытался спуститься по Цангпо тем путем, которым, как говорили, недавно прошел отряд Монбаса. Он нашел монба, но они были дикими, подозрительными и отнюдь не услужливыми. Они отказались отвезти его в свою деревню и отказались показать дорогу вокруг труднопроходимых утесов. Очевидно, они считали, что путешественник, у которого был только один слуга и который сам нес большую часть своего багажа, должен быть персоной незначительной, о которой не стоит беспокоиться. Однако ему удалось узнать от них кое-какие новости о нижней долине.

Он вернулся в Гьялу и присоединился к капитану Морсхеду, и они продолжили собирать свои знания воедино. В Гьяле со скал сбегает небольшой ручей, образуя водопад, в котором сокрыт бог Сингче Чогье. Изображение божества высечено или нарисовано в скале за водопадом, но увидеть его можно только зимой, когда воды мало. Это, по-видимому, было падение Кинтупа с высоты 150 футов. Итак, почему же столь скудная природная особенность приобрела такую известность среди тибетцев, если слава о ней распространилась далеко по стране? Причина, по-видимому, в том, что он уникален, потому что других высоких водопадов здесь нет. Если бы этот вывод был сделан на основании показаний Кинтупа, тайна ущелий Брахмапутры была бы давно разгадана.

Путешественники собирали свои наблюдения о высоте уровня реки и скорости течения. В Пе, где они впервые нанесли удар по Цангпо, высота составляла 9680 футов; тридцатью четырьмя милями ниже уровень реки составлял 8730 футов, что дает перепад 28 футов на милю. В Пемакочунге высота составляла 8380 футов, а перепад высот - 24 фута с каждой мили. Тремя милями ниже высота составляла 8090 футов, что дает перепад высот 97 футов на милю, включая перепад высот в 30 футов при падении Кинтупа. В самой низкой точке русла реки, достигнутой капитаном Бейли, высота составляла 7480 футов, что давало перепад 48 футов на милю. Следующей точкой на реке, которую они посетили, был Лагунг, ниже ущелий, где они не могли вести наблюдение за руслом реки; но в сорока пяти милях ниже по течению высота составляла 2610 футов.

Таким образом, оставалось около пятидесяти миль ущелья, которое не было исследовано и не могло быть исследовано, и информация о нем была лишь косвенной. От Лагунга вверх по течению до того места, где По-Цангпо соединяется с Цангпо, лежал участок, который посетили многие туземцы. Высота перекрестка оценивалась в 5700 футов, что дало бы падение на 3090 футов на протяжении семидесяти пяти миль до наблюдаемой ими отметки 2610 футов - падение примерно на 41 фут за милю. Водопада здесь явно не было. От слияния двух ручьев до места, где капитан Бейли повернул обратно, было не более двадцати миль, а перепад 1780 футов, что дает падение 89 футов на милю. Монбы, которых он встретил, рассказали ему, что они охотились на правом берегу ручья на всем этом неизвестном участке и что, хотя там было много порогов, больших каскадов не было.

Нас не интересует дальнейшая часть путешествия капитана Бейли и капитана Морсхеда, которое привело их вверх по течению к Цетангу, куда в 1874 году отправился Наин Сингх, и обратно в Индию через дикую страну на границе с Бутаном. Можно считать, что их свидетельства окончательно разрешили загадку того, как великая река прорывается через самый высокий хребет на земном шаре. Он делает это через сотни миль чудесных ущелий, где ручей пенится порогами, но нет водопада более значительного, чем в шотландских лососевых

реках. Я не уверен, что реальность не более впечатляюща, чем романтические ожидания. Могучее течение не разбрасывает брызги с огромного утеса, но за века оно пробило глубокую впадину в этой грозной скальной стене. Достаточно любопытно, что реки, прорывающиеся через Гималаи, выбрали для перерезания самые высокие части хребта. К югу от Пемакочунга находится великий пик Намча Барва высотой 25 445 футов; к северу от него находится пик Гьяла Пери высотой 23 460 футов. Расстояние между этими горами составляет всего около четырнадцати миль, и через этот промежуток, на высоте чуть менее 9000 футов, протекает великая река.

III СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

(*Карта, стр. 80.*)

Я

Когда скептически настроенные люди говорят, что полярные исследования не принесли никакой пользы человечеству, допустимо думать, что их суждения столь же несостоятельны, сколь ограничена их точка зрения. Полярные исследователи не только внесли огромный вклад в научные знания о мире, но и оказали материальную помощь торговле. Но даже если бы эти путешествия не принесли научных и коммерческих результатов, их все равно стоило бы совершить.

Ведь среди полярных исследователей много людей, которых все должны считать героями. Ни одно обучение не было более суровым и опасным, ни одна работа никогда не требовала большей выносливости, ресурсов и мужества. Нация, лишенная своих героев, находится в печальном положении; на нацию, которая имеет их и игнорирует их пример, можно смотреть только с жалостью. Дух высоких приключений - это тот, которым ни одна страна не может позволить себе пренебрегать.

История географических открытий на своих начальных этапах - это почти исключительно история завоеваний. Люди либо ради собственной выгоды, либо ради выгоды своей страны, а иногда и ради того и другого, отправлялись на поиски неизвестных земель, потому что хотели торговать с ними. Пифеас, которого называют "одним из самых бесстрашных исследователей, которых когда-либо видел мир", был первым человеком, донесшим новости об арктических регионах до цивилизованного мира. Он не притворялся, что посещал их, но примерно в 330 году

до нашей эры он выехал из Марселя и направился на север. Во время этого путешествия, которое, должно быть, длилось несколько лет, он посетил Британию, а затем, направляясь к самой северной точке Британских островов, услышал об арктической стране под названием Туле, где в одно время года царил вечный день, а в другое - вечная ночь.

Совершив скачок на несколько сотен лет вперед, мы приходим к Птолемею, чье влияние на географию было почти первостепенным со второго века до сравнительно нового времени. Нет никого опаснее плохого картографа или ценнее хорошего; но хотя Птолемей допустил много ошибок, он также проделал такую великолепную работу, что о них довольно легко забыть. Ему мы обязаны названиями широты и долготы, и о нем хорошо сказано, что он обладал необычайной "честью быть величайшим авторитетом в астрономии и географии на протяжении более чем полутора тысяч лет". Работа Птолемея, возможно, и нуждалась в исправлении и расширении, но, по крайней мере, он дал миру нечто, достойное исправления.

В восьмом и девятом веках скандинавы наводили ужас на Европу. "Гарольд светловолосый" правил с 860 по 930 год нашей эры, и эти семьдесят лет были периодом великих приключений. Во время правления Гарольда скандинавы колонизировали Исландию, а в 983 году Эрик Рыжий основал колонию в Гренландии, которая процветала до тех пор, пока норвежцы не перестали проявлять к ней интерес.

Только в пятнадцатом веке английские моряки начали обращать свое внимание на Север. Они были более или менее вынуждены это сделать. Португалия и Испания были всемогущи на Востоке и Западе, и поэтому Англия начала всерьез задумываться о том, чтобы найти путь в Китай и на острова Пряностей северным путем. Но если мы немного запоздали с тем, чтобы начать обращать внимание на арктические регионы, то у нас есть все основания быть довольными нашей работой после того, как мы ее однажды начали. Пятнадцатый век ознаменовался значительной активностью в Скандинавии, но только в 1505 году Компания купцов-авантюристов получила хартию, и с этого года мы можем датировать наш реальный интерес к открытию Арктики.

Думая о полярных исследованиях, возможно, полезно иметь в виду, что между двумя полярными регионами существует заметная разница. Арктика - это океан, окруженный континентальными землями; Антарктика - это континентальная суша, окруженная океанами.

В 1553 году сэр Хью Уиллоуби отправился на поиски северо-восточного прохода в Индию. Во время этого путешествия— в ходе которого Уиллоуби расстался с жизнью, была открыта Новая Земля, и Ричард Ченселлер, принимавший участие в экспедиции, достиг Архангельска; а затем, путешествуя по суше в Москву, был милостиво принят Иваном Грозным, царем России. Этот визит имел большое значение, поскольку помог наладить торговлю между Англией и Россией.

Конкуренция за поиск маршрута на север, в Китай и Индию, к этому времени в Европе обострилась, и многие смелые мореплаватели отправились в путь из Англии. Среди моряков, которые поддерживали ее высокий послужной список в морях, особого упоминания заслуживает сэр Мартин Фробишер. В 1576 году он отправился в путь, несомненно, ободренный известием о том, что королеве Елизавете "по душе их дела", чтобы найти северо-западный проход. Трижды Фробишер совершал путешествия на север, достиг Гренландии и открыл пролив, названный в его честь. "Тот недостойн вообще жить, - писал сэр Хамфри Гилберт во второй половине шестнадцатого века, - кто из страха опасности или смерти пренебрегает

службой своей стране или собственной честью, поскольку смерть неизбежна, а слава добродетели бессмертна". Несомненно, наши моряки елизаветинской эпохи не гнушались "службы своей стране", и сама Елизавета была первой, кто оценил и поощрил их предприимчивость.

В 1585 году еще один выдающийся исследователь, Джон Дэвис, начал свою карьеру, и во время своих путешествий он сделал открытия, которые "превратили арктические регионы из запутанного мифа в определенную область". Он обнаружил несколько проходов на запад и таким образом укрепил надежду найти северо-западный проход; и он также достиг "самого дальнего севера", 72 ° 12' северной широты, примерно в тысяче ста милях от географического Северного полюса.

Пока еще никто не обращал своих мыслей к самому Северному полюсу, но можно с уверенностью сказать, что Дэвис и люди его уровня уже начали готовить почву для того времени, когда он будет достигнут. Ибо его открытия, как и открытия многих более ранних исследователей, были важны сами по себе, а также служили руководством и стимулом для тех, кто следовал за ними. Тем временем Дэвис установил рекорд "самого дальнего севера", рекорд, который Великобритания, за исключением очень немногих лет, продолжала удерживать до 1882 года.

Многие английские мореплаватели проделали огромную работу по сохранению этого рекорда, и среди них был Генри Хадсон, который отправился в 1607 году с целью найти северо-западный проход в Индию. Хадсон в этом плавании достиг 80 ° северной широты и проделал наиболее ценную работу в квадранте Шпицбергена. Также сообщается, что двое из его людей видели русалку, что, по крайней мере, может быть воспринято как свидетельство того, что они были более чем обычно наблюдательны. Путешествия Хадсона имели первостепенное значение как с географической, так и с коммерческой точки зрения. Он не только сделал много открытий, в том числе открытие реки, носящей его имя, но и привез новости, которые непосредственно привели к созданию китобойного промысла на Шпицбергене, отрасли, которая была чрезвычайно прибыльной для Голландии.

В 1615 году Уильям Баффин открыл землю, названную его именем; а затем на некоторое время английские открытия в арктических регионах перестали привлекать внимание. Баффин совершил не менее пяти путешествий на Север, и с научной точки зрения его наблюдения были неизменно ценны для последующих исследователей.

Помимо географических открытий, эти арктические путешествия до сих пор были большим стимулом для торговли. В Гренландии, проливе Дэвиса и Шпицбергенском море торговля началась после открытия, и то, что произошло в этих частях Арктики, также произошло в Гудзоновом заливе после образования Компании Гудзона залива в 1668 году. На самом деле, на какое-то время желание совершать географические открытия было почти вытеснено желанием торговать.

Однако приятно отметить, что в течение восемнадцатого века некоторые из наших правительств проявляли разумный интерес к географическим открытиям. Они предложили награду в размере 5000 фунтов стерлингов за достижение 89 ° Северной широты, а 20 000 фунтов стерлингов было предложено любому, кто сможет найти Северо-Западный проход. Нельзя упускать из виду ту роль, которую русские сыграли в открытии Арктики в начале XVIII века. В 1728 году Петр Великий

отправил экспедицию под командованием датчанина Витуса Беринга, в ходе которой были сделаны открытия Берингова пролива и другие; и хотя невозможно перечислить их подробно, вклад, который русские внесли в открытие Нового Света Старому, был самым похвальным для них как нации.

В 1773 году капитан Фиппс провел экспедицию, которая сейчас представляет главный интерес из-за того факта, что в ней принимал участие Горацио Нельсон, тогда еще молодой мичман. "Велики, - говорит сэр Клементс Маркхэм, - как ни велики коммерческие выгоды, полученные от открытия Арктики, и еще более велики его научные результаты, наиболее важным из всех является его использование в качестве питомника для наших моряков, школы для наших будущих нельсонов и как дающего наилучшие возможности отличиться молодым морским офицерам в мирное время". И это неоспоримая правда, что многие из наших лучших моряков обучились своему ремеслу в суровой школе географических исследований.

С наступлением девятнадцатого века многие экспедиции были отправлены на Крайний Север. Желание действительно достичь самого Северного полюса не приходило в голову этим отважным мореплавателям, главной целью их путешествий было либо найти Северо-Западный проход вокруг Северной Америки в Индию, либо Северо-Восточный проход вокруг Азии. Тем не менее, каждое из этих путешествий пополняло запас накопленных знаний, каждая экспедиция разгадывала некоторые тайны Севера и готовила путь к разгадке того, что впоследствии стало считаться величайшей тайной из всех.

В 1819 году сэр Эдвард Пэрри предпринял первое из арктических путешествий, прославивших его имя в анналах исследований. Моряк по профессии, Пэрри был счастлив обладать качествами, которые позволяли ему руководить людьми. Во время его первой экспедиции был выигран приз, предложенный английским правительством первому мореплавателю, прошедшему 110-й меридиан. Пэрри и его группа провели зиму в Арктике — зиму, которая, благодаря тщательной подготовке их лидера, прошла без происшествий; а затем, когда зима закончилась, была предпринята экспедиция по исследованию внутренних районов острова Мелвилл. Так Пэрри положил начало путешествиям в Арктику.

Последовали другие успешные плавания под тем же руководством, и когда в 1827 году наше Адмиралтейство начало благосклонно рассматривать идею подойти как можно ближе к Полюсу через Шпицберген, Пэрри, естественно, был выбран командовать экспедицией. Итак, в четвертый раз Пэрри поплыл на север и, достигнув северного побережья Шпицбергена, нашел хорошую гавань для своего корабля "Гекла" и оставил его там. Исследователи взяли с собой специально оборудованные лодки, и они надеялись, что смогут перетащить их по льду. Летом, однако, начало раскалывать льдины, и в результате путешественникам постоянно приходилось снимать с лодок стальные полозья, чтобы можно было пересекать участки открытой воды. Более того, льдины, которые они все-таки нашли, казалось, возмущались таким обращением, поскольку большинство из них были маленькими и усеянными препятствующими им кочками. Только после того, как они протащили почти месяц, им встретились большие льдины, и к тому времени южный дрейф льда был в самом разгаре. Как бы сильно Пэрри и его люди ни тянули, они обнаружили, что дрейф был таким же сильным, как и они, — или даже сильнее. После невероятных усилий Пэрри достиг 82 ° 45', более высокой широты, чем любая другая, достигнутая в течение следующих пятидесяти лет. Это была великая попытка человека, чья преданность своему долгу выше всяких похвал.

Прежде чем мы перейдем к самой трагической истории в истории освоения Арктики, необходимо упомянуть открытия капитана Джона Росса. В своей первой экспедиции на Север капитан Росс не добился успеха; но во время своего второго путешествия, когда его сопровождал его племянник Джеймс К. Росс (впоследствии получивший известность в Антарктике), был открыт Северный магнитный полюс, и британский флаг был установлен там на $70^{\circ} 5' 17''$ с.ш. и $76^{\circ} 16' 4''$ в.д. Экспедиция Росса провела четыре зимы подряд на Крайнем Севере, открыла более двухсот миль береговой линии и вернулась с обильным урожаем научных знаний.

Мы вполне можем восхищаться любовью к приключениям и желанием совершать географические и научные открытия, которые побуждали к этим постоянным экспедициям в те части света, которые никак нельзя назвать привлекательными. Честь была и остается заслугой людей, которые их предприняли, но памяти Джона Франклина воздаются особые почести, поскольку его имя связано как с героизмом, так и с трагедией.

Еще мальчиком Франклин, несмотря на сопротивление отца, решил стать моряком. В возрасте четырнадцати лет он был в составе "*Полифема*" в битве при Копенгагене, а впоследствии присутствовал в Трафальгарской битве. Мирный период, как всегда, принес с собой безработицу для моряков, и в возрасте двадцати девяти лет Франклин оказался нежеланным на флоте. Однако, когда в 1818 году Адмиралтейство решило отправить экспедиции на поиски Северного полюса и Северо-Западного прохода, Франклин был выбран командиром "*Трента*". Этот корабль был совершенно непригоден для такой задачи, и из—за официальной экономии, если не сказать скупости, Франклину пришлось вернуться, не добившись никакого успеха.

В следующем году его снова послали с приказом исследовать северное побережье Арктической Америки и "простираение этого побережья от устья реки Коппермайн на восток". Только в 1822 году эта исследовательская экспедиция подошла к концу, пройдя 5550 миль по воде и суше.

Рассказ о его приключениях, какими бы необычными они ни были, является лишь предисловием к жизни Франклина как исследователя. Он действительно был настолько знаменит, что, когда в 1844 году вернулся с Тасмании, где был губернатором в течение семи лет, ему предложили возглавить важную арктическую экспедицию. В то время ему было почти шестьдесят лет, но ему не терпелось возобновить свою исследовательскую работу, и в 1845 году он отправился в плавание на "*Эребусе*" и "*Терроре*" (кораблях, которые уже снискали свои лавры под руководством сэра Джеймса Росса в Антарктике).

В надежде найти Северо-Западный проход, столь желанный и так долго скрывавшийся, Франклину было поручено попробовать пройти по каналу Веллингтона, если путь не преградят льды. Было обнаружено, что пролив свободен, и исследователи продвигались вверх по нему, пока не достигли 77° северной широты, затем их продвижение было заблокировано льдами, и они повернули на юг и нашли зимовье у острова Бичи. До сих пор все шло хорошо, и когда в конце зимы корабли были освобождены ото льда, надежды на дальнейший успех, должно быть, возросли. Но вскоре была допущена ошибка, которая привела к фатальным результатам — ошибка из-за ошибки составителей карт.

Некоторое время корабли весело плыли дальше, изо дня в день совершались важные открытия. Затем пришло роковое решение. На юге все было открыто. "Если бы они продолжали следовать своим южным курсом, два корабля достигли бы Берингова пролива. Перед ними был судоходный пролив. Но, увы! составители карт нарисовали перешеек (который существовал только в их воображении), соединяющий Бутию с Землей Короля Уильяма. Они изменили курс на запад и пропали".* Вскоре корабли были окружены плотным паковым льдом и оказались в опасном заточении. Весной 1847 года были отправлены экспедиционные группы, и одна из них под командованием Грэма Гора открыла Северо-Западный проход и, следовательно, доказала связь между Атлантическим и Тихим океанами. Когда стороны вернулись, Франклин был серьезно болен и умер 11 июня 1847 года.

* *"Земли безмолвия" Маркхэма* (Издательство Кембриджского университета).

Никогда не было написано более прекрасной эпитафии, чем та, что в Вестминстерском аббатстве, которую Теннисон написал в честь Джона Франклина, своего дяди:

- Не здесь! Холодный Север пробрал твои кости, и ты,
Героическая душа моряка,
Отправляйся сейчас в свое счастливое путешествие
Ни к какому земному полюсу".

Последовала ужасная зима для этой доблестной группы исследователей. Месяцы и льды оставались непроходимыми, и в конце концов корабли пришлось бросить. Даже если "Эребус" и "Террор" удалось бы освободить ото льда, было более чем сомнительно, что они всплывут, настолько они были измотаны долгим и медленным дрейфом. Пища была недостаточной как по количеству, так и по качеству. Двадцать два офицера и рядовых погибли в ту ужасную зиму; остальные были настолько ослаблены лишениями, что, хотя они знали, что их единственный шанс - отступить к Рыбьей реке Бэк, ни у кого из них не хватило сил успешно совершить такой марш.

Бесполезно заикливаться на страданиях этих героических людей. Капитан Крозье и капитан Фицджереймс приняли все меры предосторожности и сделали все возможные при данных обстоятельствах приготовления, но игральные кости были слишком сложны против них. 22 апреля 1848 года со своими двумя тяжелыми лодочными санями они предприняли отчаянное усилие. Ни один из них не выжил. "Эребус" затонул, когда лед отпустил его. "Террор" тоже затонул, но только после того, как его отнесло к американскому побережью и разграбили эскимосы. Прискорбно думать, что оперативные действия Англии могли бы спасти, по крайней мере, некоторые из этих ценных жизней. Но поначалу, хотя их судьба вызвала серьезную тревогу, не было предпринято никаких усилий, чтобы их найти. Только в 1848 году были отправлены экспедиции на поиски отряда Франклина, и ни одной из них не удалось найти никаких следов. Однако одна из этих экспедиций была примечательна тем, что в ней принял

участие Леопольд Макклинток, впоследствии получивший такую известность как санный путешественник.

К 1850 году вся страна была основательно взбудоражена, и правительство решило отправить хорошо оснащенные экспедиции. "*Энтерпрайз*" и "*Исследователь*" под командованием капитанов Коллинсона и Маккляра были отправлены на поиски через Берингов пролив; а четыре корабля под командованием капитана Остина должны были искать следы пропавшей группы через пролив Ланкастер. Экспедиции Остина не удалось найти пропавших людей, но она была превосходно проведена и организована, и ее санные путешественники (среди которых был Макклинток) преодолели более 7000 миль и открыли более 1200 миль новых земель. Когда капитан Остин вернулся в Англию, о "*Энтерпрайзе*" и *Исследователе* ничего не было слышно, и после некоторого обсуждения и последующей задержки было решено снова отправить четыре корабля в Арктику. Теперь предстояло разыскивать не только людей Франклина, но и "*Энтерпрайз*" и *Следователя*. Это был случай, когда поисковые группы искали поисковые группы.

В достижении своей главной цели — разгадки тайны Франклина и его спутников — эти экспедиции не увенчались успехом, но в других отношениях они более чем оправдали себя. И Коллинсону в "*Энтерпрайзе*", и Маккляру в "*Исследователе*" удалось найти Северо-Западный проход, и экспедиция, отправленная Маккляру частично с целью оказания помощи ему и Коллинсону, оказала столь необходимую помощь. Кроме того, поездки Мак-Клинтока и Мехамы на санях во время этих экспедиций были непревзойденными по результату и настоящим триумфом организации.

Из-за начала Крымской войны в 1854 году интерес общественности к судьбе экспедиции Франклина уменьшился, но леди Франклин осталась верна цели, которой было посвящено столько лет ее жизни; и после того, как правительство отказалось оказывать ей дальнейшую помощь, она решила снарядить частную экспедицию, командование которой принял капитан Макклинток. В июне 1857 года "*Фокс*", паровая яхта водоизмещением 177 тонн, отправилась в путешествие в Гренландию, но, достигнув пролива Мелвилл, Макклинток обнаружил, что он необычайно забит льдом. Маленькое суденышко было прочно заточено, и ему пришлось провести зиму в дрейфующей стае. В течение восьми месяцев она продвинулась на юг почти на 1200 географических миль и была освобождена из своей тюрьмы только в апреле 1858 года.

После такого опыта многие командиры направились бы в порт для переоборудования, но Макклинток был другого склада. Как только *Лиса* освободилась из своего опасного положения, он повернул ее голову на север и снова взялся за работу, для выполнения которой его послали. И эта решимость сконцентрироваться любой ценой на определенной цели, находящейся в руках, в конечном счете принесла свою печальную награду. В июне 1859 года было неопровержимо доказано, что сообщение эскимосов (полученное в Англии в 1854 году) о том, что они видели трупы нескольких людей Франклина, было правдой. "Вся береговая линия, вдоль которой отступающие экипажи совершали свой устрашающий марш, - писал Макклинток, - должна быть священна только для их имен".

Среди многих подвигов, которые Мак-Клинток и его люди совершили во время этого последнего поиска, были поход вокруг острова Кинг-Уильям, открытие единственного судоходного Северо-Западного прохода и открытие около 800 миль новой береговой линии. Что касается

географических открытий, то главным результатом многочисленных экспедиций, отправленных на поиски Франклина, было нанесение на карту островов к северу от Северной Америки.

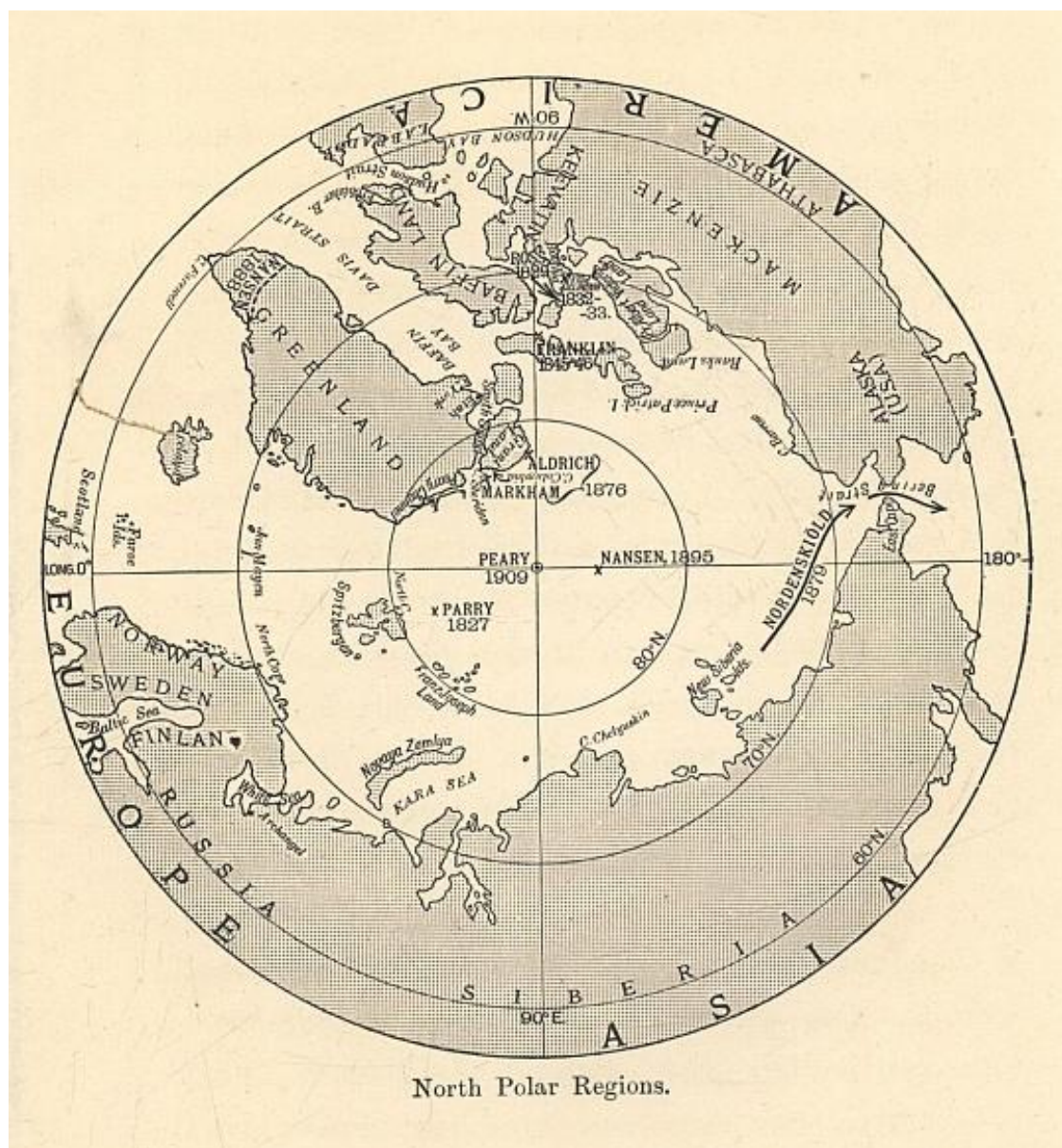
В 1853 году американская экспедиция под руководством Элиши Кейна, отправленная на поиски Франклина к северу от пролива Смита, была плодотворной в географических открытиях и наметила так называемый американский маршрут к Полюсу.

Интерес к маршруту пролива Смита начал расти в Англии, и его стимулировала другая американская экспедиция, возглавляемая Чарльзом Холлом в 1871 году. Но хотя желание провести больше арктических исследований было сильно ощущаемо многими англичанами, нельзя сказать, что это поощрялось в официальных кругах. В 1872 году мистер Лоу и мистер Гошен действительно приняли делегацию энтузиастов Арктики, но их ответы ни в коей мере не были обнадеживающими. Экспедиция, однако, под командованием командера Альберта Маркхэма, отправившаяся в 1873 году, преуспела в поимке двадцати восьми китов, стоимость которых составила почти 19 000 фунтов стерлингов; и результатом этого путешествия стало стимулирование идеи дальнейшего арктического предприятия.

В ноябре 1874 года лорд Биконсфилд, который в то время был премьер-министром, объявил, что будет отправлена арктическая экспедиция для поощрения морской предприимчивости и исследования регионов вокруг Полюса. Сэр Клементс Маркхэм и другие энтузиасты Арктики в Англии были в восторге от этого объявления, но их восторг был недолгим. Эти энтузиасты в течение многих лет выступали за проведение исследовательских работ в районе вокруг Полюса, но они не считали, что следует предпринимать простой бросок к полюсу до тех пор, пока, во всяком случае, не будет выполнена работа, представляющая большую ценность для человечества. Руководство планируемой экспедицией было взято на себя Адмиралтейством, и велик был ужас сэра Клемента и его друзей, когда было объявлено, что "главной целью экспедиции было достижение наивысших широт и, по возможности, Северного полюса".

Как бы ни была неприятна подобная цель этим энтузиастам, они не могли не радоваться интересу, проявленному к экспедиции, и тому факту, что командовать ею был назначен капитан Нейрс. В конце мая 1875 года корабли отплыли из Портсмута, и по прибытии в арктические районы Нэрс должен был иметь в виду полученные им четкие инструкции. Короче говоря, исследовательская работа должна была уступить место попыткам достичь, если возможно, самого Полюса. Но как бы он ни стремился выполнить свои приказы, на его пути стояла одна ужасная напасть. Цинга, эта смертельная болезнь, поразила его отряд зимой, и почти половина его людей страдала от нее. В таких условиях у него были серьезные трудности, но он решил отправить три санных отряда — на восток, на запад и на север. Лейтенант Пелхэм Олдрич командовал западным отрядом, и, хотя большая часть команды саней была ослаблена цингой, они прошли более 600 миль и преуспели в достижении 82 ° 48' северной широты, на несколько миль севернее, чем Пэрри достиг примерно пятьдесят лет назад.

В 1882 году американская экспедиция под командованием лейтенанта Грили, хотя и крайне неудачная в некоторых отношениях, добилась успеха, побив рекорд "самого дальнего севера" у британцев.

Северные полярные регионы.

Мы должны на мгновение отвлечься от этих попыток продвигаться все дальше и дальше на север, чтобы упомянуть о подвигах выдающегося шведского исследователя Адольфа Эрика Норденшельда. Уже в 1873 году Норденшельд начал думать, что Северо-Восточный проход у сибирского побережья может, когда его найдут, оказаться имеющим большую коммерческую ценность, и после нескольких предварительных экспедиций он в 1878 году отправился на "Вега" в свое большое путешествие, и в августе корабль миновал мыс Челюскин, самую северную точку Старого Света. Однако к сентябрю "Вега", когда она была очень близка к завершению своей задачи, была настолько окружена льдами, что не могла двигаться дальше, и в течение десяти месяцев ее держали в плену. Только в июле следующего года "Вега" смогла возобновить свое плавание, и вскоре после этого она обогнула Восточный Кейп и отсалютовала "самому восточному побережью Азии в честь завершения Северо-Восточного прохода". Норденшельд, и как исследователь, и как человек науки, оставил мир в большом долгу перед собой, и хорошо сказано, что "когда он умер, огромное количество знаний умерло вместе с ним".

Имя Норденшельда, как и Фритьофа Нансена, тесно связано с исследовательскими работами в Гренландии. Нансен родился в 1861 году, и ему было всего двадцать семь лет, когда его преданность открытиям побудила его предпринять экспедицию, столь же смелую, сколь и оригинальную. До этой даты, 1888 года, общепризнанным методом, используемым в полярных исследовательских работах, было создание базы, где размещались запасы, и от этой базы совершался марш как можно дальше в различных направлениях. Но когда Нансен решил пересечь Гренландию с востока на запад, он не обратил внимания на общепринятые методы. С пятью спутниками он в июне 1888 года был доставлен на "*Джейсоне*" к кромке льда на восточном побережье Гренландии, и там исследователи, надеясь вскоре достичь суши, сели в свои лодки. Однако прошло некоторое время, прежде чем они смогли совершить посадку, но в конце концов подходящее место было найдено, и тогда они начали свой великий поход. Не имея базы, на которую они могли бы вернуться, партия буквально взяла их жизни в свои руки, поскольку неудача почти наверняка означала смерть.

Начиная с 22 августа, группа четырьмя днями позже поднялась на высоту 6000 футов, а к середине сентября достигла вершины (8 250 футов). В конце концов исследователям удалось добраться до датского поселения Годтхааб, и в следующем году они вернулись в Норвегию. Это была прекрасная попытка, плодотворная как с точки зрения географических открытий, так и с точки зрения метеорологических результатов; и, каким бы известным ни стало имя Нансена впоследствии и заслуженно, он ни в малейшей степени не претендует на почет благодаря этому великому походу через Гренландию.

Между 1892 и 1895 годами американский лейтенант Пири, используя собак для тяги, совершил два успешных перехода через Гренландию и таким образом подготовился к атакам на сам Северный полюс — атакам, которые он в конечном итоге должен был довести до успешного завершения. Дата 1893 года навсегда останется в истории освоения Арктики, поскольку в тот год Нансен отправился в свое замечательное путешествие на своем не менее замечательном корабле "*Фрам*".

В результате тщательных наблюдений и исследований Нансен пришел к убеждению, что имел место непрерывный дрейф льдов от северо-восточного побережья Сибири через Северный Ледовитый океан. До сих пор исследователи Арктики упорно боролись за то, чтобы не оказаться окруженными льдами. Нансен вовсе не собирался следовать за ними по пятам, он планировал заморозить свое судно в паке, а затем дрейфовать к полюсу.

Было бы неправдой сказать, что его план был одобрен большинством экспертов по Арктике, но Нансен был не тем человеком, которого можно было отговорить от любого проекта, за который он брался после рассмотрения. Для такого путешествия был необходим специально построенный корабль, и поэтому мистеру Колину Арчеру было поручено построить судно, специально сконструированное так, чтобы противостоять давлению льда. Главной целью Нансена и Арчера было то, чтобы "она выскользнула, как угорь, из объятий льда".

Нансен подсчитал, что дрейф займет около трех лет, и снабдил "*Фрам*" припасами на пять лет. В этом историческом путешествии Нансена сопровождали еще двенадцать искателей приключений. Отплыв из Норвегии в июле 1893 года, они пересекли Карское море, а в начале сентября обогнули мыс Челюскин. Примерно через две недели корабль вмерз в лед, и начался большой дрейф. В течение следующих месяцев у "*Фрама*" было достаточно возможностей доказать свою состоятельность, и она благородно воспользовалась ими. В октябре было

испытано большое давление со стороны льда, но и тогда, и позже судно устояло и выдержало это давление. За первый год пребывания во льдах *"Фрам"* проплыл 189 миль.

Во время второй зимовки Нансен, взяв с собой Фредерика Йохансена и оставив Отто Свердруп командовать кораблем, решил покинуть *"Фрам"* и попытаться достичь полюса. Старт был сделан в марте 1895 года, и менее чем за месяц было достигнуто 86° 28' северной широты. В этот момент исследователям пришлось повернуть на юг, и после многих опасных приключений в конце августа они высадились на острове группы островов Франца-Иосифа. Там они решили перезимовать, и там им пришлось оставаться девять долгих месяцев. Когда, наконец, они смогли продолжить путь, серьезной катастрофы удалось избежать только благодаря быстроте и мужеству Нансена. Исследователи были на берегу, когда Йохансен заметил, что их каяки (эскимосские каноэ с легким деревянным каркасом, покрытые тюленьими шкурами) дрейфуют по течению. Потеря этих лодок едва ли могла означать для исследователей что-то меньшее, чем смерть, и Нансен немедленно прыгнул в ледяную воду и поплыл за ними. Это было действие столь же быстрое, сколь и героическое, и оно спасло ситуацию; но состояние Нансена, когда он возвращал каяки на сушу, было описано как "скорее мертвое, чем живое", и прошло некоторое время, прежде чем он полностью оправился от результатов своих усилий.

Несколько недель спустя каяки были снова сделаны настолько мореходными, насколько это было возможно в данных обстоятельствах, и Нансен и Йохансен снова отправились в свое полное приключений путешествие, когда, по счастливой случайности, их нашел Фредерик Джексон, руководитель экспедиции Джексона-Хармсворта, которая проделала такую хорошую работу на Земле Франца-Иосифа. Эту встречу Нансена и Джексона сравнивали со знаменитой встречей Ливингстона и Стэнли, и даже если последняя была более драматичной, первая была столь же своевременной, поскольку нельзя отрицать, что Нансен и его спутник оказались в крайне опасном положении. Тем временем дрейф *"Фрама"* под умелым руководством Свердрупа продолжался, и он вернулся в Норвегию только в августе 1896 года.

Результаты экспедиции *Фрама* были исключительно важны. "Они пролили, - писал сэра Клементс Маркхэм, - новый свет на всю арктическую проблему. Нансен приоткрыл завесу, и его экспедиция стала самой важной в наше время. Было обнаружено, что к северу от Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа находится глубоководный океан, простирающийся за пределы Полюса...."

В 1897 году в Альберт-холле была проведена встреча в честь Нансена, чьи работы, как географические, так и научные, более чем заслуживали того радушного приема, который был оказан ему в Англии. Во введении к своей книге *"В северных туманах: исследование Арктики в ранние времена"* Нансен цитирует слова из древнескандинавской хроники *"Королевское зеркало"*, которые любопытным образом проливают свет:—

"Если вы хотите знать, что люди ищут на этой земле [в арктических регионах] или почему люди отправляются туда с такой большой опасностью для своей жизни, то именно тройственная природа человека влечет их туда. Одна часть его натуры - это соперничество и жажда славы, ибо такова природа человека - отправляться туда, где существует вероятность большой опасности, и тем самым прославлять себя. Другая часть - это желание знаний, ибо такова

природа человека - желать знать и видеть те части, о которых он слышал, и выяснить, соответствуют ли они тому, что ему было сказано, или нет. Третья часть - это желание наживы, поскольку люди стремятся к богатству везде, где они узнают, что можно получить прибыль, даже если это сопряжено с большой опасностью".

И, действительно, вполне можно признать, что факторами, которые помогли создать современный мир, являются главным образом стремление к славе, стремление к знаниям и стремление к богатству; и горе нации, которая забывает первый и второй из этих факторов и теряет свою душу, сосредоточившись на последнем из них.

II

В годы, последовавшие за экспедицией Нансена, желание достичь самого Северного полюса овладело умами многих храбрецов. Шаг за шагом были нанесены на карту арктические регионы; постепенно преодолевались препятствия, которые поддерживали Полюс в его великолепной изоляции. Должно было пройти несколько лет, прежде чем его тайны были раскрыты, но в те годы предпринимались почти непрерывные попытки исследовать эти тайны.

Нансен, вне всякого сомнения, обнаружил, что Полюс находится в покрытом льдом море, достаточно негостеприимном месте; но этот факт не помешал исследователям действительно захотеть найти его, и в 1900 году герцог Абрुцци попытался достичь его через Землю Франца-Иосифа. Из-за обмороженной руки герцог не смог принять участие в главном путешествии своей экспедиции, и поэтому командовал им капитан Каньи. Полюс выдержал эти усилия, но Каньи удалось достичь 86 ° 33' северной широты и, таким образом, побить рекорд Нансена по "самому дальнему северу".

Перед экспедицией в Абрुцци Роберт Пири предпринял свою первую крупную атаку на Полюс. Эта экспедиция длилась четыре года — с 1898 по 1902 год, — но Пири столкнулся с такими плотными пластами льда, которые преградили ему путь в Полярный океан, что ему не удалось достичь своей главной цели.

В 1906 году последовала еще одна попытка, и хотя она не увенчалась полным успехом, Пири установил мировой рекорд "самого дальнего севера", достигнув 87 ° 6'. В этой экспедиции он чуть не расстался с жизнью, но вернулся в Америку с мрачной решимостью предпринять еще одну попытку. Опыт был приобретен Пири в изобилии и большой ценой, и к этому добавилась энергия, которая была замечательна даже среди полярных исследователей. Это третье путешествие в Полярные регионы по самой природе вещей должно было стать для него последним. Когда он отправился в путь, ему было пятьдесят три года, и хотя, проработав более двадцати лет в Арктике, он приобрел бесценный опыт, даже опыт не может заставить исследователя Арктики забыть, что молодость также является большим преимуществом в полярных регионах.

В мае 1908 года Пири опубликовал свою программу, основные положения которой достойны упоминания. Он решил воспользоваться тем же кораблем, "*Рузвельт*", который доставил его на север в экспедиции 1906 года. Его маршрут должен был пролегать через пролив Смит; его зимние квартиры должны были быть на мысе Шеридан или даже ближе к Полюсу, если корабль сможет пройти дальше; он намеревался использовать сани и эскимосских собак для тяги; и, наконец, он доверял эскимосам, горцам Арктики, как рядовому составу своих санных отрядов.

К этой экспедиции были проведены самые тщательные приготовления, и пока Пири их проводил, он получил большую практическую поддержку, но также и некоторые предложения, которые не были особенно полезными. Например, один жизнерадостный чужак предложил ему стать "человеком-пушечным ядром" — какую-то машину нужно было отвезти на Север, а затем, когда ее направили в сторону полюса, изобретатель заверил Пири, что она выстрелит в него там в мгновение ока. Исследователь не видел возможности принять такой неожиданный способ передвижения!

Когда *Рузвельт* отплыл 17 июля 1908 года, на борту было двадцать два человека, включая самого Пири, Роберта Бартлетта, капитана *Рузвельта*, Джорджа Уордвелла, доктора Гудселла, профессора Марвина, Дональда Макмиллана, Джорджа Боропа и Мэтью Хенсона, негритянского помощника Пири, который сопровождал его во многих экспедициях.

Если вспомнить обширные знания Пири о полярных регионах, то его замечания о самом необходимом в арктическом санном путешествии, по общему признанию, должны быть ценными. "Предметы первой необходимости, — пишет он, — необходимые в серьезном арктическом санном путешествии, независимо от сезона, температуры или продолжительности путешествия - будь то месяц или шесть, - это четыре предмета: пеммикан, чай, корабельные бисквиты, сгущенное молоко". * И интересно отметить, что из этих товаров он взял 50 000 фунтов. пеммикана, 10 000 фунтов. печенья, 800 фунтов. чая и 100 ящиков сгущенного молока для этой экспедиции.

* "*Северный полюс*" Роберта Пири (Ходдер и Стаутон).

"*Рузвельт*" достиг мыса Йорк, Гренландия, 1 августа, и там он на время попрощался с цивилизованным миром. Там же Пири познакомился с эскимосами, чью дружбу он завоевал многочисленными и непрерывными проявлениями доброты. Эскимосы, в своих пределах, являются милым и преданным народом; их хорошие качества присущи хорошим детям, а плохие - озорным. "Я взял за правило, - говорит Пири, - быть с ними твердым, но управлять ими с помощью любви и благодарности, а не страха и угроз. Эскимос, как и индеец, никогда не забывает ни невыполненного обещания, ни выполненного". Эти эскимосы живут на грани голодной смерти много месяцев в году, но если их не беспокоят вопросы морали в каком-либо смысле этого слова, они, во всяком случае, готовы поделиться тем, что у них есть в виде пищи или средств ее добывания, с теми, кому повезло меньше, чем им. Религия, как мы ее понимаем, не входит в их схему вещей, но они уделяют пристальное внимание духам — особенно Торнарсуку, который является самым дьяволом и, следовательно, предводителем всей нечисти.

Можно оценить ребячество людей, которые разорвут старую одежду в клочья, чтобы помешать дьяволу носить ее!

Покинув Кейп-Йорк, Пири на несколько дней перебрался на свой вспомогательный пароход "Эрик", чтобы собрать столько эскимосов и собак, сколько ему потребуется. К 11 августа "Эрик" достиг Этаха и воссоединился с "Рузвельтом". Наконец, Пири отобрал 49 эскимосов и 246 собак, и, передав их на "Рузвельт", исследователи отправились пробиваться через 350 миль покрытой льдом воды, отделявшей Эта от мыса Шеридан. И лед во время этого путешествия был отнюдь не в благодушном настроении. Риск того, что корабль может в любой момент потерпеть крушение, был настолько велик, что шлюпки, полностью снаряженные и снабженные провизией, всегда были готовы к спуску в любой момент.

Последовала потрясающая битва с этим бескомпромиссным соперником, ледяным полем, но только 30 августа борьба достигла своего апогея. В тот день судно "швыряло льдинами, как футбольный мяч", и давление было настолько сильным, что Пири решил взорвать лед динамитом. Эта операция успешно разрядила ситуацию, но прошло несколько дней, прежде чем даже самый большой оптимист на корабле смог считать, что ему ничто не угрожает. Но 5 сентября "Рузвельту" удалось пробиться к мысу Шеридан; и после того, как проект отвести его в Портер-Бей был оставлен, начались работы по его разгрузке, и с более легким грузом капитан Бартлетт продолжил подводить его как можно ближе к берегу.

Первый этап на пути к Полюсу был позади исследователей, и хотя следующий этап был короче по расстоянию, он был не менее важной частью всей схемы. Этот второй этап состоял из перевозки припасов с мыса Шеридан на мыс Колумбия, расположенный в девяноста милях к северо-западу от корабля. Мыс Колумбия - самая северная точка Земли Гранта, и оттуда Пири решил совершить свой рывок по льду к полюсу. Но перевозка огромного количества припасов на такое расстояние требовала большой обдуманности и осторожности, поскольку, во-первых, некоторые из спутников Пири не привыкли водить сани, а, во-вторых, ни погода, ни дорога вряд ли могли оказать им большую помощь.

Вскоре были организованы эти санные экспедиции на пути к мысу Колумбия, и, кроме того, были разосланы охотничьи отряды, и был получен запас свежего мяса на зиму. "Представьте нас, - писал Пири, - в нашем зимнем доме на *Рузвельте* ... корабль крепко держался на своем ледяном причале в ста пятидесяти ярдах от берега, корабль и окружающий мир были покрыты снегом, ветер скрипел в снастях, свистел и визжал за углами рубок, температура колебалась от нуля до шестидесяти градусов ниже нуля, а паковый лед в проливе снаружи стонал и жаловался на движение приливов".

Этими словами Пири дает нам прекрасную картину зимнего дома исследователей — дома, над которым много месяцев не светило солнце, но который, несмотря на темноту, был домом непрерывного труда и приготовлений. И среди бесчисленных мероприятий, которые имели место, ни одно не было более важным, чем забота о собаках. В начале ноября Пири забеспокоился об этих важнейших факторах своей экспедиции. Более пятидесяти из них были уже мертвы, и через несколько дней осталось только 160 собак из 245, с которыми он прибыл. Переход с китового рациона на моржовое мясо положил конец этим ужасающим потерям; но беспокойство Пири, пока он не нашел способ предотвратить их, можно легко представить. Ибо без достаточного количества собак он слишком хорошо знал, что ни он, ни кто-либо другой никогда не достигнет Полюса.

К концу осеннего сезона на трассе, ведущей к мысу Колумбия, были построены снежные иглу. У нас есть лучший авторитет, а именно компания Пири, утверждающая, что один из этих снежных домиков может быть построен четырьмя хорошими рабочими за час. В это убежище путешественник буквально вползает, поскольку единственным способом проникнуть внутрь является отверстие внизу с одной стороны, и когда последний человек из отряда забирается внутрь, это отверстие заделывается уже вырубленной для этой цели снежной глыбой.

За исключением одного наиболее тревожного случая, когда во время ужасающего шторма льды предприняли грандиозную попытку противостоять кораблю-захватчику, зима была проведена скорее в тревоге о будущем, чем в беспокойстве о настоящем. Неудивительно, что Пири размышлял о том, что его ожидало, когда он отправится в свой великий поход. После того как он покинул мыс Колумбия, более 400 миль отделяли его от цели, и эти мили пришлось преодолеть по льду Полярного моря. "Там нет суши, - пишет он, - *между мысом Колумбия и Северным полюсом, и нет гладкого и очень слабого ровного льда.*" Но даже лед, сквозь который путешественнику иногда приходится прокладывать себе путь, не является самым серьезным препятствием для тех, кто хочет достичь Полюса. Большие препятствия — вездесущий источник беспокойства — это постоянно появляющиеся "зацепки". Эти "выступы" на самом деле представляют собой участки открытой воды различной протяженности, которые ветры и приливы вызывают при движении льда. По непонятной причине эти опасные препятствия внезапно блокируют продвижение исследователя, и мало что можно сделать, кроме как дожидаться, пока они сами исчезнут. Эти "зацепки" должны были стать самым большим препятствием Пири на его пути, и им было суждено стать фатальными для одного ценного члена его партии.

Последняя атака на Полюс началась 15 февраля 1909 года, когда Бартлетт с отрядом первопроходцев покинул "Рузвельт", а неделю спустя Пири отправился в путь. В это время 7 членов экспедиции, 19 эскимосов, 140 собак и 28 саней, разделенных на различные партии, прилагали огромные усилия, чтобы достичь Полюса. Было условлено, что все эти группы встретятся с Пири на мысе Колумбия в последний день февраля; и в этот день Бартлетт и Бороп отправились с мыса с передовыми партиями. Обязанности этих передовых отрядов были столь же обременительны, сколь и важны. Ибо именно в Бартлетте Пири искал тропу, по которой мог двигаться основной отряд.

На второй день перехода, после того как Пири покинул мыс Колумбия и землю позади него, он впервые столкнулся с открытым "отрывом", и произошла небольшая задержка. Но на следующий день эта "коса" покрылась молодым льдом, и Пири решил пересечь ее. "Если читатель, - писал он, - представит себе переправу через реку по чередующимся гигантских каменистых насыпей глубиной в один, два или три метра, и все они плавают и движутся, у него, возможно, сложится представление о зыбкой поверхности, по которой мы пересекли этот "путь". Такой переход определенно труден, поскольку в любой момент можно потерять сани и их упряжку или погрузить члена группы в ледяную воду". А позже, когда Бороп пересекал открытую трещину, его собаки упали в воду, и потерю как собак, так и саней с их бесценным грузом провизии удалось предотвратить только благодаря исключительной скорости и силе Боропа.

Исследователи продвинулись почти на 50 миль от мыса Колумбия, когда их задержал большой "выступ", который упорно отказывался покрыться льдом, достаточно прочным, чтобы выдержать сани. На неделю эта открытая вода задержала экспедицию, и у Пири были все основания

задуматься, не упустит ли его самая тщательная подготовка и организация еще раз успех, которого они заслуживали. Однако 11 марта сторонам удалось преодолеть "лидерство", и на следующем марше они пересекли 84-ю параллель.

Когда исследователи отправились в это путешествие, Пири не сообщил, какое расстояние каждый из его спутников должен был сопровождать его в походе, и вскоре доктор Гудселл и Макмиллан с эскимосами, санями и собаками повернули обратно. Тогда основная экспедиция состояла из 16 человек, 12 саней и 100 собак. 19 марта Пири рассказал Бартлетту, Марвину, Боропу и Хенсону о программе, которой он намеревался следовать. Прежде всего Бороп должен был повернуть назад; на пять маршей дальше должен был идти Марвин; и еще через пять маршей Бартлетт должен был покинуть Полярный отряд, который тогда состоял из 6 человек, 40 собак и 5 саней.

В отличие от большинства программ, эта программа Пири была добросовестно выполнена. Бороп вернулся, когда было достигнуто $85^{\circ} 23'$ с.ш., и в течение следующих дней исследователи продвигались так быстро, что им удалось превзойти рекорды Нансена и герцога Абрुцци в отношении самого дальнего севера. В свою очередь, сначала Бартлетт, а затем Марвин отправились домой, а Пири остался с 4 эскимосами — Эгингва, Сиглу, Ута и Оукуа — Хенсон, 5 санями и 40 собаками.

Из этих эскимосов Оукуа был единственным, кто не участвовал ни в одной предыдущей экспедиции; но все равно он был самым романтичным из всей компании, потому что был полон решимости получить награду, которая позволила бы ему жениться на девушке по его выбору. Перед его глазами мелькали вельбот, ружье и другие призы, которые Пири обещал тем, кто отправится с ним в самую дальнюю точку. Ни на мгновение не возникало никаких сомнений в чуткости Оукиа, поскольку его подстегивали два величайших стимула, которые могут быть у любого молодого человека, — желание быть богатым и желание жениться.

Оставшись наедине с Хенсоном и эскимосами, Пири предстояло преодолеть еще 133 морские мили *, прежде чем он достигнет своей цели. Это расстояние он намеревался преодолеть за пять переходов, и при условии, что штормы оставят его в покое и не откроют "каналы" для воды, у него были все шансы осуществить свое намерение.

* Морская миля составляет примерно 2026 ярдов.

До этого мартовского этапа Пири был лидером, но на последних этапах он лидировал. И на заключительных этапах следует признать, что фортуна улыбнулась путешественникам. Правда, в этом почти безудержном порыве к Полюсу "зацепки" не отсутствовали полностью, но те, что встречались, серьезно не задерживали марши. Однако по мере того, как Пири подбирался все ближе и ближе к полюсу, его постоянно преследовал страх, что приз может в последний момент быть вырван у него непреодолимым "отрывом".

5 апреля группа достигла 89 ° 25' Северной широты и находилась в 35 милях от полюса. Они действительно были так близко, что Пири пишет: "В результате какой-то странной смены чувств страх перед "зацепками" полностью покинул меня. Теперь я чувствовал, что успех был обеспечен..."

И его уверенность оправдалась. 6 апреля 1909 года Пири со своим чернокожим помощником Мэтью Хенсоном и четырьмя эскимосами достигли Полюса, и там руководитель этой успешной группы написал следующую записку:

"90° Северной широты, Северный полюс,
6 апреля 1909 года.

"Сегодня я поднял национальный флаг Соединенных Штатов Америки в этом месте, которое, по моим наблюдениям, является осью Северного полюса Земли, и официально вступил во владение всем регионом и прилегающими территориями от имени Президента Соединенных Штатов Америки. Я оставляю эту запись и флаг Соединенных Штатов при себе.

РОБЕРТ Э. ПИРИ,
"Военно-морской флот Соединенных Штатов".

Исследователи провели на полюсе тридцать часов, а затем отправились в долгое путешествие обратно к побережью Земли Гранта. К 23 апреля, благодаря прекрасной погоде, группа достигла мыса Колумбия; они были настолько удачливы, что Ута заметил по прибытии, что "дьявол спит или у него проблемы с женой, иначе мы никогда бы не вернулись так легко".

В тот же день Пири записал в своем дневнике: "Я избавился от Северного полюса после двадцати трех лет усилий, тяжелой работы, разочарований, тягот, лишений, больших или меньших страданий и некоторого риска".

Радость успеха, какой бы огромной она ни была, не могла не омрачиться новостями, которые ожидали Пири по возвращении на корабль. Ибо Марвин расстался с жизнью на обратном пути, пытаясь пересечь молодой и коварный лед, и потеря этого доблестного и способного человека слишком печально иллюстрирует "некоторые риски", о которых писал Пири, — риски, которым в большей или меньшей степени приходится подвергаться всем исследователям.

В качестве заключения к этой главе приключений и решительных усилий слова принца исследователей Фритьофа Нансена кажутся особенно уместными. "От начала до конца, - писал он, - история полярных исследований представляет собой единое мощное проявление власти Неизвестного над разумом человека".

IV ЛУННЫЕ ГОРЫ

ЛУННЫЕ ГОРЫ

(*Карта, стр. 112.*)

Двадцать четыре столетия назад строка Эсхила — "Египет, возвращенный снегом" — воплотила в себе географическую теорию, произошедшую Бог знает от каких ранних странствий народа. Аристотель с его *"арьюрун орос"*, Серебряной горой, с которой вытекал Нил, продолжил традицию в литературе. Тем временем сабейские арабы, торговавшие вдоль восточного побережья Африки и совершавшие экспедиции во внутренние районы, вернулись с рассказами о больших внутренних морях и снежных горах рядом с ними. Возможно, они видели только Килиманджаро и Кению, но всеобщее признание их сообщений указывает на более раннюю версию, связывающую снега с долиной Нила. Греческие и римские путешественники распространили этот слух, и вскоре он попал, вероятно, через Маринуса Тирского, на страницы географа Птолемея.

У Птолемея не было сомнений по поводу этих снегов. Он назвал их горами Луны и определенно определил их как исток реки Египет. На протяжении веков после него этот вопрос дремал, и люди были слишком заняты вероучениями и завоеваниями, чтобы задумываться о том источнике Нила, который Александр Македонский видел в своих снах. Когда в прошлом веке началось исследование Экватории, история возродилась, и открытие Кении и Килиманджаро, казалось, решило этот вопрос. Это правда, что эти горы находились далеко от водораздела Нила, но Птолемей никогда не пользовался репутацией аккуратного человека.

В некоторых умах все еще оставались сомнения, и исследователи не спускали глаз со снежных гор, которые на самом деле должны питать Нил, поскольку, в конце концов, столь древняя традиция, вероятно, имела под собой какую-то фактическую основу. Спик в 1861 году думал, что обнаружил их в цепи вулканов между озером Киву и озером Альберт-Эдвард, но на этих горах не было снега. Однако он получил подсказку, которая могла привести к успеху, поскольку он слышал от арабов из Уньямвези о странной горе к западу от озера Виктория, редко видимой, покрытой белым веществом и такой высокой и крутой, что ни один человек не мог взобраться на нее. В 1864 году сэр Сэмюэл Бейкер находился в пределах видимости Рувензори и действительно увидел неясные очертания, вырисовывающиеся сквозь дымку, которым он дал название "Голубые горы".

В 1875 году Стэнли несколько дней стоял лагерем на восточных склонах, но он не осознавал величия высот над ним. Он подумал, что они чем-то похожи на Элгон, и окрестил их горой Эдвина Арнольда (название, к счастью, не получило продолжения); но он понятия не имел о снеге или леднике и не верил рассказам местных жителей о белом веществе на вершине. В 1876 году эмиссар Гордона, Гесси, зафиксировал странное явление, "похожее на снежные горы в небе", которое видели его люди, но он, похоже, счел это галлюцинацией. Что еще более

странно, Эмин—паша прожил десять лет на озере Альберт и ни разу не видел хребта - факт, который может быть частично объяснен его плохим зрением. Рувензори хорошо хранит свою тайну. Туманы из долины Семлики окутывают ее подножие, и только в самые ясные дни и на очень короткое время путешественнику открывается такой вид, какой представился мистеру Грогану во время его знаменитой прогулки от Кейптауна до Каира— "пурпурная громада, вершина громоздится на вершине, покрытая черными полосами леса, изрезанная оврагами, и все время поднимается, пока ее зубчатые утесы не устремят свои сверкающие вершины далеко в фиолетовые небеса".

Настоящим первооткрывателем был Стэнли, у которого в 1888 году внезапно возникло видение горного хребта с юго-западного берега озера Альберт. Все помнят знаменитый отрывок:—

"Когда я смотрел на юго-восток и размышлял о событиях последнего месяца, мальчик направил мой взгляд на гору, которая, как говорят, покрыта солью, и я увидел облако необычной формы прекраснейшего серебристого цвета, которое приобрело пропорции и вид огромной горы, покрытой снегом. Проследив за его формой вниз, я был поражен глубоким иссиня-черным цветом его основания и подумал, не предвещает ли это очередной торнадо; затем, когда взгляд опустился к промежутку между восточным и западным плато, я впервые осознал, что то, на что я смотрю, было не изображением или подобием огромной горы, а твердой субстанцией настоящей горы с покрытой снегом вершиной.... Теперь до меня дошло, что это, должно быть, Рувензори, который, как говорили, был покрыт белым металлом или веществом, предположительно являющимся камнем, как сообщили два раба Кавали".

У Стэнли не было ни времени, ни снаряжения для горных экспедиций, хотя до конца своей жизни Рувензори оставался для него центром романтики. Это было его "заветное желание", как он сказал Королевскому географическому обществу незадолго до своей смерти, чтобы какой-нибудь любитель альпийских восхождений взял этот хребет в свои руки и исследовал его сверху донизу. В 1889 году один из его спутников, лейтенант Стэйрс, предпринял попытку с северо-запада и достиг высоты почти 11 000 футов. Два года спустя доктор Штутьманн, участник экспедиции Эмина, совершил смелое путешествие вверх по долине Бутагу на западе, обнаружил чудесную горную растительность и почти достиг уровня снега. В 1895 году приехал мистер Скотт Эллиот, который был в первую очередь ботаником, но которому, несмотря на сильную малярию, удалось преодолеть расстояние в 13 000 футов.

Затем последовали волнения в Уганде, и только в 1900 году исследовательские работы были возобновлены. Чтобы было понятнее, необходимо объяснить, что хребет тянется практически с севера на юг и что примерно на полпути он разрезан двумя глубокими долинами — Мобуку, идущей на восток, и Бутагу, идущей к Семлики на западе. Форт Портал на северной оконечности является ближайшей станцией; и поскольку с него более доступна восточная сторона, было естественно, что в качестве наилучшего средства доступа была выбрана долина Мобуку. В 1900 году мистер Мур достиг ее вершины и поднялся на гору под названием Киянджа на высоту 14 900 футов. Он не видел хребта в целом, но считал, что это самая высокая вершина,

и определил высоту вершины примерно в 16 000 футов. В том же году сэр Гарри Джонстон прошел этим маршрутом. Он поднялся на высоту 14 828 футов на Кияндже и увидел из долины Мобуку гору на севере, которую назвал Дувони. Он пришел к выводу, что наибольшая высота хребта не ниже 20 000 футов, и в этом убеждении его поддержали другие путешественники, такие как мистер Уайлд, мистер Гроган и майор Гиббонс, однако ни один из которых на самом деле не совершал восхождений ни на одну вершину.

Первая серьезная альпинистская экспедиция была предпринята в 1905 году мистером Дугласом Фрешфилдом и мистером А. Л. Мамом, которые пострадали от такой ужасной погоды, что им пришлось отказаться от попытки. Однако, будучи опытными альпинистами, они пришли к некоторым ценным выводам. С равнины им были хорошо видны вершины, и они убедились, что гора под названием Киянджа в начале долины Мобуку определенно ниже, чем снежная гора с двумя вершинами за ней на западе. Они также установили предельную высоту полигона - не более 18 000 футов. Тем временем лейтенант Беренс из англо-германской комиссии по установлению границы произвел сложную триангуляцию и присвоил двум вершинам наивысшего пика высоты 16 625 футов и 16 549 футов - измерения, позвольте отметить, которые находились всего в нескольких сотнях футов друг от друга. Заслуживает упоминания еще одна экспедиция, занявшая конец того же года и начало 1906 года. Мистер А. Ф. Р. Волластон из группы Британского музея нашел в хижине старый ледоруб (вероятно, оставленный мистером Фрешфилдом) и, прихватив несколько ярдов гнилой веревки, отправился с товарищем на восхождение на Киянджу. Он достиг высоты 16 379 футов, а также взобрался на вершину к северу, которую он ошибочно принял за Дувони и которая теперь по праву носит его имя. Все представление было блестящим приключением, и мистер Волластон опубликовал историю своих путешествий в восхитительной книге.*

** От Рувензори до Конго (Джон Мюррей).*

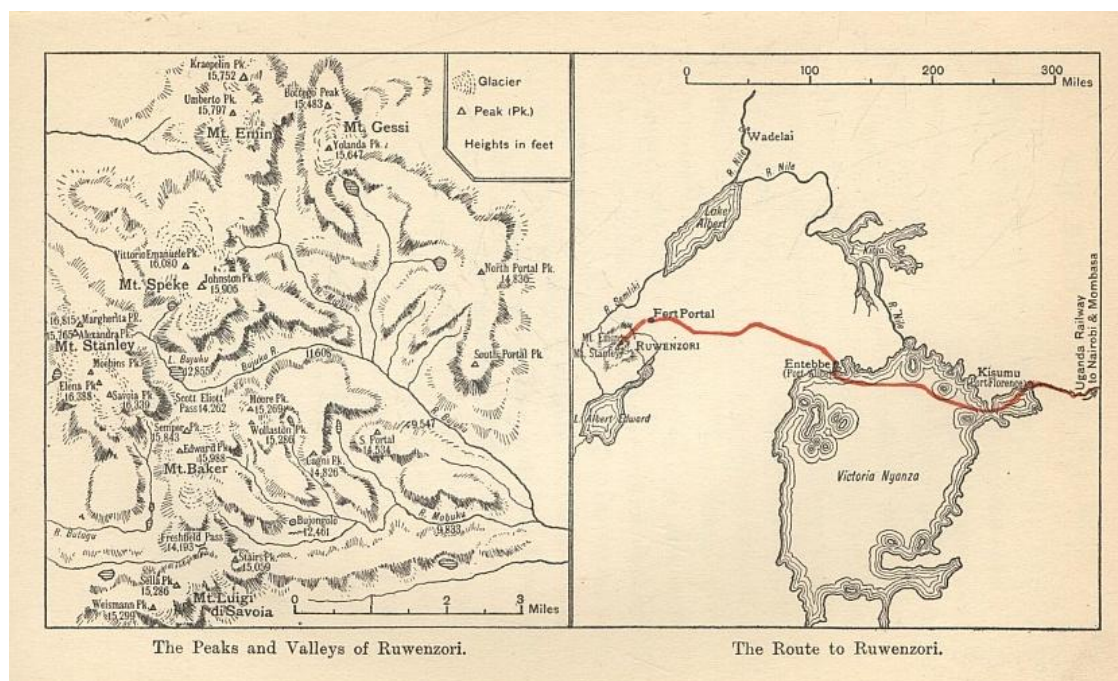
Таково было положение, когда в апреле 1906 года герцог Абрुцци и его спутники покинули Италию, чтобы раз и навсегда разгадать загадку гор. Герцог, возможно, был величайшим из ныне живущих альпинистов. Слава о нем как о скалолазе распространилась по Альпам, и нет имени более почитаемого в Курмайоре или Монтанверте. Он руководил полярными экспедициями и совершил первое восхождение на Аляскинскую гору Святого Ильи. Таким образом, его опыт сделал его не только альпинистом, но и организатором горных путешествий. Именно этому последнему достижению он был обязан своим успехом, поскольку Рувензори был проблемой не столько альпиниста, сколько путешественника. Настоящий альпинизм несложен, но чтобы преодолеть долгие мили от Энтеббе до хребта, проложить путь через густые джунгли долин и доставить припасы и научное оборудование в лагерь на высокогорье, требовался организаторский талант первого порядка.

Герцог не оставил ничего непредвиденного. Он взял с собой четырех знаменитых гидов из Курмайора и штат выдающихся ученых, а также кавалера Витторио Селлу, величайшего из ныне живущих горных фотографов. Экспедиция была настолько многочисленной, что потребовалось

двести пятьдесят носильщиков-туземцев, чтобы перевезти припасы из Энтеббе в форт Портал. Это было не смелое личное приключение, как у мистера Волластона, а тщательно спланированное научное вторжение в тайну Рувензори. Герцог стремился не только взойти на самую высокую вершину, но и подняться на каждую вершину и точно нанести на карту каждую гору, долину и ледник. История этой работы была официально написана *, на самом деле не самим лидером, у которого не было свободного времени, а его другом и бывшим компаньоном, сэром Филиппо де Филиппи. Это замечательный рассказ, ясный и в то же время живописный, и он проиллюстрирован фотографиями и панорамами, которые не часто встречаются в рассказах об альпинизме.

* *Рувензори; Отчет об экспедиции его Королевского Высочества герцога Абруцци* (Лондон: Констебль).

Очарование книги в ее необычности. В ней рассказывается о разновидности альпинизма, параллели которому мир не может найти. Когда мы посетили Лхасу, Рувензори остался с ущельями Брахмапутры, одной из немногих раскрытых великих географических тайн. К счастью, открытие не убило романтику, потому что правда страннее любого прогноза. Если Лунные горы ниже, чем мы думали, они гораздо чудеснее. Здесь у вас есть хребет почти на Экваторе, поднимающийся не с возвышенности, подобной Килиманджаро, а из "Альбертинской впадины", которая находится на 600 или 700 футов ниже среднего уровня Уганды; хребет, высочайшие вершины которого на 1000 футов выше Монблана, который большую часть года окутан туманом, и добраться до которого с равнин можно только по глубоким долинам, поросшим диковинными деревьями и цветами. Высота над уровнем моря в любом случае определяет все стадии климата - от жаркого до арктического, но расположение на Линии добавляет экзотики даже к привычным горным достопримечательностям, покрывая ледниковую морену переплетением чудовищных наростов и превращая обычную альпийскую флору в зловещее предзнаменование. Причудливый дух Природы вырвался на свободу, и она разбила снежные поля и каменные сооружения в самом сердце гигантской теплицы.

Вершины и долины Рувензори. Маршрут в Рувензори.

Герцог Абрुцци с самого начала столкнулся с прискорбным отсутствием информации. Оспаривалось даже время года, когда погода была наиболее благоприятной. Мистер Фрешфилд, следуя совету сэра Гарри Джонстона, попробовал ноябрь и нашел вечную ванну с душем. Предупрежденный этим опытом, герцог выбрал июнь и июль для попытки, и ему посчастливилось получить достаточно ясных дней для выполнения своей задачи, хотя его неоднократно загоняли в лагерь сильные дожди. Еще одним вопросом, вызывавшим сомнения, было лучшее средство приближения к самым высоким снегопадам. Очевидным маршрутом была долина Мобуку, но к этому времени стало совершенно ясно, что Киянджа, вершина в ее верхней части, не самая высокая, и вполне возможно, что выхода из долины к более высоким западным вершинам нет. Тем не менее, это был старый путь путешественников, и поскольку альтернативой была долина Бутагу прямо по другую сторону хребта, герцог решил пойти по стопам своих предшественников.

Незадолго до Бутити он впервые увидел снег и разглядел, что двойной пик, который определенно не был Дувони Джонстона, был явно самым высоким. Дувони снова появилась в поле зрения в нижней части долины Мобуку, и это зрелище в сочетании с известной местностью Киянджа позволило экспедиции сориентироваться. Дувони была видна через отверстие в долине большого притока Будзюку, который впадал в Мобуку с северной стороны между Портальными пиками. Теперь, находясь в низинах, было ясно, что самые высокие снежные покровы находятся к югу от Дувони и, следовательно, должны находиться между этой вершиной и долиной Мобуку. Вывод заключался в том, что Будзюку должен вести к подножию высочайших вершин, в то время как мобуку не мог. Открытие стало ключом ко всей географии хребта. Но герцог не сразу отреагировал на это. Он мудро решил сначала исследовать Киянджу; поэтому, проредив свой караван и оставив более тяжелые припасы в последней туземной деревне, он со своим отрядом двинулся вверх по течению Мобуку.

Долина Мобуку спускается с ледника в несколько этапов, и у подножия каждого этапа находится утес и водопад. Почва повсюду сочится влагой, а там, где выступ скалы или подстилка из сухих

веток не дают идти более уверенно, она по колено утопает в черной грязи. Первая стадия — это лесная территория - огромные хвойные деревья с массой папоротников и древовидных папоротничков внизу, а сверху переплетение лиан и пылающих орхидей. На второй террасе вы попадаете на окраину альпийской жизни. Здесь находится вересковый лес, о котором пусть расскажет повествование:—

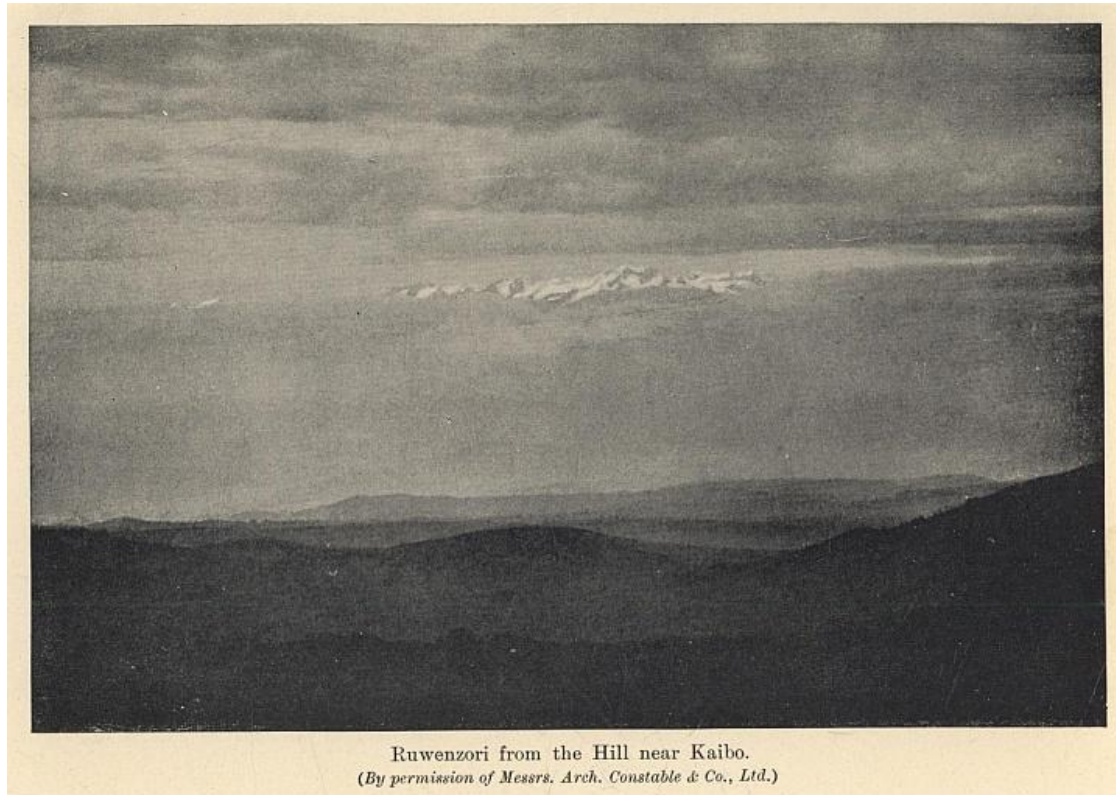
Стволы и сучья полностью покрыты толстым слоем мха, который свисает подобно развевающимся бородам с каждой веточки, смягчает и обволакивает каждый сучок, изгибается и раздувается вокруг каждой веточки, деформирует каждый контур и стирает каждую черту, пока деревья не превращаются в просто массу гротескных искажений, чудовищных образований обесцвеченной прокаженной поросли. Не видно ни единого листа, кроме самых верхних веточек, но в лесу темно из-за густой сети стволов и ветвей. Почва полностью исчезает под бесчисленными мертвыми стволами, нагроможденными один на другой замысловатыми кучами, покрытыми мхом, вязкими и скользкими на открытом воздухе; черными, голыми, и все же не покрытыми плесенью или гнилью там, где они долгие годы пролежали в глубоких ямах. Ни один лес не может быть более мрачным и странным, чем этот. Растительность кажется первобытной, из какого-то периода, когда формы были неопределенными и временными ".

Но третья терраса еще более странная. Там вы выходите из леса на альпийский луг между отвесными скалами, далеко вверху виднеется ущелье Бужонголо и язык ледника над ним. Но какой альпийский луг!—

Земля была покрыта толстым слоем ликоподиума и упругого мха и густо усеяна большими пучками бумажных цветов, розовых, желтых и серебристо-белых, бессмертника, или вечнозелености, над которыми, как погребальные факелы, возвышались высокие столбчатые стебли лобелии, рядом с огромными ветвистыми группами чудовища сенецио. Произведенное впечатление невозможно было описать словами; зрелище было слишком странным, слишком невероятным, слишком непохожим на все знакомые образы, и в целом царила та же гробовая тишина".

Принято говорить, что в дикой Африке человека окружает фауна, все еще первобытная; но в этих горах флора тоже принадлежит к более раннему миру — тому странному миру, который забальзамирован в наших угольных пластах. Под пеленой тумана, среди утесов, теряющихся в облаках, путешественник прогуливается по неземному ландшафту, украшенному тощими канделябрами сенецио, фламбиями лобелий и сверхъестественными цветами бессмертника, словно украшениями на каком-то призрачном празднике. Слово "геликриз" вызывает нелепые ассоциации с Теоокритом, как будто загорелое маленькое "ползучее золото" Сицилии было

каким-то родственником этим африканским чудесам! Наши старейшины поступили мудро, назвав этот хребет Лунными горами, поскольку подобные объекты вполне могли принадлежать какому-нибудь лунному ущелью из воображения мистера Уэллса. За Киянджей герцог нашел небольшое озеро, где бушевал пожар, а сенецио были обуглены и иссохли. Это была настоящая Долина Сухих костей.

Рувензори с холма близ Кайбо.

(С разрешения господ. Arch. Constable & Co., Ltd.)

Бужонголо предложил экспедиции расположиться на каменной куче, нависающей над обрывом, и там разбить постоянный лагерь. Среди плесени и лишайников, бледного тумана и непрекращающихся капель дождя они провели пять недель в этом бесперспективном месте в качестве базы. Первым делом им предстояло подняться на Киянджу. Это не доставило особых хлопот, так как вскоре был достигнут гребень, и легкий *переход* на юг привел к главному пункту. Высота оказалась 15 988 футов, а вид с вершины определил географию хребта и подтвердил теории герцога. Ибо теперь было ясно, что горный хребет в верховьях Мобуку не является частью водораздела цепи и что Дувони Джонстона находится к северу не от Мобуку, а от Буджуку. Самые высокие вершины возвышались на западе, поднимаясь с седловины в начале долины Буджуку. Герцог решил, что до них также можно добраться, сделав крюк к югу от Киянджи и поднявшись по долине, которая является одним из высоких притоков Бутагу, большой долины на западной стороне системы.

Возможно, здесь будет удобно объяснить основные особенности ареала, дав им новые названия, которые изобрела экспедиция и которые теперь приняты географами. Киянджа стала горой Бейкер, а ее высшая точка называется пик Эдварда в честь тогдашнего короля Англии. Прямо к югу, за перевалом Фрешфилд, возвышается гора Луиджи-ди-Савойя, название, данное Королевским географическим обществом, а не герцогом, который пожелал окрестить ее в честь

путешественника Джозефа Томсона. Прямо к северу от горы Бейкер, отделенной от нее верхней частью долины Буджуку, находится гора Спик (Дувони Джонстона) с ее главной вершиной под названием Витторио Эмануэле. К западу от ущелья между Бейкером и Спиком возвышается самая высокая из всех вершин - гора Стэнли с ее пиками-близнецами Маргарита и Александра. К северу от горы Спик находится гора Эмин, а к востоку от последней - гора Гесси. Пять великих массивов группируются вокруг долины Буджуку, в то время как шестой, гора Луиджи-ди-Савойя, стоит особняком на южном конце цепи.

Штурм горы Стэнли был отложен на несколько дней из-за отвратительной погоды. Наконец наступило ясное время года, и герцог со своими проводниками пересек перевал Фрешфилд и поднялся в долину за горой Бейкер. Там они провели вечер, который показал, каким может быть Рувензори, когда нет облаков. Они нашли под утесами маленькое озеро, утопающее в цветах, и, посмотрев на запад, увидели солнце, багрово-золотое, садящееся над бескрайними просторами леса Конго. На следующий день они достигли седловины, носящей имя Скотта Эллиота, и разбили лагерь на одном из ледников Маунт-Стэнли на высоте 14 817 футов. В 7.30 следующего утра они достигли вершины первого пика Александры высотой 16 749 футов. Короткий спуск и сложный отрезок пути по снежным карнизам привели их на вершину Маргариты (16 815 футов), самую высокую точку хребта:—

Они вышли из тумана на великолепный ясный солнечный свет. У их ног расстилалось море тумана. Непроницаемый слой легких пепельно-белых облаков, простиравшийся насколько хватало глаз, быстро дрейфовал на северо-запад. Из огромной движущейся поверхности возникли две неподвижные точки, два белоснежных пика, сверкающих на солнце мириадами снежных кристаллов. Это были две крайние вершины самых высоких пиков. Герцог Абрुцци назвал эти вершины Маргаритой и Александрой, "чтобы под покровительством этих двух королевских особ память о двух нациях могла быть передана потомкам — об Италии, чье имя первым прозвучало в этих снегах победным криком, и об Англии, которая в своей чудесной колониальной экспансии несет цивилизацию на склоны этих отдаленных гор". Это был волнующий момент, когда маленький трехцветный флаг, подаренный Ее Королевством Маргаритой Савойской, развернул навстречу ветру и солнцу вышитые буквы своего вдохновляющего девиза "Ardisci e Spera".

Кульминационным пунктом экспедиции стало покорение горы Стэнли. После этого, поскольку топография была известна, оставалось только подняться на четыре массива Спике, Эмин, Гесси и Луиджи-ди-Савойя. Кроме того, была тщательно исследована долина Будзюку с ее притоком Мигуси. Целью Duke была полнота, поэтому на многие вершины поднимались по несколько раз, чтобы проверить результаты наблюдений. Есть рассказ о том, как с одной вершины во внезапном наступлении хорошей погоды руководитель увидел, как две части экспедиции в разных частях хребта движутся по своим назначенным делам. Результатом этой мудрой организации является то, что сегодня мир знает каждую вершину, ледник и долину в Рувензори гораздо более детально, чем многие пригодные для жизни части восточноафриканского плато. Экспедиция была не только прекрасным приключением, но и замечательным образцом

солидной и продолжительной научной работы. Ни один англичанин не пожалеет, что почести первопроходца выпали на долю такого блестящего альпиниста и неутомимого путешественника, как герцог Абрुцци. Итальянское имя всегда занимало видное место в анналах альпинизма, и герцог давным-давно заслужил свое место в том узком кругу славы, куда входят Маммери и Гвидо Рей, Мур и Зигмонди.

The Valley to the West of Mount Baker.
(By permission of Messrs. Arch. Constable & Co., Ltd.)

Долина к западу от горы Бейкер.
(С разрешения господ. Арх. Констебль и Ко., Лтд.)

Загадка экваториального снега разгадана, и в ответе нет ничего особенно поразительного. В верхней части гор нет таких чудес, как гигантские ландыши и лобелии, а также вересковые заросли на нижних склонах. Все ледники небольшие, без притоков, как в Норвегии; и здесь нет настоящих бассейнов, а просто "что-то вроде ледниковых шапок, с которых в разных местах стекают отложения льда". Тем не менее, образование ледника более респектабельно, чем думал мистер Фрешфилд, поскольку он видел только небольшой ледяной ручей в верховьях Мобуку и не знал о гораздо большем потоке с горы Стэнли, который спускается в верхнюю часть долины Буджуку. Граница вечного снега составляет около 14 600 футов. Мистер Фрешфилд был настолько поражен небольшими размерами потока Мобуку в том месте, где он вытекает из ледника, и его прозрачностью, что подумал, что он, должно быть, берется из какого-то подземного источника, а не в результате реального таяния льда. Он утверждал, что тропические

ледники расходятся в основном за счет испарения и лишь в небольшой степени за счет таяния. Герцог, однако, ясно дал понять, что ледники Рувензори находятся в тех же условиях, что и в Альпах, и что их ручьи являются настоящими ледниковыми потоками. Прозрачность воды он объясняет их почти полной неподвижностью, что означает отсутствие измельчения детрита в их ложементх.

В целом, горный хребет не предлагает большого простора для энергии альпиниста. Работа со льдом и снегом несложна, и даже огромные карнизы, такие как на Маргарите, довольно безопасны для альпиниста благодаря тому, что их подпирает лес ледяных сталактитов, образовавшийся в результате быстрого таяния снега. С другой стороны, здесь в изобилии можно заняться скалолазанием любой степени сложности, поскольку горы ниже линии снегов очень отвесно обрываются в долины. Луиджи-ди-Савойя, Эмин и Гесси фактически являются скальными пиками; изолированная вершина, гора Каньи, полностью состоит из скал; на горе Бейкер и пиках Эдвард и Савойя на горе Стэнли есть прекрасные скальные выступы. Однако я сомневаюсь, что Рувензори когда-нибудь станет центровым для рок-гимнаста. Погода охладила бы пыл самых ревностных *завсегдатаев* Шамони или Сан-Мартино. Несколько часов солнечного света раз в неделю недостаточно для планирования маршрутов по скалам, масштаб которых намного превосходит размеры Альп. Гребни или Дру долго оставались бы девственными, если бы их скалы были вечно скользкими от влаги и окутаны туманом, и альпинисту приходилось спускаться не к удобному Монтанверту, а в липкую палатку среди болот и плесени.

И все же эти вершины остаются едва ли не самым странным из чудес света, и их восхождение всегда будет одним из прекраснейших приключений человека. Это горы скорее Луны, чем обычной земли. Первые первооткрыватели привезли с собой рассказы, в которые едва ли можно было поверить, — ледяные вершины гималайской величины, возвышающиеся над огненно-красными тропическими джунглями. Долгое время альпинистов снедало любопытство относительно того, какие тайны скрываются за этой завесой тумана. Насколько они знали, экваториальный снег мог оказаться делом неподвластным человеческому мастерству, а Рувензори - вечной и недостижимой целью амбиций искателя приключений. Правда прозаична по сравнению с этими фантазиями. Любой мужчина, у которого есть время и деньги, который выбирает подходящее время года и здоров на ветру и ногах, может подняться на купол Маргариты.

Но опыт все равно будет уникальным, потому что таких гор нет нигде в мире. Существует определенное родство между историей о первом восхождении на гору Мак-Кинли на Аляске * и историей о герцоге Абрुцци. Этот изможденный ледяной пик так же непохож на обычную снежную гору, как и Рувензори. Подъем начался с ледника на высоте 1000 футов, и предстояло преодолеть 19 000 футов снега и льда. Аляскинский гигант и Лунные горы находятся на противоположных полюсах климата, но оба похожи тем, что находятся за пределами горного братства. Это причуды Природы, созданные без учета потребностей человека. Ибо горы, как уже было сказано, принадлежат обитаемому миру. Они являются барьерами между поселениями человека, и из их изоляции альпинист смотрит на виноградники, кукурузные поля и города равнин. Ледяная вершина близ Полюса и горный хребет, окутанный дымящимися туманами Линии, представляют собой более уединенные места и святилища, более неприкосновенные. Обычная горная вершина возвышает человека над суетой низменностей, но они, кажется, уносят его за пределы суеты мира.

* См. Главу VI.

V ЮЖНЫЙ ПОЛЮС

ЮЖНЫЙ ПОЛЮС

(Карта, стр. 144.)

Я

Идея исследования Арктики захватила воображение смелых людей за столетия до того, как Антарктика вообще стала рассматриваться как поле для открытий. История арктических регионов восходит ко временам короля Альфреда; Антарктика не может похвастаться подобным, и справедливо сказать, что впервые внимание к Крайнему Югу привлекли составители карт.

Следует воздать должное ранним составителям карт; но что касается Крайнего Юга, то следует признать, что они позволяли себе немало догадок. Ортелиус, например, на своей карте мира, опубликованной в Антверпене в 1570 году, имел неосторожность провести побережье "Terra Australia nondum cognita" вокруг света так далеко на север, в двух местах, как Тропик Козерога.

В 1599 году Хаклюйт действительно исключил Южный континент из своей знаменитой карты мира, и это воздержание с его стороны заслуживает упоминания. Но фикции, несмотря на Хаклюта, продолжали появляться на более поздних картах; и если они не делали ничего другого, то, по крайней мере, были полезны для направления мыслей мореплавателей к Антарктике.

Однако первые открытия на Юге были сделаны скорее случайно, чем преднамеренно. В 1520 году Магеллан открыл пролив, известный под его именем, и в течение шестнадцатого века открытия, сделанные в южном направлении, были сделаны благодаря встречным ветрам. Из-за штормов сэр Фрэнсис Дрейк в 1578 году достиг 56° Южной широты "самой дальней части суши по направлению к Южному полюсу" и таким образом, к сожалению, против своей воли, совершил открытия. И именно из-за того, что удачно было названо "штормом, вызванным открытием", несколько голландских кораблей, отправившихся в 1598 году с захватывающей, но едва ли похвальной целью разграбления берегов Чили и Перу, были разбросаны во всех направлениях. Одно из этих судов, совсем крошечное, водоизмещением 18 тонн, было доведено до 64 ° южной широты, и там его капитан Дирк Герритс увидел "высокую землю с горами, покрытыми снегом, похожую на землю Норвегии".

Если нужны доказательства всеобщего невежества на Юге в начале семнадцатого века, то у нас есть экспедиция Педро Фернандеса де Кироса. Король Испании Филипп III поручил Киросу предпринять путешествие с целью аннексии Южного полярного континента; и после того, как эта аннексия была завершена, ему было приказано обратить жителей в истинную веру. Это была амбициозная программа, и на самом деле она была далека от выполнения. Фактически, результат экспедиции был почти комичным. Кирос открыл самый большой остров Новых Гебрид и, полагая, что он является частью Южного континента, присоединил не только его, но и сам Южный полюс к Короне Испании! Эту экспедицию следует считать первой антарктической экспедицией, но нельзя отрицать, что ее результаты были скорее смехотворными, чем обнадеживающими.

В течение семнадцатого века был достигнут незначительный прогресс в пополнении мировых знаний о Юге, но так или иначе составители карт получили серьезные удары. К концу того столетия и началу следующего некоторые корабли достигли 62 ° южной широты и 63 ° Южной широты и, столкнувшись с огромными айсбергами, получили знания, которые, как правило, рассеивали представление об огромном континенте, с которого люди могли пожинать плоды и жить в комфорте, пожиная их. Однако, несмотря на ослабление веры в плодородный и густонаселенный Южный континент, в его поисках было предпринято несколько путешествий; но следует отметить, что люди, совершавшие эти рискованные путешествия, ни в малейшей степени не были заинтересованы в исследованиях ради самих исследований. Причина, по которой они совершали эти экспедиции, заключалась главным образом в том, что они надеялись обогатиться. Только во второй половине восемнадцатого века произошли какие-либо изменения в том, что можно назвать духом исследований; а затем, в 1764 году, английское правительство издало инструкции коммодору Байрону, которые ясно показывали, что важность открытий, только ради самих открытий, начинает осознаваться.

Наука делала успехи, и желание действительно знать, а не строить догадки о масштабах и природе мира, заметно возросло. Ученые, занятые исключительно научной работой, сопровождали обе экспедиции Марион и Кергелена, и когда капитан Джеймс Кук отплыл в 1772 году из Дептфорда в первую британскую антарктическую экспедицию, его также сопровождали ученые.

Имя Джеймса Кука всегда будет занимать почетное место среди исследователей, поскольку, помимо сделанных им открытий, он подал пример мужества перед лицом опасностей и трудностей, которые никогда не забудутся. Мы должны помнить, что ему и всем предыдущим мореплавателям приходилось совершать свои путешествия на кораблях, которые были совершенно непригодны для встречи со льдами. И когда этот факт осознается, мы вынуждены восхищаться упорством, с которым они выполняли свою работу, и признавать, что результаты их усилий были, при сложившихся обстоятельствах, великолепными.

Хорошо сказано, что Джеймс Кук определил Антарктический регион и что Джеймс Росс открыл его; и действительно, было бы трудно переоценить важность как путешествий Кука, так и тех, которые впоследствии предпринял Росс.

17 января 1773 года стало днем, отмеченным красной буквой в анналах исследований, поскольку до полудня Кук впервые пересек Полярный круг. Затем его окружили айсберги и рыхлый паковый лед, но он продвигался вперед, пока не увидел плотно утрамбованный лед. По его мнению, он, возможно, и смог бы пробиться сквозь этот лед, но на таком корабле, как

"Резолюшн" (462 тонны), он не считал себя вправе проводить столь опасный эксперимент. Широта, которой он достиг, была 71° 10' Южной широты, долгота 106° 54' Западной

Экспедиция Кука вернулась в Портсмут в июле 1775 года, и тогда ценность его путешествия была признана. Он обогнул Южный океан в высоких широтах и навсегда разрушил идею плодородия Южного континента. Если земля лежит за Полярным кругом, думал Кук, то она должна состоять из "стран, обреченных природой на вечную суровость, никогда не поддающихся солнечному теплу, для описания дикого и пустынного вида которых я не нахожу слов". Короче говоря, Кук раскрыл границы обитаемого земного шара, и его рассказы о том, с чем он столкнулся на Крайнем Юге, не побудили людей, стремившихся найти землю, на которой можно было бы быстро сколотить состояние, с тоской думать об Антарктике.

После возвращения Кука не предпринималось никаких серьезных попыток совершить географические открытия на Юге, пока российское правительство в 1819 году не отправило экспедицию под командованием капитана Беллинсгаузена в Южные моря. Честолюбивым замыслом Беллинсгаузена было соперничать с подвигом Кука по обходу Южного океана в высоких широтах, и он этого добился. Он также был первым исследователем, определенно обнаружившим сушу за Полярным кругом.

Два или три года спустя Джеймс Уэдделл, чьим настоящим занятием было запечатывание, достиг 74° 15' южной широты, что более чем на три градуса южнее самой дальней точки Кука; и почти двадцать лет рекорд Уэдделла оставался неизменным.

В течение первой половины девятнадцатого века Южные моря стали ареной обширной добычи тюленей, и, как бы сильно мы ни сожалели о произошедшем массовом забое, мы должны признать, что некоторые из этих промысловиков совершили важные географические открытия. И капитан Джон Бискоу, и капитан Джон Баллени занимались антарктическим промыслом тюленей, но им посчастливилось наняться в фирму Эндерби. Чарльз Эндерби проинструктировал своих капитанов не пренебрегать географическими открытиями, и его указания были неукоснительно выполнены. Предприимчивости Эндерби, а также мужеству и настойчивости его капитанов мы обязаны открытием земель Грэм, Эндерби, Кемпе и Сабрина.

В 1840 году последовали французская экспедиция под командованием капитана Д'Юрвиля и американская под командованием капитана Уилкса. Д'Юрвиль, который столкнулся с таким количеством айсбергов, что ему казалось, будто он находится "на узких улочках города гигантов", увидел землю на 66° южной широты, 140° восточной долготы и назвал это побережье Землей Адели. Уилкс также утверждал, что открыл сушу; но о его заявлениях один из наших величайших исследователей написал: "Если бы он был более осмотрителен в своих сообщениях о суше, все согласились бы, что его путешествие было прекрасным представлением".

За два или три года до того, как Д'Юрвиль и Уилкс отправились в свое путешествие, полковник Сэбин на собрании Британской ассоциации прочитал доклад о земном магнетизме, и в результате полярные исследования получили большой стимул. К этому времени была признана важность земного магнетизма для навигации судов, и к правительству была обращена петиция о направлении морской экспедиции с целью расширения наших знаний об этой науке на Юге. От лорда Мельбурна был получен положительный ответ, и в 1839 году сэр Джеймс Росс был назначен командовать экспедицией, целью которой были скорее магнитные исследования, чем

географические открытия. Росс выбрал два старых бомбардировщика, "Эребус" (370 тонн) и "Террор" (340 тонн), и когда их носовая часть была укреплена, в его распоряжении оказались первые суда, которые могли перемещаться среди южных паковых льдов. Подробный отчет о достижениях Росса дать невозможно, но о них капитан Скотт написал: "Высокие горные хребты и береговая линия Земли Виктория были нанесены со сравнительной точностью от мыса Северный на 71-й широте до залива Вуд на 74-й широте, и их протяженность была обозначена менее определенно до залива Мак-Мердо на 77½-й широте.... Мало что могло показаться более безнадежным, чем нападение на этот скованный льдами регион, лежащий за Полярным кругом; и все же из этой пустынной перспективы Росс вырвал открытое море, обширную горную область, дымящийся вулкан (Эребус) и сотню проблем, представляющих интерес для географа". *

*Путешествие "дискавери" (Джон мюррей), стр. 16.

Самая высокая широта, достигнутая Россом, составляла 78 ° 10' ю.ш., и он описал огромную ледяную стену, которую он там увидел, и назвал Великим барьером, как "могущественный и удивительный объект, намного превосходящий все, что мы могли себе представить". В последующие годы было установлено, что этот барьер имеет 400 миль в ширину и еще большую длину.

Медленно, очень медленно Дальний Юг был вынужден раскрыть некоторые из своих секретов, но, несмотря на интерес и энтузиазм, вызванные открытиями Росса, после его возвращения в Англию в 1843 году прошло много лет, прежде чем были предприняты дальнейшие шаги по совершению географических открытий в Антарктике.

Но в этот период, когда географические предприятия застопорились, научные исследования продолжались. Возникло огромное желание расширить знания об океанографии, и в качестве практического результата трудов ученых и изобретателей экспедиция "Челленджер", превосходно оснащенная для научных исследований, отправилась в путь под командованием капитана Нереса в январе 1873 года. Эта экспедиция сама по себе была чрезвычайно важной, но не преуменьшает ее значения, если сказать, что часть ее ценности в истории исследования Антарктики заключается в том факте, что она стимулировала интерес к Крайнему Югу, и этот интерес постепенно возрастал, пока желание разгадать тайны южных полярных регионов не стало доминирующим в умах многих людей в Англии и Германии. В 1885 году Британская ассоциация учредила Антарктический комитет, и примерно два года спустя этот Комитет высказался в пользу дальнейших исследований.

Однако сторонникам этой экспедиции пришлось столкнуться с большими трудностями, в основном финансовыми, и был нанесен серьезный удар, когда Совет по торговле отказался рекомендовать выделение денежной субсидии из-за отсутствия торговых поступлений из антарктических регионов!— ответ, который мог бы вызвать ироническую улыбку у самого

рьяного экономиста. На данный момент идея исследования Антарктики получила решительный отпор. Но решительные люди работали над тем, чтобы преодолеть практические трудности; и не было никого более решительного, чем сэр Клементс Маркхэм, который был избран президентом Королевского географического общества в мае 1893 года.

Как только стало общеизвестно, что в Англии предпринимаются реальные усилия по дальнейшим открытиям в Антарктиде — так она к тому времени называлась, — несколько других стран в разное время получили стимул к отправке экспедиций. Норвежец Борхгревинк, бельгиец Де Герлаш, швед Отто Норденшельд и француз Шарко возглавляли экспедиции, все из которых проделали ценную работу на Юге.

II

В ноябре 1893 года состоялось заседание Королевского географического общества, на котором были определены обязанности планируемой британской экспедиции. Первой обязанностью было "определить природу и протяженность Антарктического континента"; пятой - "получить как можно более полную серию магнитных и метеорологических наблюдений". Такая экспедиция была задумана как для поощрения морской предприимчивости, так и для пополнения мировых знаний. С самого начала организаторы решили, что их экспедиция должна находиться под контролем военно-морского флота, но убедить правительство взять ее на себя не удалось. Адмиралтейство, однако, оказало помощь как в предоставлении инструментов, так и в предоставлении отпусков офицерам и рядовым с полным содержанием.

Бесчисленные препятствия продолжали мешать промоутерам со всех сторон, но постепенно их устраняли, и, наконец, корабль был спущен на воду в Данди в марте 1901 года и получил название *Discovery*.

Четырнадцать лет назад сэр Клементс Маркхэм, по его собственному мнению, выбрал наиболее подходящего командира, если экспедиция на Юг когда-либо станет осуществимой. Звали этого командира Роберт Фалькон Скотт, и после того, как было преодолено сильное сопротивление — сопротивление, которое, по словам сэра Клемента, "пробить дорогу было труднее, чем самый непроходимый из паковых льдов", - назначение Скотта было подтверждено. Готовилось крупное наступление на антарктические регионы, но следует отметить, что в инструкциях, данных капитану Скотту, Южный полюс в качестве цели не упоминался.

К июлю работа по подготовке экспедиции была почти завершена, и 5 августа 1901 года *Дискавери* посетил король Эдуард VII. и королева Александра, а затем отправилась в свое полное приключений путешествие. Мы можем легко понять стремление Скотта подняться и уехать, поскольку у него не было полярного опыта, который помогал бы ему и направлял его, и его желание оправдать оказанное ему доверие, должно быть, было очень сильным.

В *Открытии*, помимо самого Скотта, участвовали несколько человек, чьим именам суждено было прославиться в истории полярных исследований. Эрнест Х. Шеклтон был младшим лейтенантом; Эрнест А. Уилсон был описан как хирург, художник и зоолог позвоночных; Эдгар

Эванс был старшиной; Фрэнк Уайлд и Томас Крин были бакалаврами; Уильям Лешли был кочегаром. Несомненно, ядро хорошей компании.

Штаб-квартирой экспедиции на юге был выбран Литтелтон, Новая Зеландия, и "*Дискавери*" прибыл туда 30 ноября. Она пробыла здесь три недели, чтобы привести себя в порядок и запастись провизией, а затем приступила к следующему этапу своего богатого событиями путешествия. Северный полярный круг был пересечен 3 января, и вскоре после этого ледяной покров был со всех сторон судна; но оно вело себя великолепно, и Скотт был в восторге от того, как оно продиралось сквозь льды.

Первоначальное намерение Скотта состояло в том, чтобы "*Дискавери*" не зимовала в Антарктике, но чтобы, высадив группу людей, она вернулась на север до того, как льды сделают такое путешествие невозможным. Для этой партии была приготовлена хижина, но в феврале в проливе Мак-Мердо было найдено место, где, как считалось, корабль проведет зиму в безопасности. Следовательно, Скотт решил использовать *Дискавери* в качестве своей штаб-квартиры и использовать хижину для других целей.

Задача возведения хижин (в дополнение к главной хижине имелись две хижины поменьше для магнитных работ) была трудной, но в конце концов она была выполнена, и группа начала обустраиваться, чтобы провести приближающуюся зиму. Однако до наступления зимы Скотт, зная, насколько невежественны он и его спутники в катании на санях, стремился приобрести как можно больше опыта. И результаты проведенных санных экспедиций только показали, насколько срочно был необходим этот опыт. "Даже в это время [в начале марта], - писал Скотт, - я сознавал, сколь многому нам предстоит научиться, и чувствовал, что мы должны приобрести наш опыт, испытывая множество неудобств; и, оглядываясь назад, я только удивляюсь, что мы купили этот опыт так дешево, ибо ясно, что в неорганизованном состоянии, в котором наши санные группы покидали корабль, были элементы катастрофы, а также дискомфорта".*

* Путешествие на "*дискавери*", страница 170.

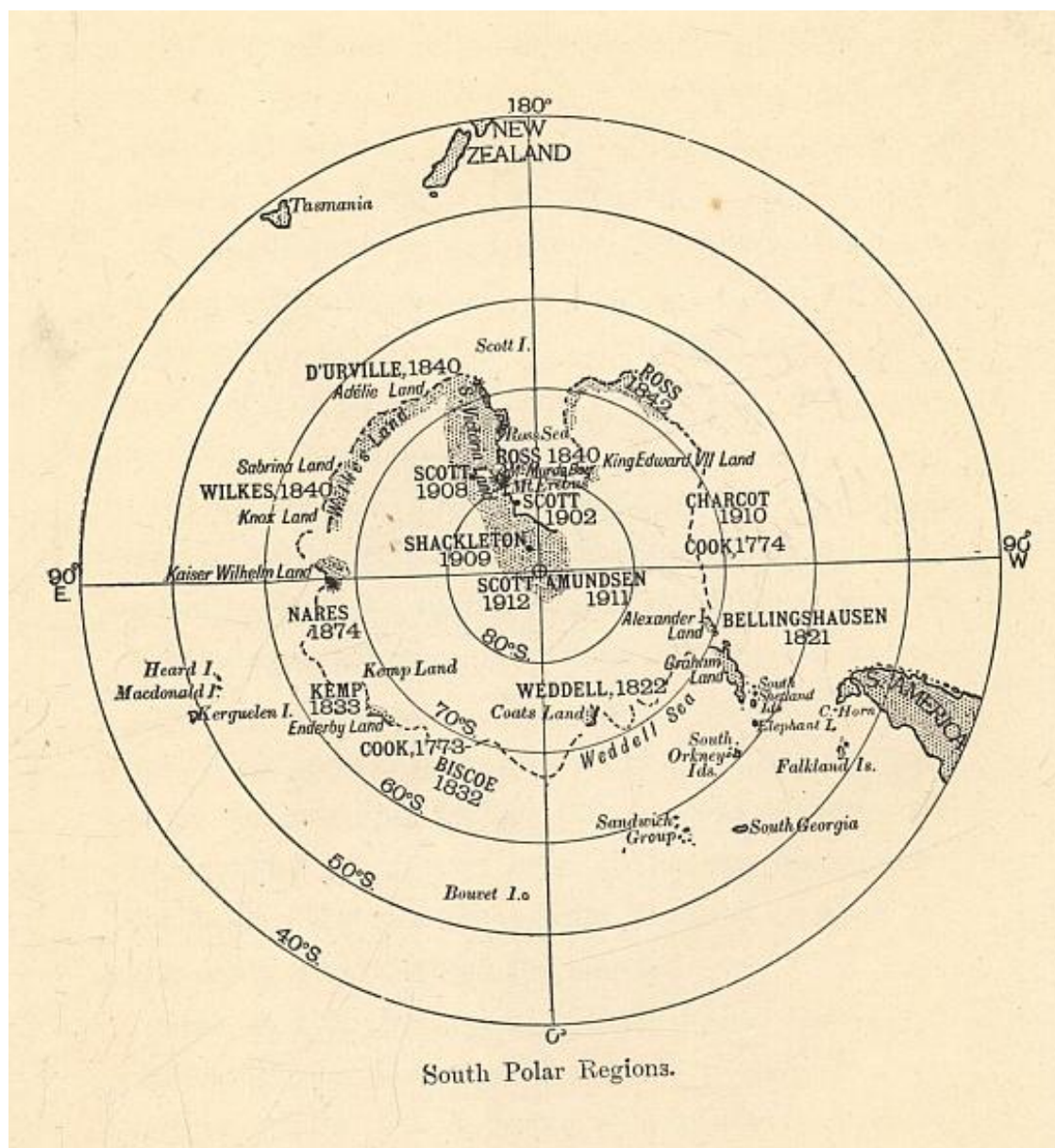
Когда *Находка* была доставлена в пролив Мак-Мердо, были все основания предполагать, что вскоре она замерзнет. Но проходили недели, прежде чем море замерзло, и пока корабль прочно не закреплялся во льдах, всегда оставался шанс, что его унесет штормом и он не сможет вернуться. Эта неопределенность на некоторое время затрудняла работу, и только в последних числах марта 1902 года судно было удовлетворительно заморожено.

Солнце зашло в конце апреля, и в течение последовавшей долгой зимы группе исследователей было чем заняться и что обсудить. Скотт брал с собой собак для катания на санях, но, хотя он знал, что они должны увеличить радиус его действия, ему всегда претила идея их использования из-за страданий, которые неизбежно должны были быть причинены. Но вопрос об использовании собак был лишь одной из многих проблем, связанных с ездой на санях, которые обсуждались в ту антарктическую зиму.

Оценивая путешествия, последовавшие весной, следует помнить, что для антарктических регионов это были усилия первопроходцев, а также о том, что условия катания на санях в Антарктике значительно отличаются от арктических. В этих путешествиях Скотт и его спутники получили уроки, которые впоследствии имели величайшую ценность как для других исследователей, так и для них самих, — уроки, которым не могло научить ничто, кроме опыта.

Путешествие, в которое Скотт с Уилсоном, Шеклтоном и несколькими собаками отправился 2 ноября с целью продвинуться как можно дальше на юг, с самого начала сопровождалось вспомогательной группой; но эта группа повернула назад 15-го, и Скотт, Уилсон и Шеклтон сразу же поняли, какая трудная задача стояла перед ними. Собаки уже вызывали беспокойство и были совершенно неспособны выполнять ожидаемую от них работу. Эстафетная работа, которая означала, что каждую милю приходилось преодолевать три раза, стала обычным делом, и, как следствие, продвижение на Юг было сильно затруднено. Вскоре после этого у самих мужчин начали покрываться волдырями носы, потрескавшиеся губы и болеть глаза; но 21-го Скотт измерил высоту по меридиану и обнаружил, что широта равна $80^{\circ} 1'$.

Несмотря на все неудобства и тревоги, Скотт был в счастливом настроении в тот вечер, когда писал: "На всех наших картах антарктических регионов показан простой белый круг за восьмидной параллелью.... Нашей целью всегда было проникнуть внутрь этого белого пространства, и теперь, когда мы там, пространство больше не может быть пустым; это компенсирует множество проблем".

Южные полярные регионы.

По мере того как продвижение с трудом продолжалось, состояние собак, к глубокому сожалению Скотта, становилось все хуже и хуже, и к 21 декабря пришлось рассмотреть вопрос о возвращении. В это время дополнительную тревогу вызвал Шеклтон, у которого появились симптомы цинги; но приближалось Рождество, и, поскольку в этот праздник путешественники решили по-настоящему сытно поесть, они решили двигаться дальше.

Их рождественский ужин вдохнул новую жизнь в отряд; но они слишком остро осознали, что их запасы продовольствия настолько недостаточны, что, если они хотят продолжать наступление, они должны быть готовы столкнуться с риском голода. Однако существовали сильные стимулы, побуждавшие их продолжать путь. Каждый день уводил их все дальше и дальше в регионы, по которым до сих пор не ступала нога человека. Кто может винить их за то, что они пошли на риск, связанный с их решимостью продолжить марш?

Но 27 декабря Уилсон, чье усердие в рисовании и решимость не сдаваться были выше всяких похвал, так сильно страдал от снежной слепоты, что ему пришлось идти с завязанными глазами; и, наконец, пришлось принять решение повернуть назад. Наблюдения, проведенные в их последнем лагере, показали, что они достигли рубежа между 82 ° 16' и 82 ° 17' ю.ш. — более высокого показателя, чем ожидал Скотт, после того как он понял, что собаки не смогли оправдать возлагаемых на них надежд.

Ответный марш был длительным периодом ожидания. К 9 января 1903 года только четыре из девятнадцати собак, отправившихся в путешествие, были живы, и 15-го последнюю из них пришлось убить. "Я думаю, - писал Скотт, - мы все могли бы расплакаться". Еще более серьезным был тот факт, что в это время Шеклтон серьезно заболел.

Последовала жестокая борьба, ибо, хотя Шеклтон проявлял безграничное мужество, он серьезно страдал от цинги, и у Скотта и Уилсона, которые сами страдали от этой болезни в меньшей степени, часто были причины задаваться вопросом, не было ли им не по силам это обратное путешествие. С чувством глубокой благодарности Скотт и его спутники добрались до корабля в начале февраля. Они находились в походе девяносто три дня и за это время преодолели 960 уставных миль.

Когда исследователи достигли своей цели, они обнаружили, что прибыло спасательное судно "*Умро*", и Шеклтон вернулся на нем; но "*Дискавери*" после того, как оно так неохотно вмерзало в лед, полностью отказалось оттаивать, и, следовательно, Скотт и большая часть его первоначальной группы провели вторую зиму в Антарктике. В течение этого дополнительного года Скотт со своими спутниками Эдгаром Эвансом и Лешли совершил замечательное путешествие на запад, в котором приключения, которых хватило бы обычному человеку на всю жизнь, были почти частью повседневной рутины.

Только в феврале 1904 года "*Дискавери*" освободился ото льда, а 10 сентября он достиг Спитхеда после более чем трехлетнего отсутствия в Англии. В те годы был собран урожай полезнейшей информации и сделано множество географических открытий. Среди последних были Земля короля Эдуарда, остров Росса и горы Виктория, и — что важнее всего — огромная ледяная шапка, на которой расположен Южный полюс.

Южный полюс раскрыл свою тайну лишь через несколько лет, но можно с уверенностью сказать, что первая экспедиция Скотта указала путь к этому открытию. В последующие годы Амундсен откровенно признавался, как тщательно он и его товарищи изучали отчеты об экспедициях Скотта и Шеклтона.

III

После возвращения Скотта из его первого визита в Антарктиду больше не предпринималось попыток посетить Крайний Юг. Но этот великий исследователь, Эрнест Шеклтон, достаточно насмотрелся на Юг, чтобы им овладело желание решить еще больше его проблем, и в *Географическом журнале* за март 1907 года он изложил программу предполагаемой экспедиции. В этой передаче Шеклтон сказал: "Я не намерен жертвовать научной пользой

экспедиции ради простого рекордного путешествия, но все равно скажу откровенно, что одним из моих величайших усилий будет достижение южного географического полюса".

Последовали финансовые трудности, которые, казалось, были неотделимы от полярных экспедиций, но в конечном итоге они были устранены, и 30 июля 1907 года *"Нимрод"* отплыл в Новую Зеландию.

Помня о неудаче собак в экспедиции Скотта, Шеклтон решил использовать маньчжурских пони в качестве основного средства тяги. Особое внимание было уделено подготовке оборудования и выбору персонала для сопровождения экспедиции. Шеклтон намеревался высадить на берег группу, и среди этой группы были Фрэнк Уайлд и Эрнест Джойс (которые были со Скоттом), Дуглас Моусон, лейтенант Дж. Б. Адамс, доктор Э. Маршалл, Рэймонд Пристли и Дж. Э. Марстон.

Прежде чем покинуть Англию, Шеклтон решил, если возможно, обосноваться на зимовку у короля Эдуарда VII. Предпочел приземлиться вместо старого жилья Скотта в Хат-Пойнт в проливе Мак-Мердо; но ему не удалось осуществить этот план, и в конце концов он приземлился недалеко от мыса Ройдс на восточном побережье острова Росса. 22 февраля 1908 года его корабль *"Нимрод"* отправился в путешествие в Новую Зеландию.

Зимние квартиры, которые необходимо было обязательно выбрать, были отделены от Хат-Пойнт примерно 20 милями замерзшего льда, и Шеклтон был сильно разочарован тем, что ему помешали высадиться на *"Короле Эдуарде VII"*. Суша, где он не только прорыл бы свежую почву, но и был бы значительно ближе к Полюсу. В свете последующих событий интересно отметить, что Шеклтон в поисках зимовья у Барьера с нетерпением присматривался к бухте, которую он назвал *"Залив китов"*, но из-за состояния льда счел необходимым покинуть это место как можно быстрее. В другом отношении эта экспедиция потерпела неудачу, а именно в потере пони. Когда группа расположилась на зимовку, в живых были еще только четыре пони, и неудивительно, что за ними наблюдали с самым пристальным вниманием. А поскольку маньчжурский пони был наделен более чем изрядной долей первородного греха, за ним требуется очень пристальное наблюдение.

Перед наступлением зимы была предпринята попытка достичь вершины горы Эребус, и эта попытка увенчалась успехом, который подействовал как тонизирующее средство как на тех, кто принимал в ней участие, так и на тех, кто остался на зимних квартирах. Как только миновал день середины зимы, Шеклтон начал готовиться к санным работам, которые предстояло выполнить приближающейся весной. Склады должны были быть проложены в направлении Южного полюса, который находился на расстоянии более 880 статутных миль от мыса Ройдс.

Эти приготовления шли быстрыми темпами, и с целью начала Южного похода из ближайшей возможной точки к Полюсу в Хат-Пойнт были перенесены припасы и т.д., А также были заложены склады, чтобы помочь путешественникам в пути. Адамс, Маршалл и Уайлд были выбраны сопровождать Шеклтону в этом решительном стремлении достичь Южного полюса, и 29 октября они отправились в путь с четырьмя пони и четырьмя санями. К 3 ноября они покинули морской лед и были на Барьере; но вместо того, чтобы найти лучшую поверхность, им становилось все труднее. Однако вначале пони проделали великолепную работу, хотя один из них 9 ноября чуть не провалился в *"огромную бездонную пропасть"*. В то время путешественники находились в гнезде расселин, и пони Адамса внезапно провалился в

трещину. К счастью, с помощью Уайлда и Шеклтона пони и сани были спасены от падения в эту пропасть; но это был тревожный инцидент, поскольку все кухонные принадлежности, печенье и большая часть масла находились на этих санях, и их потеря стала бы непоправимой катастрофой для путешествия на Юг.

День 26 ноября запомнился Шеклтону и его спутникам, поскольку ночью они обнаружили, что достигли $82^{\circ} 18'$ южной широты и, таким образом, прошли "самый дальний юг" Скотта. 1 декабря была достигнута $83^{\circ} 16'$ южной широты, но к этому времени трое пони были убиты, и остался только один. Несколько дней спустя этот последний пони исчез в расщелине, едва не прихватив с собой Уайлда и сани. Какой бы серьезной ни была потеря этого доблестного пони, была большая причина для благодарности за то, что Уайлд и сани почти чудесным образом были спасены. Если бы сани исчезли, у четверых мужчин осталось бы только два спальных мешка, а снаряжения было бы так мало, что исследователи едва смогли бы вернуться на зимние квартиры.

Вскоре путешественники покинули Барьер и атаковали большой ледник Бирдмор, который находился между ними и плато. 9 декабря между ними и Полюсом лежало 340 географических миль, и продвижение было мучительно медленным, поскольку поверхность состояла в основном из гнилого льда, сквозь который их ноги постоянно проваливались. Неделю спустя они преодолели почти 100 миль покрытого трещинами льда и поднялись на высоту 6000 футов; но плато, которого они так страстно желали достичь, все еще лежало перед ними. "Никогда, - писал Шеклтон, - я не ожидал встретить что-либо более соблазнительное, чем плато". Ужасные поверхности, ходить по которым, по словам Уайлда, все равно что ходить по стеклянной крыше станции, продолжались и после того, как плато было достигнуто, и еще до наступления Рождества стало очевидно, что если продвижение должно было продолжаться, то абсолютный голод, доходящий почти до голодной смерти, грозил исследователям лицом к лицу.

Вечером Нового, 1909 года, Полюс находился всего в 172 с половиной милях от него, но силы мужчин были почти исчерпаны. Столбик термометра упрямо держался ниже нуля, и 6 января было более 50 градусов мороза, с метелью и заносом. Последовал последний рывок вперед, и 9 января Шеклтон и его группа достигли $88^{\circ} 23'$ южной широты и оставили "Юнион Джек" развеяться на плато. Попытка достичь Полюса провалилась; но это была доблестная попытка, и последовавшие марши домой достаточно ясно показывают, что продвинуться дальше было не по силам людям. Действительно, обратный путь был ужасным испытанием — беспощадной борьбой с голодом; и в довершение всего дизентерия, вызванная, по мнению Шеклтона, употреблением в пищу мяса больного пони, поразила каждого члена отряда. Было сделано все, что было возможно, и если бы не ветер, дувший исследователям в спину в один из самых тяжелых периодов их страданий, маловероятно, что они когда-либо добрались бы до своих зимних квартир.

Пока Шеклтон совершал свой великий поход, группа, состоящая из Дэвида, Моусона и Маккея, отправилась в путь с целью определения положения южного магнитного полюса. В этом они преуспели, среднее положение магнитного полюса было отмечено Моусоном как $72^{\circ} 25'$ южной широты, $155^{\circ} 16'$ долготы. Это был великий триумф исследователей, и, само собой разумеется, он был достигнут не без множества опасных приключений и чудом избежавших гибели.

В марте 1909 года "*Нимрод*" благополучно вернулся в Литтелтон, Новая Зеландия, где Шеклтона и его людей встретил самый теплый прием. И снова Южный полюс сопротивлялся попыткам обнаружить его, но приближалось время, когда его тайны будут раскрыты.

IV

Когда 13 сентября 1909 года капитан Скотт опубликовал свои планы британской антарктической экспедиции на следующий год, Руаль Амундсен не думал о Крайнем Юге. "*Фрам*", это правда, готовился к третьему путешествию, но его пунктом назначения снова должна была стать Арктика. Затем, в сентябре 1909 года, пришло известие, что Пири достиг Северного полюса. Одна из величайших тайн мира была раскрыта, но другая все еще оставалась неоткрытой, и мысли Амундсена тут же переключились с Арктики на Антарктиду.

По разным причинам Амундсен не объявлял об изменении своих планов, и когда "*Фрам*" отплыл в августе 1910 года, лишь очень немногие знали, куда он направляется. Только после того, как корабль покинул Мадейру, Амундсен объявил сопровождавшим его людям о своем пункте назначения, и они приняли это известие с радостью.

В двух или трех отношениях экспедиция Амундсена значительно отличалась от новой экспедиции Скотта. Амундсен, например, полагался на собак в качестве движущей силы; Скотт полагался на пони. Затем Амундсен снова решил устроить свою зимнюю штаб-квартиру в заливе Китов, который находился на градус южнее пролива Мак-Мердо, где зимовал Скотт. Скотт должен был выбрать ледник Бирдмор в качестве своего маршрута к Южному полюсу; план Амундсена, когда он отправлялся к полюсу, состоял в том, чтобы оставить маршрут Скотта в покое и двигаться прямо на юг от места старта. "Наша отправная точка лежала в 350 географических милях, - писал Амундсен, - от зимовья Скотта в проливе Мак-Мердо, так что не могло быть и речи о вторжении в сферу его деятельности". Наконец, следует упомянуть, что норвежцы чувствовали себя на лыжах так же уверенно, как и на ногах, в то время как большинство подопечных Скотта демонстрировали на лыжах лишь умеренные результаты.

Все шло хорошо с "*Фрамом*" во время его путешествия на Юг. Она пересекла Полярный круг 2 января 1911 года и двенадцать дней спустя была в Китовом заливе. Высаживаясь на Большой барьер, Амундсен знал, что идет на значительный риск, поскольку не было никакой уверенности в том, что он не находился на плаву там, где он высадился на него из Китового залива. Однако, по мнению Амундсена, Барьер там покоится "на хорошем прочном основании, вероятно, в виде небольших островов, шхер или отмелей".*

* "*Южный полюс*" Амундсена (Джон Мюррей), Том I., стр. 49.

И действительно, Барьер отнесся к нему хорошо. Высадка была произведена с исключительной легкостью, и было найдено достаточно тюленей, чтобы снять любые возможные опасения по поводу запасов свежего мяса. Пингвинов, этих восхитительных птиц, которые доставляют посетителям Антарктиды как удовольствие, так и пищу, было немного, и те, кого видели, принадлежали в основном к виду Адели.

"Фрамхейм", хижина, в которой экспедиции на Южный полюс предстояло провести зиму, была вскоре возведена, и Амундсен испытал бесконечное удовлетворение от количества собак, которые были благополучно высажены. Он не только не потерял собак во время путешествия, но и начал с 97, а закончил со 116, что является весьма желанным дополнением.

"Фрам", оставив восемь человек зимовать на берегу, должен был в середине февраля отправиться в океанографический круиз, но перед отплытием его посетили несколько неожиданных посетителей. 4 февраля корабль капитана Скотта "*Терра Нова*" с отрядом, который тщетно надеялся высадиться на берег короля Эдуарда VII. Суша, вошла в Китовую бухту.

Новость о том, что Амундсен благополучно обосновался, достигла Скотта 22 февраля, и она не могла не произвести на него впечатления. "Только одно, - писал он характерным образом, - определенно запечатлевается в моем сознании. Правильный и мудрый курс для нас - действовать так, как будто этого не произошло; идти вперед и делать все возможное для чести страны без страха или паники. Нет сомнений, что план Амундсена представляет собой очень серьезную угрозу для нас. У него расстояние до полюса на 60 миль короче. Я никогда не думал, что он мог безопасно вывести на лед столько собак. Но, помимо всего прочего, он может начать свое путешествие в начале сезона — невозможное условие для пони ". * Слова, которые в свете будущих событий более чем обычно важны.

* "*Путешествия капитана Скотта*" (Джона мюррея), стр. 259.

Перед наступлением зимы Амундсен решил запастись провизией и прочим по пути к Полюсу, и 10 февраля он отправился в свое первое путешествие с тремя мужчинами, тремя санями и восемнадцатью собаками.

Это первое путешествие по Барьеру было полно захватывающих возможностей. Амундсен не имел представления о местности, по которой ему предстояло путешествовать, и он не знал, откликнутся ли собаки на предъявляемые к ним требования и выдержит ли его снаряжение суровое испытание, которому ему предстояло подвергнуться. По сути, это была пробная поездка, и путешественники, естественно, стремились к тому, чтобы она прошла успешно. Было достигнуто восемьдесят градусов южной широты, и во всех отношениях, кроме одного, Амундсен остался доволен своим путешествием. Единственной ложкой дегтя в его бочке меда было то, что время было потрачено впустую на подготовку к утреннему выступлению. Но это была лишь небольшая ложка дегтя, и Амундсен знал, что с помощью мысли ее можно легко

устранить. Собаки так великолепно откликались на обращенные к ним призывы, что, возможно, был дан удовлетворительный ответ на самый важный из всех вопросов.

Последовали новые экспедиции по закладке запасов, и прежде чем зима настигла исследователей, они разместили три тонны припасов на складах в широтах 80 °, 81 ° и 82 ° Южной широты, поэтому Амундсен и его люди могли спокойно готовиться к периоду ожидания с оправданными надеждами на то, что великий весенний поход к полюсу завершится триумфом.

Зима прошла в внимании к мельчайшим деталям снаряжения, и обитатели "Фрамхайма" были великолепно заняты и довольны. Но с наступлением весны Амундсену не терпелось отправиться в свое великое путешествие. Температура, однако, оставалась очень низкой — где-то в районе -60° F. - и пока они не перестанут "пресмыкаться в глубинах", никакого старта быть не могло.

С началом сентября температура начала улучшаться, и Амундсен был полон решимости стартовать как можно скорее, утверждая, что он может развернуться и вернуться, если обнаружит, что стартовал слишком рано. Итак, 8 сентября он все-таки отправился в путь и вскоре обнаружил, что собаки не выносят сильного холода. 11-го числа температура была -67,9 ° F.; на следующий день было -61,6 ° F., при этом путешественникам дул сильный ветер. Достигнув склада на 80° южной широты, Амундсен сдал еще припасов, а затем вернулся во "Фрамхайм".

Прошло больше месяца, прежде чем участники экспедиции на Южный полюс смогли совершить еще один старт, и интересно отметить, что, в то время как Амундсен в конечном итоге стартовал 19 октября, Скотт не смог стартовать раньше 1 ноября.

Группа, отправившаяся с "Фрамхейма" на Южный полюс, состояла из Амундсена, Ханссена, Вистинга, Хасселя и Бьяланда, и их сопровождали пятьдесят две собаки, тянувшие четыре нарты. В качестве иллюстрации опасностей, которые лежали между исследователями и Полюсом, достаточно сказать, что в первый день путешествия ужасной катастрофы удалось избежать лишь на несколько дюймов. В плохую погоду они слишком сильно забрали на восток и чуть не упали в то, что Амундсен описывает как "зияющую черную пропасть, достаточно большую, чтобы поглотить нас всех, и даже немного больше".

21-го числа сани Бьяланда провалились в расщелину, и их пришлось разгрузить, прежде чем снова поднять на поверхность. Вистинг, обвязав себя альпийской веревкой, спустился вниз и разгрузил сани, а когда он снова поднялся наверх и его спросили, не рад ли он выбраться из такого положения, он ответил: "Там, внизу, было хорошо и тепло".

Это правда, что в подобных событиях нет ничего необычного в жизни полярных исследователей, но ответ Вистинга стоит процитировать, потому что он типичен для жизнерадостности, проявляемой спутниками Амундсена на протяжении всего путешествия. По темпераменту они превосходно подходили для той задачи, которую взяли на себя.

Имея в виду ориентиры на обратном пути, Амундсен, справедливо не полагаясь на волю случая, решил соорудить снежные маяки. Первый маяк был построен на 80° 23' южной широты, и всего было установлено 150 маяков высотой шесть футов.

До 82 ° южной широты курс уже был пройден партиями по прокладке складов, но когда 6 ноября они оставили 82 ° южной широты позади, их путешествие было абсолютно неизвестным. В то

время они ежедневно проходили маршем около 23 миль и с такой скоростью продвинулись на один градус за три дня.

Достигнув 83 ° южной широты, исследователи оставили провизию для пяти человек и двенадцати собак на четыре дня, а затем сделали склады на 84 ° южной широты и 85° Южной широты. Именно с последнего склада они решили совершить то, что без преувеличения можно назвать их рывком к Полюсу. От их лагеря на 85 ° южной широты расстояние до Полюса и обратно составляло 683 мили. После размышлений Амундсен решил взять с собой на санях провизию на шестьдесят дней, а остальные припасы и снаряжение оставить на складе.

Исследователям предстояло утомительное восхождение на плато, и они начали его 17 ноября. Три дня спустя они достигли плато, но, хотя они были достаточно счастливы, совершив долгое и опасное восхождение, их первый лагерь на плато не вызвал у них приятных воспоминаний.

Предстояла тяжелая работа. Амундсен прибыл на плато с сорока двумя собаками, но двадцать четыре из них пришлось убить при достижении плато. Это была жертва, на которую пришлось пойти, если речь шла об успехе экспедиции; но никто не может читать отчет Амундсена об этом, не понимая, как горько он и его спутники сожалели об этой необходимости.

Этот лагерь недаром назывался "Мясной лавкой", и поскольку и людям, и собакам требовался отдых перед заключительным этапом их марша, было решено остаться там на два дня. Восемнадцать оставшихся собак были разделены на три упряжки, по шесть собак в каждой, и остались одни сани.

Но из-за погоды исследователи не могли покинуть эту ненавистную "Мясную лавку" до 25 ноября, а когда они снова отправились в путь, бушевала метель. Однако они так устали ждать в таком негостеприимном и ужасном месте, что всем им не терпелось покинуть его, какими бы ни были погодные условия.

Впоследствии отряду помешал туман, и Амундсен снова и снова благословлял помощь, которую они получали от ски. "Я не придаю слишком большого значения нашим превосходным лыжам, - писал он, - когда говорю, что они сыграли не только очень важную роль, но, возможно, и самую важную из всех в нашем путешествии к Южному полюсу. Много раз мы пересекали участки поверхности, настолько изрезанные и потревоженные, что преодолеть их пешком было бы невозможно".*

* Южный полюс, Том II, стр. 89.

7 декабря было знаменательным днем для экспедиции, потому что во время него они прошли "самую южную точку" Шеклтона, 88° 23' ю.ш. Они проехали еще две мили, а затем решили сделать свою последнюю остановку. Этот склад был настолько важен для них, что они отметили его не только под прямым углом к своему курсу, но и снежными маяками через каждые две мили к югу.

По мере того как исследователи приближались к полюсу, Амундсена, что вполне естественно, охватывала нервозность. "Доберется ли он туда первым?" этот вопрос постоянно крутился у него в голове. Причин для беспокойства не было. Благодаря хорошей погоде он и его спутники достигли Южного полюса 14 декабря 1911 года, и они впятером установили шест, на котором развевался норвежский флаг. "Таким образом, мы водружаем тебя, возлюбленный флаг, на Южном полюсе и даем равнине, на которой он раскинулся, название Плато короля Хакона VII".

В этот день Скотт все еще боролся в своем великом походе к тому же месту назначения, которого он достиг на третьей неделе января.

Расчеты, проведенные Амундсеном на Южном полюсе, дали его широту 89 ° 56' с.ш.

Амундсен выиграл гонку и своей победой раскрыл одну из величайших тайн мира. Его успех был достигнут благодаря напряженному труду, большому мужеству и бесконечной заботе. И если британцы неразрывно связывают имя Скотта с Южным полюсом и чтут его как имя одного из своих героев, они ни на минуту не обижаются на Амундсена за честь, причитающуюся ему как одному из величайших исследователей всех времен. Ибо Амундсен был первым, кто открыл Южный полюс, и никто не хочет или, скорее всего, не забудет об этом.

Норвежцы достигли Полюса с семнадцатью собаками, одну из которых пришлось там убить, а обратно они отправились на двух санях, упряжке из восьми собак в каждой. На обратном пути Амундсену посчастливилось встретить благоприятные ветры и погоду, и исследователи прибыли во "Фрамхайм" 25 января 1912 года, преодолев 1860 миль за девять дней. Это было славное достижение, великая победа над условиями, которые едва ли представимы для человека, не знакомого с Антарктидой или Арктическим регионом.

V

Переходить от экспедиции Амундсена к последней экспедиции Скотта - значит переходить от одного великолепного подвига к другому. Скотт, как всем известно, потерпел поражение в настоящей гонке за Южный полюс. Но он и его друзья достигли своей цели, и рассказ об их борьбе с несчастьем после достижения этой цели - один из самых прекрасных и трогательных в мире.

Когда стало известно о намерениях Скотта возглавить еще одну антарктическую экспедицию, не менее восьми тысяч претендентов вызвались отправиться с ним, и среди этого огромного числа было несколько человек, чьи имена навсегда войдут в историю полярных исследований.

Когда 29 ноября 1910 года "*Терра Нова*" отплыла из Литтелтона, Новая Зеландия, в Антарктические регионы, на борту были как пони, так и собаки. Также были захвачены три моторные сани, одна из которых была потеряна при посадке, и Скотт, с его сильной неприязнью к жестокости, неразрывно связанной с использованием животных в качестве движущей силы, надеялся, что эти сани многое сделают для спасения пони и собак. Из-за неисправности двигателя этим надеждам не суждено было сбыться, но в связи с ними сэр Клементс Маркхэм

написал: "Капитан Скотт был совершенно на верном пути, и с большим опытом его идея о полярных двигателях в будущем станет осуществимой, что было очень дорого его сердцу".*

* *Земли безмолвия* (Джон мюррей), стр. 490.

"Терра Нова" ни в коем случае не была такой удачливой, как "Дискавери", когда она добралась до антарктики. В начале декабря она столкнулась с продолжительным и ужасающим штормом, и впоследствии ей пришлось преодолевать около 370 миль льда. Только 3 января 1911 года она достигла Барьера, расположенного в пяти милях к востоку от мыса Крозье. Здесь Скотт надеялся расположиться на зимовку, но из-за волнения высадиться не удалось, и на следующий день он решил приземлиться на мысе Эванс, в 14 милях к северу от зимовья "Дискавери". Последовала напряженная работа, и через несколько дней все необходимое было доставлено с корабля, вскоре дом был построен, и исследователи были готовы приступить к закладке складов для подготовки к походу к полюсу.

В своем первом путешествии на склад Скотта сопровождали одиннадцать человек, восемь пони и двадцать шесть собак. Он более чем немного сомневался в собаках, но думал, что его пони обязательно будут иметь успех. "Они работают, - писал он, - с таким необычайным постоянством.... Большим недостатком является легкость, с которой они проваливаются в мягкий снег — они мужественно борются, но он пытается наблюдать за ними".

Эта партия по закладке склада достигла 79° 29' Южной широты и оставила там более тонны припасов; следовательно, ей было присвоено название One Ton Camp. На обратном пути произошли несчастья, которые серьезно повлияли на успех экспедиции, поскольку шесть из восьми пони были потеряны. "Все вышло из-под контроля из-за потери наших пони, но, к счастью, все участники группы живы и здоровы", - так Скотт прокомментировал это серьезное несчастье. Оставалось еще десять пони.

Зимой Уилсон, Бауэрс и Черри-Гаррард отправились 27 июня 1911 года в свое знаменитое путешествие на мыс Крозье, чтобы посетить лежбище императорских пингвинов, и вернулись на мыс Эванс только 1 августа. В течение этих недель им приходилось бороться с ужасающе низкими температурами. Когда, например, они отправлялись с мыса Эванс, их три спальных мешка весили 52 фунта, но из-за скопившегося на них льда эти три мешка весили 118 фунтов. когда путешественники вернулись. Скотт считал, что нет слишком высокой похвалы для людей, которым предстоит столкнуться с такой погодой полярной зимой.

С началом августа подготовка к великому походу пошла быстрыми темпами, но только 1 ноября можно было стартовать с мыса Эванс. Было решено совершить ночной марш, и порядок марша сначала определялся скоростью пони, потому что некоторые из них были медленными, некоторые довольно быстрыми, а некоторые были "летунами". Моторы, с которыми ехали Э. Р. Эванс, Дэй, Лешли и Хупер, уже завелись, и собаки под управлением Мирса и Дементри должны были следовать за последним отрядом людей и пони. Однако очень скоро у мотопартии

возникли проблемы, и этой группе пришлось бросить свои машины и продолжить путь в качестве отряда по перевозке людей.

К 15 ноября Скотт добрался до лагеря One Ton Camp, и опасения по поводу пони начали обретать форму. В лагере 19 исследователи находились в пределах 150 миль от ледника Бирдмор, но некоторые пони начали сдавать, и в следующем лагере первого из них ("доблестного Иегу") пришлось пристрелить. В тот день было решено покинуть этот лагерь, и Хуперу предстояло повернуть обратно.

В лагере 22 на 81° 35' северной широты был устроен Средний заградительный склад, а затем в течение нескольких дней маршу препятствовала необычайно плохая погода. Скотт хотел довести пони до входа в ледник Бирдмор; но хотя 29 ноября, в лагере 5, они были всего в 70 милях от того, что он называет своей "пони-целью", некоторые из добровольно согласившихся животных очень устали.

В лагере 29 все еще оставались шесть пони из десяти стартовавших, но, хотя шансы успешно добраться до ледника были хорошими, погода по-прежнему оставалась настолько неблагоприятной, насколько это было возможно.

5 декабря сильный снегопад усилил беспокойство исследователей, которые оказались в 12 милях от ледника, но безнадежно застряли из-за такого сильного и неожиданного шторма. Для Скотта было вполне естественно испытывать беспокойство, поскольку 7 декабря предстояло приступить к приготовлению пищи, которую он надеялся использовать только после того, как достигнет ледника. Однако два дня спустя маршем в ужасных условиях был достигнут вход на ледник, а затем в лагере 31, который назывался лагерем Шамблс, были убиты последние пони.

9 декабря Уилсон написал: "Нобби [особый пони Уилсона] съел все мои бисквиты прошлой ночью и этим утром, и к тому времени, когда мы разбили лагерь, я был просто зверски голоден. Слава Богу, с лошадьми теперь покончено, и мы сами приступаем к тяжелой работе".

В лагере 32 был построен склад на Нижнем леднике, и вскоре после этого Мирс и Деметри с собаками повернули домой. В это время партии состояли из...

Следж 1. Скотт, Уилсон, Гейтс и П. О. Эванс.

Следж 2. Э. Эванс, Аткинсон, Райт и Лешли.

Сани 3. Бауэрс, Черри-Гаррард, Крин и Кеохейн.

Но к 21 декабря, на 85° южной широты, Скотту пришлось отправить обратно четверых из этих людей, и Аткинсон, Райт, Черри-Гаррард и Кеохейн вернулись. Склад на Верхнем леднике был создан, и вернувшиеся люди забрали письмо Скотта, в котором он писал: "Итак, мы практически на вершине и в курсе всех событий с провизией. Мы должны прорваться".

В День Нового, 1912 года, группа находилась в 170 милях от Полюса. Был произведен сброс на три градуса. Затем на 87° 32' южной широты Скотт был вынужден отправить обратно Э. Б. Эванса, Крина и Лешли. Когда всем мужчинам так не терпелось отправиться в путь, было трудно расставаться с кем-либо из них; но из-за проблем с продовольствием было абсолютно необходимо, чтобы кто-то из отряда вернулся.

Возраст пятерых мужчин, добравшихся до Полюса, был следующим: Скотту сорок три года; Уилсону тридцать девять; П. О. Эвансу тридцать семь; Гейтсу тридцать два; и Бауэрсу двадцать восемь. Снова и снова Скотт выражал свое восхищение четырьмя своими товарищами: Уилсоном, "никогда не колеблющимся от начала до конца"; Эвансом, "гигантским работником"; Бауэрсом, "чудо — он полностью наслаждается собой"; Гейтсом, "все время старается изо всех сил".

С такими людьми Скотт чувствовал уверенность, что, несмотря на ужасную поверхность, достигнет Полюса. Но по мере того, как он приближался к ней, его постоянно одолевали опасения, что Амундсен уже прибыл; и 16 января, когда до желанной цели оставалось всего несколько миль, уже не было никаких сомнений в том, что норвежцы выиграли гонку. Следы от саней, лыж и собак были слишком заметны.

Столкнувшись с таким тяжелым ударом, никто из отряда Скотта не мог уснуть в ту ночь, но на следующий день они прошли около 14 миль и достигли полюса. "Полюс, - писал Скотт, - да, но при обстоятельствах, совершенно отличных от ожидаемых".

Невозможно представить себе больший удар, и если вспомнить, что Скотт и его четверо спутников уже были измотаны — если не полностью — своими огромными трудами, легко понять, насколько тяжелым бременем легло на их души разочарование. Тем не менее они намеревались достичь Полюса, и они достигли его. Вся честь принадлежит им; и тот факт, что Амундсен опередил их, никоим образом не умаляет славы их достижения.

Высота Столба, по оценкам Скотта, составляет около 9500 футов. Была построена пирамида из камней и поднят флаг Великобритании. А затем, в четверг, 18 января, они повернулись спиной к своей цели и начали долгий переход, который отделял их от мыса Эванс. Беспокойство по поводу еды началось сразу — его можно было уменьшить только после достижения Трехградусного депо; и очень скоро к опасности нехватки пищи добавилось беспокойство по поводу состояния Эванса.

В среду, 31 января, усталые путешественники добрались до станции "Три Градуса", но к этому времени Эванс выбил два ногтя на пальцах, и его общее состояние было очень плохим. Их следующей целью было хранилище Верхнего ледника, и в ночь на понедельник, 5 февраля, они были в пределах 25-30 миль от него; но состояние здоровья Эванса стало настолько критическим, что Скотту отчаянно хотелось поскорее убраться с плато. "Возможно, - писал он, - у него [Эванса] все заживет на леднике, и его раны получают некоторую передышку в более теплых условиях".

Вечером 7 февраля они достигли Верхнего Ледникового хранилища, а затем, свернув в сторону, чтобы собрать геологические образцы (которые оказались наиболее ценными), они столкнулись с ужасными поверхностями и погодой. 14 февраля, когда до Нижнего Ледникового склада оставалось еще 30 миль, Скотт сильно беспокоился о состоянии группы. Действительно, бедняга Эванс почти достиг предела человеческой выносливости, и ночью 17 февраля он потерял сознание и тихо скончался в 12.30 утра

Это был ужасный опыт для мужчин, и без того крайне усталых как душой, так и телом, встретиться с ними, и это была печальная компания, которая в воскресенье днем прибыла в лагерь Шамблс. Там их в изобилии ждала конина, и это придало им сил, в которых они так нуждались. На данный момент перспективы исследователей выглядели немного более

обнадеживающими, но с этого момента они начали страдать от нехватки нефти. Когда, наконец, 2 марта им удалось добраться до склада в Миддл-Барьерс, они обнаружили там так мало нефти, что ее едва хватило, как бы экономно она ни использовалась, чтобы доставить ее на следующий склад, который находился в 71 миле от них. Еще одной непоправимой катастрофой стало то, что ноги Оутса были очень сильно обморожены. 4 марта Скотт написал: "Я не знаю, что бы я делал, если бы Уилсон и Бауэрс не были так решительно настроены по отношению ко всему". И, по правде говоря, положение стало отчаянным. 7-го, когда до депо Маунт-Хупер оставалось еще 16 миль, Оутс, хотя и был удивительно храбрым, испытывал ужасные боли. В течение следующего дня они прибыли на Маунт-Хупер, но нехватка нефти не уменьшилась.

Более 70 миль отделяли измученных путешественников от лагеря One Ton, и они с трудом продвигались вперед, а смерть смотрела им в лицо все ближе и ближе. При отсутствии попутного ветра и плохом покрытии они не могли продвигаться более чем на шесть миль в день, и в ночь на 11-е Скотт подсчитал ситуацию следующими словами: "У нас есть продовольствия на семь дней, и сегодня ночью мы должны быть примерно в 55 милях от лагеря One Ton Camp; $6 \times 7 = 42$, что на 13 миль меньше нашего расстояния, даже если ситуация не ухудшится".

К несчастью, вместо какого-либо улучшения ситуации несчастий становилось все больше и больше. Было очевидно, что Оутс близок к концу, и утром 15 или 16 числа, когда бушевала метель, он вышел из палатки. "Я просто выхожу на улицу, и, возможно, у меня будет какое-то время", - были последние слова, которые он сказал своим товарищам по несчастью. "Мы знали, - сказал Скотт, который все еще продолжал вести свой дневник, - что бедняга Оутс шел навстречу своей смерти ... это был поступок храброго человека и английского джентльмена".

Оутс пожертвовал собой в надежде помочь другим, и ни один храбрый человек никогда не совершал более храброго поступка. Но его жертва оказалась напрасной. Фортуна оказала исследователям слишком сильную поддержку, чтобы они могли ей противостоять.

К полудню 18 марта Скотт, Уилсон и Бауэрс с трудом продвинулись на расстояние 21 мили от склада One Ton, а во второй половине следующего дня им удалось продвинуться еще на 10 миль. А затем они разбили то, чему суждено было стать их последним лагерем. Сами люди были в плачевном состоянии, и метель следовала за метелью, они были совершенно неспособны продвинуться дальше ни на шаг.

29 марта Скотт написал: "С 21-го числа у нас был непрерывный шторм со стороны W.S.W. и S.W. У нас было топливо, чтобы приготовить по две чашки чая на человека, а 20-го не хватало еды на два дня. Каждый день мы были готовы отправиться на наш склад, расположенный в *одиннадцати милях* отсюда, но за дверью палатки по-прежнему кружился сугроб.... Мы будем держаться до конца, но, конечно, мы становимся слабее, и конец не за горами. Жаль, но я не думаю, что смогу написать больше ". И затем следуют эти трогательные слова: "Последняя запись. Ради Бога, позаботьтесь о наших людях".

Только 30 октября Аткинсон, на которого легло руководство экспедицией, смог направить поисковую группу. И почти две недели спустя были найдены тела этих троих друзей и исследователей.

Нельзя было найти более подходящих слов для завершения этой главы о великих подвигах, чем те, что были оставлены в металлическом цилиндре на могиле этих героев:

"12 ноября 1912 года, 79° 50' Южной широты. Этот крест и пирамида из камней воздвигнуты над телами капитана Скотта, к.В.О., Р.Н.; доктора Э. А. Уилсона, М.Б., до Н.Э. (штат Кантаб.); и лейтенанта Х. Р. Бауэrsa, Королевской морской пехоты Индии. Небольшой знак, увековечивающий их успешную и доблестную попытку достичь Полюса. Это они сделали 17 января 1912 года, после того, как норвежская экспедиция уже сделала это. Причиной их гибели стала ненастная погода и нехватка топлива. Также в память о двух своих доблестных товарищах, капитане Л. Э. Г. Оутсе из драгун Иннискиллинга, который пошел навстречу своей смерти в снежную бурю, чтобы спасти своих товарищей, примерно в 18 милях к югу от этой позиции; также о моряке Эдгаре Эвансе, погибшем у подножия ледника Бирдмор.

"Господь дал, и Господь забирает; да будет благословенно имя Господне".

VI

ГОРА Маккинли

ГОРА Маккинли

(Карта, стр. 184.)

Восхождение на Рувензори приоткрыло тайну экваториальных снегов. Теперь оставался вопрос о великих вершинах на крайнем Севере, где проблемы альпинизма, очевидно, должны сильно отличаться от проблем, возникающих на аналогичной высоте в зонах умеренного климата. Что-то было сделано для решения этой проблемы путем восхождения на гору Святого Ильи на Аляске 31 июля 1897 года. Но гора Святого Ильи возвышалась всего чуть более чем на 18 000 футов, и до нее было особенно легко добраться, поскольку она расположена недалеко от побережья, на границе британской и американской территорий. Взоры исследователей начали обращаться к горе Маккинли, высочайшей вершине Северной Америки, которая достигала высоты 20 300 футов. Его широта составляла 63 ° Северной широты, то есть в пределах 250 миль от Полярного круга. Ближайший залив Кука с соленой водой находился в 140 милях от южной стороны по прямой. Поэтому он был почти недостижим, поскольку располагался посреди неисследованной дикой природы и был окружен мощной системой ледников.

На юге эти ледники были осушены рекой Суситна с ее притоками Йентной и Чулитной, а на северной стороне - притоками Юкона. Если путешественник попытается добраться туда летом, он может столкнуться с труднопроходимым водным путем до начала ледников, но тогда ему

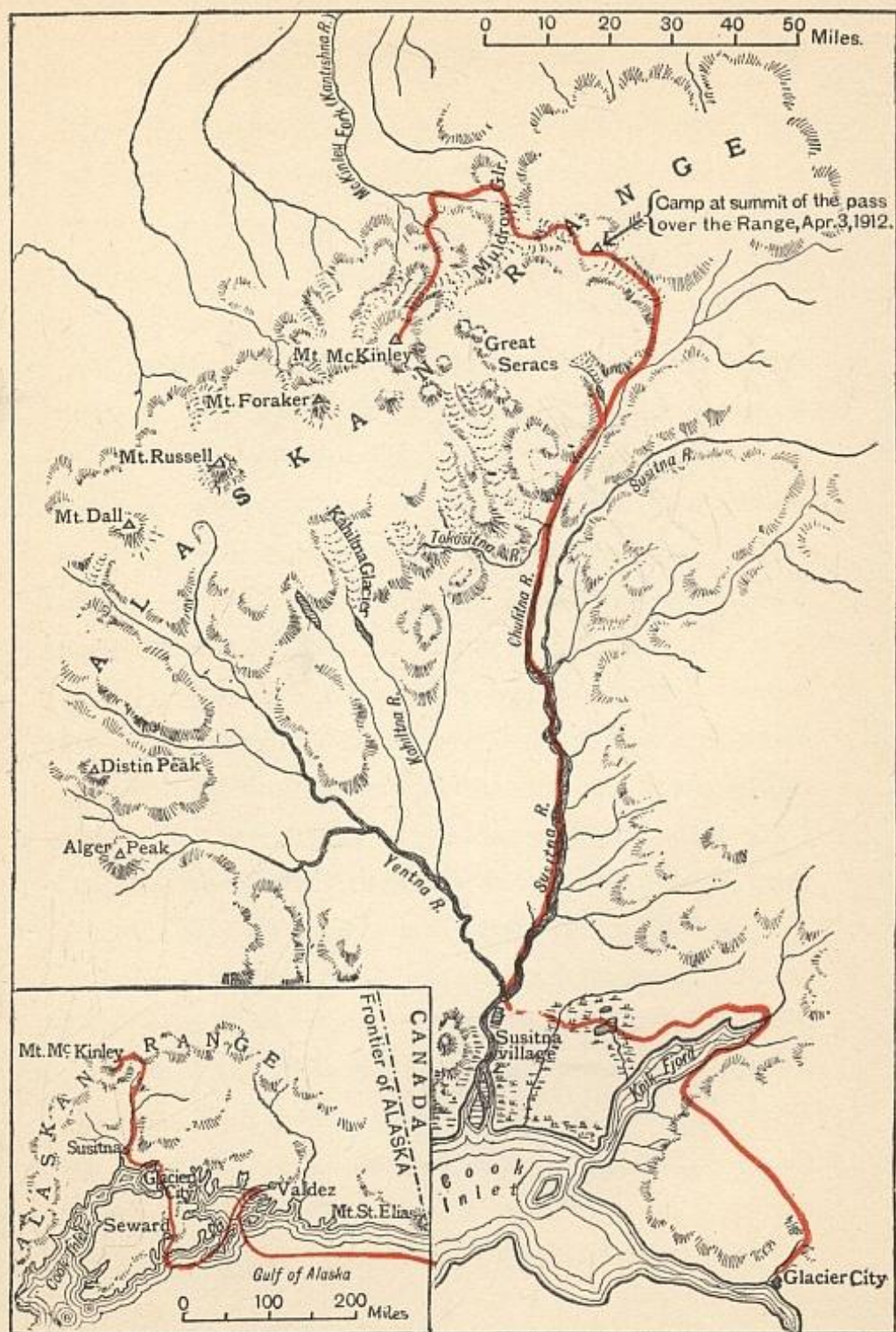
предстоит пересечь тридцать миль льда, прежде чем он достигнет подножия, и по ним ему придется тащить все на спине. Зимой путешествие можно было совершить на собаках, но зима в этих широтах едва ли была подходящим временем для путешествий. Более того, гора Мак-Кинли, в отличие от других великих вершин мира, возвышалась на небольшой высоте. В случае с южноамериканскими и Гималайскими вершинами восхождение не начинается до тех пор, пока не будет достигнута высота не менее 10 000 футов, а линия вечных снегов на них очень высока. Например, можно покрыть 22 860 футов Аконкагуа, даже не касаясь снега. Но на горе Маккинли снежная линия была ненамного выше 2500 футов, а подъем предстоял примерно на 15 000 футов. Опять же, его расположение так далеко к северу не позволяло снегам должным образом таять летом или затвердевать и уплотняться. Снегопад был настолько сильным, что снег никогда не достигал состояния, облегчающего путь альпиниста. Наконец, — и это особенно относилось к зимнему путешествию — он был расположен в стране отчаянных штормов. Самые суровые погодные условия, когда-либо зарегистрированные Американским метеорологическим бюро, сложились на горе Вашингтон, которая находится всего в 6000 футах над уровнем моря, где температура была 40 градусов ниже нуля, а ветер дул со скоростью 180 миль в час. Чего может ожидать альпинист на высоте 20 000 футов в небе, когда между ним и Северным полюсом ничего нет?

Таким образом, покушение на гору Мак-Кинли было делом нелегким. Это означало путешествие к отдаленному побережью Аляски, а затем около 200 миль по труднопроходимой и малоизвестной местности, прежде чем была достигнута даже база. Каким будет восхождение, никто не мог сказать. Очевидным маршрутом, как видно из карты, была река Суситна, по которой, действительно, ее первый исследователь, молодой выпускник Принстона по имени Дикки, приблизился к ней в 1896 году. Именно он окрестил его горой Маккинли. Он вступил в спор с другим старателем, который был ярым поборником бесплатного серебра, и после многих утомительных дней спора отомстил, назвав гору в честь поборника золотого стандарта. В 1903 году экспедиция, возглавляемая слишком известным доктором Куком, достигла базы с севера, но не смогла совершить ни одного восхождения. Затем, в 1906 году, начались исследования профессора Паркера и мистера Белмора Брауна, которым шесть лет спустя было суждено стать покорителями вершины.

Я

Можно в общих чертах описать экспедицию 1906 года, поскольку, хотя она и потерпела неудачу, она, по крайней мере, научила своих руководителей тому, какие маршруты были невозможны. Они отправились в путь на вьючных лошадях и моторной лодке, намереваясь исследовать северо-западный склон. Они поднялись по реке Йентна, которая впадает в Суситну с запада, но обнаружили невозможность пересечь южные склоны Аляскинского хребта. Затем они повернули на южную сторону хребта и достигли ледника, из которого вытекает река Токоситна. К этому времени их транспорт был в ненадежном состоянии, и их лошади не могли идти дальше. Они находились в пределах видимости горы Мак-Кинли и видели не только невозможность подняться по южному склону, но и чрезвычайные трудности приближения даже к ее подножию

с этого направления. Соответственно, они вернулись на побережье, где доктор Кук оставил их, объявив, что намерен предпринять последнюю отчаянную попытку подняться на гору.

The Approach.

Mount McKinley.

Гора Маккинли.

Вскоре до профессора Паркера и мистера Белмора Брауна, к их удивлению, дошел слух, что доктору Куку это удалось. Зная, что этот подвиг был невозможен за столь короткое время, они не поверили в эту историю и публично заявили о своих взглядах в Нью-Йорке. Затем появилась печально известная книга доктора Кука; но до того, как она была опубликована, он отправился в арктические регионы. Географические круги Америки были раздираемы спорами. Комитет Клуба исследователей расследовал этот вопрос, но доктор Кук отказался давать показания. Профессор Паркер и мистер Белмор Браун тем временем были заняты своими планами относительно другого покушения.

Экспедиция 1910 года снова была направлена к южному склону. Их доводы заключались в том, что на протяжении большей части пути к этому выступу был возможен водный маршрут, и что, если они потерпят неудачу там, они полагали, что смогут перейти к южному Северо-Восточному хребту, который, судя по тому, что они слышали и видели, они считали наиболее многообещающим направлением атаки. Они также хотели скопировать фотографии, опубликованные доктором Куком, и таким образом доказать или опровергнуть его добросовестность. Кроме того, северная сторона великой горы была уже довольно хорошо нанесена на карту, но ничего не было сделано на южной стороне.

Идея вьючного обоза была отброшена, и вся их энергия была направлена на создание лодки подходящего типа, на которой они могли бы подняться по Суситне и ее притоку Чулитне, пока не достигнут ледников. Группа состояла из восьми человек, включая молодого человека из Сиэтла, мистера Мерла Ла Вой, который был исключительно приспособлен Провидением для работы первопроходцем. Автор настоящего письма много раз имел дело с мистером Ла Воем во время Первой мировой войны и может с уверенностью сказать, что он никогда не встречал никого более бесстрашного, дерзновенного и находчивого.

Это была летняя экспедиция, и группа покинула станцию Суситна 26 мая. Подъем по двум рекам был трудным и достаточно захватывающим, но они без приключений достигли подножия притока Токоситны, где разбили свой базовый лагерь. Этот лагерь находился в тридцати семи с половиной милях от горы Маккинли, а в нескольких милях отсюда находилась конечная морена большого ледника, которая, как они надеялись, проложит им дорогу к горе. Вверх по этому леднику им пришлось бы нести все свои пожитки на спине. В рассказе мистера Белмора Брауна есть интересный отрывок, описывающий процесс, с помощью которого люди закаляются к работе в дикой природе.

"Дневная работа состояла в том, чтобы около десяти часов пробираться через кустарник, мягкий песок, болота и ледниковые потоки. За исключением одного или двух мужчин, которые положили себе в карманы печенье, мы не взяли с собой никакой еды. Дневная работа ни в коей мере не была трудной, поскольку мы не несли (во время предварительной разведки) никаких грузов; наше положение с *цивилизованной точки зрения* было великолепным; мы были сытыми, загорелыми и довольно крепкими - и все же все мы пришли в лагерь *совершенно уставшими*. Через два месяца после наших приключений на ледяных склонах горы Маккинли мы спускались по тому же участку местности. Снег, однако, растаял, оставив после себя густые заросли, через которые нам приходилось пробираться; комары висели тучами, и нас было четверо ... у нас были рюкзаки весом от 95 до 120 фунтов. С *цивилизованной точки зрения мы были не очень сытыми* и выглядели неважно - наши глаза и щеки ввалились, а тела истлели до

костей и сухожилий; и все же мы пришли в лагерь свежими и счастливыми, как дети, и, перекусив и покурив, могли бы бодро продолжить путь".

Это была нелегкая задача - тащить снаряжение весом 1200 фунтов. преодолеть тридцать семь с половиной миль по леднику, расстояние, которое при использовании фактического маршрута было намного больше. Большая часть веса приходилась на пеммикан и спирт для печей. Пеммикан состоял из измельченного в порошок сырого мяса, смешанного с сахаром, изюмом, смородиной и жиром. Их главным напитком был чай. 11 июня они в последний раз разводили дрова, и после этого оставалась только печь. Дни проходили в исключительно тяжелом землекопном труде, когда они тащились в снегоступах с тяжелыми рюкзаками и возвращались за другими. У них были разные злоключения. Частые метели с ветром и снегом вынудили их быстро закрывать палатку на ночь, в результате чего однажды они чуть не задохнулись.

27 июня они достигли вершины главного ледника, за которой через узкое ущелье с гор спускался вторичный ледник, справа от них спустился еще один ледник, и здесь они проделали интересную детективную работу. На вершине его они увидели несколько вершин, которые напоминали иллюстрацию из книги доктора Кука. На иллюстрации изображалась вершина горы Маккинли, а слева был изображен выступ скалы, который доктор Кук описал как утес высотой 8000 футов. На самом деле это было фальшивое изображение небольших вершин в верховьях этого ледника, за много миль от главной горы, а утес высотой 8000 футов, как оказалось, возвышался всего на 300 футов над полом и находился всего в 5300 футах над уровнем моря. По крайней мере, одна легенда была развеяна навсегда.

Теперь началась терпеливая доставка провизии вверх по великому ущелью. Это был отчаянно тяжелый физический труд, их лица почернели от яркого солнца, и время от времени они соскальзывали в расщелину, которую только величайшее везение спасало от трагедии. После тридцати шести дней тяжелого путешествия они наконец оказались в двух милях от подножия южных утесов горы Маккинли. Они оказались в огромном ледяном бассейне, окруженном колоссальными пропастями, по которым с грохотом катились лавины. Перед ними возвышалась гора высотой 15 000 футов из камня и льда. В бинокли они увидели, что Юго-западный гребень стал совершенно неприступным после высоты около 15 000 футов. Южный Северо-Восточный гребень выглядел более многообещающим, и на него они обратили свое внимание. В то северное лето темноты не было. "Наступление и отступление ночных теней продолжалось почти без перерыва, и иногда мы были не уверены, было ли альпийское сияние на ледяном гребне большой горы светом восходящего или заходящего солнца". Теперь у них был короткий перерыв в трудах, и поскольку ум человека в таких случаях обращается к еде, они изобрели из своей скудной кладовой новый пудинг. Вот этот рецепт.

"Сначала замочите три ломаных бисквита вкрутую в подсоленной воде, пока они не станут мягкими. Добавьте 60 изюминок и пеммикан размером с 4½ яйца. Перемешивайте медленно, но энергично, пока масса не станет полностью однородной. Медленно прокипятите на спиртовке, добавьте три столовые ложки сахарного песка и подавайте в гранитной чашке."

Но между ними и Северо-Восточным хребтом лежал гигантский *серак*. Полтора дня они пролежали под ним, скованные штормом, а затем, утром 11 июля, попытались прорубить себе путь вверх по ледяной стене. Это оказалось самой трудной и опасной работой, и вскоре, из-за нехватки провизии, они поняли, что это невозможно. Они пытались это делать снова и снова, потому что только так можно было добраться до Северо-восточных хребтов. Но в конце концов

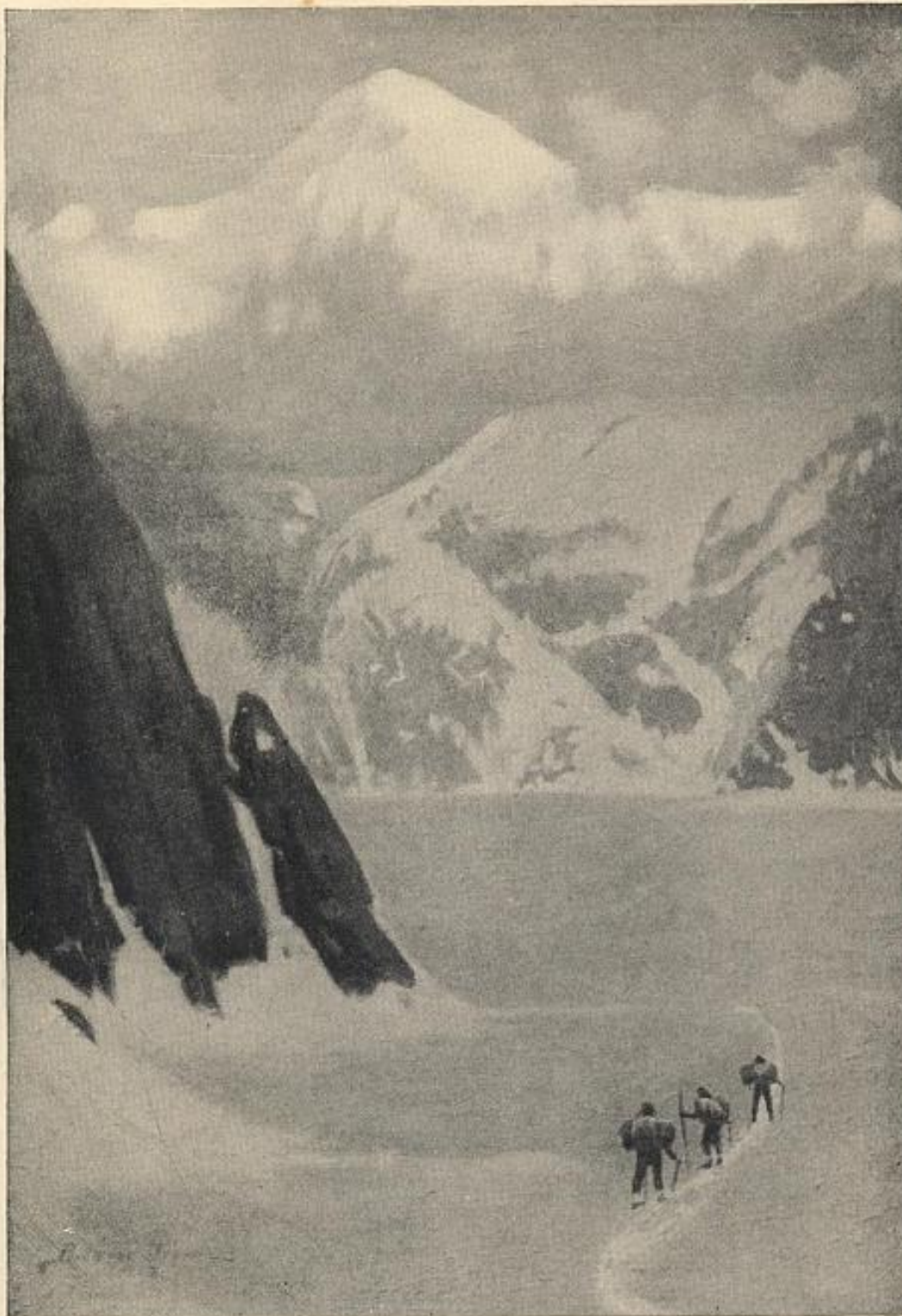
им пришлось оставить эту затею как безнадежную и обратить свое внимание на Юго-Западный район.

Это тоже оказалось для них слишком тяжелым испытанием. Они продвигались вперед под постоянными ледопадами и лавинами и достигли высоты 10 300 футов, где им волей-неволей пришлось остановиться. За эти дни они увидели чудесные горные пейзажи. "На первый взгляд казалось, что все огромные скалы бокс-каньона объаты пламенем. Бесчисленные тысячи тонн мягкого снега обрушились лавиной с южных склонов горы Маккинли на дно ледника на глубине 5000 футов ниже. Снег выпал так сильно, что превратился в тяжелые облака, которые катились вниз, как тяжелые волны. Сила катящейся массы была ужасающей, и когда она ударилась о сине-зеленую ледниковую кольчугу, она выбросила огромное снежное облако, которое пронеслось, как живое существо, на 500 футов; кружась на ветру, вызванном лавиной, белая стена пронеслась по долине, и почти прежде, чем мы осознали это, мы боролись и задыхались в ослепляющем и жалящем облаке ледяной пыли".

Они начали свое отступление, и их возвращение из гиперборейского ада к зелени и лету было подобно выздоровлению человека после опасной болезни. Хотя экспедиция провалилась, они были веселой компанией, потому что, хотя у каждого мужчины были ввалившиеся глаза, худощавые черты лица, он был в отличной форме. Для них ничего не значило нести груз в 120 фунтов, который сломал бы им спины в первые же дни. В компании были люди с разными темпераментами и разносторонними достижениями, и мистер Ла Вой заметил: "Путешествовать с такой компанией, как наша, - это образование; если что-нибудь случится, вы сможете прослушать целый словарь". В конце концов они добрались до своего тайника на Чулитне и опустошили его, как дети опустошают свои рождественские чулки. "Мы действительно были зверски голодны, - говорит мистер Белмор Браун, - и когда появились банки с чау-чау, банки с кленовым сиропом и мясные консервы, мы обхватили их руками и станцевали безумные танцы на песке! Одна из великих жизненных истин, которую человек учится понимать на Севере, заключается в том, что стоит обходиться без того, чего он хочет, ибо чем больше жертва, тем больше награда, когда желание исполняется. Я ел с самыми разными голодными людьми, от загорелых всадников "сейджа" до людей-бидарка с алеутских островов, и я с удовольствием лакомился "печенью тюленя", "омлетом из чаек" и "шпинатом карибу"; но никогда я не видел, чтобы люди ели больше или лучше!"

II

Как только исследователи вернулись к цивилизации, они начали планировать третью попытку. Им было ясно, что западный и южный склоны горы неприступны и что их лучший шанс - на Северо-восточном гребне. К нему, однако, нельзя было подойти с юга, поэтому их целью стало проникнуть с северной стороны. Их исследования в 1910 году доказали трудности летнего путешествия, поскольку грузы приходилось перевозить на спинах людей по многомильному леднику. Поэтому они решили устроить зимнюю экспедицию и использовать упряжки аляскинских собак. Казалось, лучший маршрут пролегал вверх по рекам Суситна и Чулитна, и они надеялись где-нибудь у истоков Чулитны найти перевал в Аляскинском хребте, который привел бы их вокруг северного склона горы Мак-Кинли.

Mount McKinley : View of the Southern Approach.
(From the painting by Mr. Belmore Browne. By permission of Messrs. Putnam's Sons.)

Гора Мак-Кинли: вид на южный подход.

*(С картины мистера Белмора Брауна.
С разрешения господ. Сыновья Патнэма.)*

В октябре 1911 года мистер Ла Вой начал доставлять припасы вверх по Чулитне, планируя присоединиться к профессору Паркеру и мистеру Белмору Брауну в Сюзитне в феврале 1912 года. Поскольку зимой залив Кука скован льдом, путешественникам пришлось сойти с парохода в Сьюарде и совершить долгое и трудное путешествие по суше через Глейшер-Сити и Ник-фьорд к реке Суситна. Там они нашли мистера Ла Воя с собачьими упряжками. Он сообщил, что отвез большую часть снаряжения в тайник на Чулитне, в нескольких милях от устья Токоситны.

Путешествие вверх по Суситне, которая теперь представляла собой ровную снежную тропу, прошло легко и приятно. Когда они добрались до тайника, то, к своему отвращению, обнаружили, что росомаха, которая является заклятым врагом этих северных диких мест, сумела проникнуть внутрь, хотя для большей безопасности ее разместили на платформе из бревен среди деревьев. Зверь уничтожил большую часть собачьего корма и бекона, а также новую и дорогую камеру мистера Ла Воя, которая была подвешена на верхушке 30-футового шеста. Росомаха взобралась на столб, оборвала углы кожаного футляра и прогрызла себе путь к фотоаппарату!

От тайника начиналась длинная система ретрансляций, поскольку перевезти все оборудование за один переход было невозможно. Теперь тропы не было, и перед каждым этапом приходилось "разбивать" дорогу. Маршрут лежал вверх по Чулитне, и путешественники надеялись найти какой-нибудь большой ручей, впадающий слева от них, который указывал бы на разрыв в Аляскинском хребте. Любой такой промежуток, конечно, был бы заполнен ледниками, вода из которых должна образовывать реку. В целом, зимнее путешествие выгодно отличалось от летнего. Мужчины использовали снегоступы, чтобы проложить тропу, и после того, как снаряжение было перевезено на пять миль, вернулись на пустых санях за новыми грузами. Зима не уничтожила все признаки дикой жизни, хотя охота была трудной, а снег был испещрен следами бесчисленных диких животных. Было слышно даже пение зяблика. Кемпинг был вполне комфортным, и в палатке с разожженной печью и приготовленными постелями из зеленой ели ночи были теплыми и спокойными.

Наконец, когда деревья начали редеть, они подошли к месту, где долина раздваивалась и большой каньон поворачивал на север, к хребту. Путешествие теперь стало более трудным, поскольку широкие ровные равнины уступили место покрытым снегом порогам и большим сугробам. Когда они продвигались вверх по ущелью, увидели ледник, спускающийся из центра гор. Однажды ночью с мистером Белмором Брауном произошел несчастный случай, который мог оказаться серьезным. Он вышел подстрелить сову ради еды, и когда выбрасыватель из его маленькой винтовки был извлечен, патрон попал ему в глаз и чуть не задел правое глазное яблоко. У него возникло жуткое чувство, когда он увидел дружелюбных собак, лакающих окровавленный снег. Вскоре после этого он произвел рекогносцировку в двадцати пяти милях впереди и обнаружил ледник, который они видели издали, убегающий в холмы, как большая белая дорога. Маршрут казался возможным, но в начале были уродливые ледяные обрывы, которые наводили на мысль, что пересечь перевал может быть нелегко.

Вторая разведка привела его к началу ледника. Сначала нельзя было различить никакого перехода, но внезапно в начале правого бассейна горы оборвались, и он увидел ровное снежное поле, ведущее к гребню. Он взобрался на ее вершину и сначала не увидел ничего,

кроме отвесного обрыва. Наконец, однако, он обнаружил справа пологий снежный склон, ведущий вниз, в большую снежную чашу, и понял, что перевал можно пересечь.

3 апреля основной лагерь был поднят на высоту 6000 футов. Затем наступила задержка из-за снежной бури, которая на сутки приковала исследователей к их палаткам. Было ужасно холодно, и все, включая будильник, окоченело. Однако им удалось развести небольшой костер с помощью пустой коробки из-под пеммикана, и с помощью печки они устроили в палатке что-то вроде вечеринки - мужчины, собаки и все такое прочее. Вечеринка, однако, была бесцеремонно прервана одной из собак, которая попятилась к печке и наполнила палатку облаком дыма от опаленной шерсти.

На следующее утро они пересекли водораздел, частично стреляя, частично сбрасывая свои пожитки с 1000-футового обрыва в лощину. Не успели они переправиться, как налетела новая снежная буря, и они были скованы штормом на тридцать шесть часов. Но настроение у них было приподнятое. На время они покончили с восхождениями в гору и увидели, что, преодолев невысокий перевал во главе другого ледника, они смогут добраться до большого ледника Малдроу, который был известен миру с 1902 года. Этот ледник должен был привести их в самое сердце горы.

Без особых трудностей они пересекли перевал и, спустившись к морене Малдроу, с радостью осознали, что находятся на северной стороне Аляскинского хребта. Была уже почти середина апреля, и они оказались в стране, о которой мечтают охотники. Появилась возможность раздобыть свежее мясо, и для людей, проводших семнадцать дней во льдах, надежда на изменение своего меню и вид растительности были опьяняющим действием. Мистер Белмор Браун вышел однажды утром и наткнулся на стадо белых овец (*Ovis Dalli*). Он поймал трех, и в ту ночь лагерь пировал. "В холодную погоду, - пишет он, - человек испытывает тягу к жиру, а в дикой местности человек менее разборчив в способе приготовления мяса. Наша тяга к жиру была настолько сильной, что мы попробовали есть сырое мясо и, найдя его неопишимо вкусным, с удовольствием поели свежей баранины. Теперь я могу легко понять, почему дикие племена употребляют в пищу сырое мясо". Белая овца была не единственной добычей. Здесь водилась особая разновидность карибу; был аляскинский лось; изредка попадался гризли; и в большом количестве водились куропатки. Путешественники проявили самый спортивный дух, воздержавшись от убийства самок или незрелых животных.

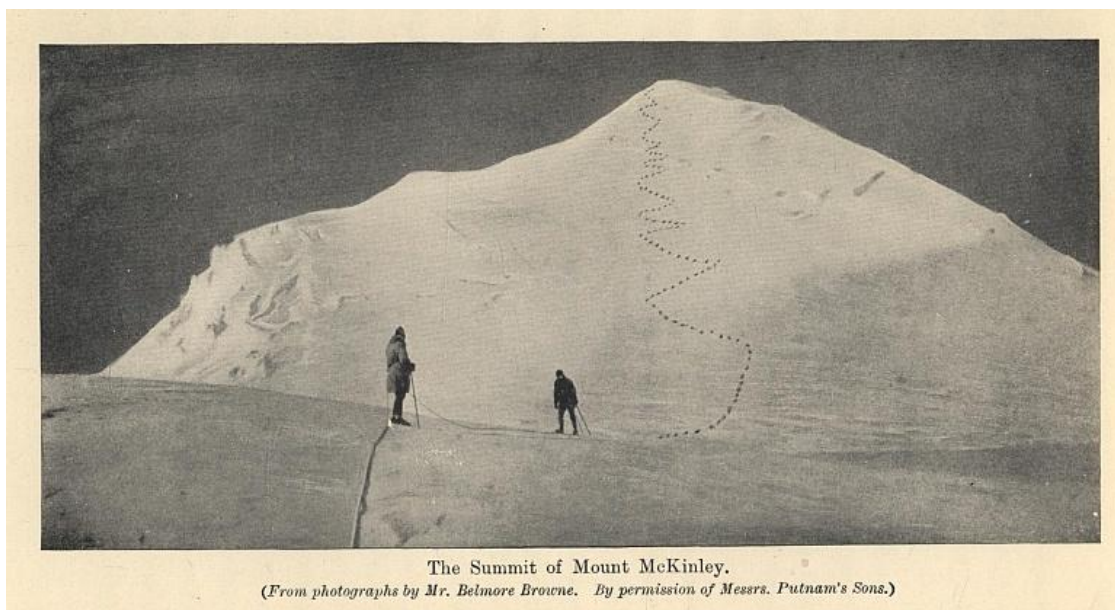
От ледника Малдроу они повернули на запад и достигли развилки реки Кантишна, которая впадает в Юкон, - реки Мак-Кинли. Вскоре они оказались в стране лесов и поняли, что пересекли Аляскинский хребет "от леса к лесу" и, попутно, добавили на карту две новые системы ледников. После снега, льда и пеммикана у них была зелень и свежее мясо, а по мере того, как они продвигались к низинам, ощущался первый прилив весны. Прежде всего, над ними возвышались Северо-восточные хребты (которых было три), предлагавшие, по-видимому, возможный маршрут к вершине. Они увидели ледник, проходящий между центральным и северным Северо-восточными хребтами, который, как они решили, станет их дорогой. Мистер Белмор Браун отправился на разведку и, поднявшись на вершину долины, обнаружил, что смотрит вниз на верхний ледник Малдроу, который, как он теперь понял, был разделен надвое центральным Северо-восточным хребтом. Он увидел также, что северное ответвление вело к самому подножию центрального пика.

24 апреля был разбит базовый лагерь, а четыре дня спустя началась главная разведка. Они взяли с собой собачью упряжку, а в качестве снаряжения - горную палатку, инструменты, спиртовые лампы и запас пеммикана, шоколада, сухарей, сахара и изюма. Общее снаряжение весило около 600 фунтов. Они отправились в путь ночью, когда снег был в лучшем состоянии, и обнаружили северную ветвь Малдроу, которую они называли ледником Маккинли, поднимающуюся ступенчато, как огромная лестница. Лагерь был разбит у подножия серака между двумя огромными утесами из цельного голубого льда.

3 мая они достигли вершины серака на высоте 8500 футов после очень трудного путешествия. мистер Ла Вой, который шел впереди, упал в расщелину, и натяжение веревки подтянуло мистера Белмора Брауна к самому краю. Мистер Ла Вой, однако, застрял на ледяном выступе, что ослабило нагрузку; без этого выступа вполне могло случиться, что вся экспедиция закончилась бы трагедией. Шаг за шагом они пробивались к вершине ледника, сильно страдая от яркого солнца, хотя температура была всего на один градус выше нуля. К этому времени они достигли высоты 11 000 футов и увидели невысокую седловину на горном хребте, где решили разбить лагерь на возвышенности. Это было бы около 12 000 футов в высоту, что оставило бы им еще от 3000 до 5000 футов для подъема, прежде чем они достигли бы котловины между северной и южной вершинами. Теперь пришло время отправлять собак домой; поэтому, спрятав свое снаряжение, они отправились обратно в базовый лагерь, которого достигли вечером 8 мая.

В базовом лагере было проведено несколько приятных дней. Когда они покидали его, сельская местность все еще находилась во власти зимы, но теперь повсюду были трава, цветы и бегущие ручьи. Пока у них все шло хорошо. Они пересекли Аляскинский хребет достаточно рано, чтобы обнаружить, что снег в хорошем состоянии для катания на собачьих упряжках, и у них было припасено 300 фунтов. вес горных припасов на высоте 11 000 футов. Поэтому они могли позволить себе подождать, пока дни не удлинятся, прежде чем отважиться на последнее восхождение. Вот изображение пейзажа, сделанное мистером Белмором Брауном:—

"Горная местность у северного подножия горы Маккинли - самый красивый участок дикой природы, который я когда-либо видел, и я никогда не забуду те чудесные дни, когда я поднимался по бархатистым долинам или карабкался среди высоких скалистых вершин, куда вела меня моя фантазия. Поздним вечером я спускался рысью по долинам, которые были так прекрасны, что я был вынужден против своей воли лечь в мягкую траву и упиваться дикой красотой этого места, хотя я знал, что опоздаю к ужину и что плита будет холодной. Горы были лишены растительности, за исключением бархатных ковров зеленой травы, которые спускались с заснеженных полей; в центре чашеобразных впадин текли ручьи кристально чистой воды; по мере того как солнце опускалось все ниже и ниже, холмы становились все более темно-синими, пока холодный, чистый воздух со снежных полей не напоминал вам, что наступила ночь и лагерь далеко".

Вершина горы Маккинли.

(По фотографиям мистера Белмора Брауна.
 С разрешения господ. Сыновья Патнэма.)

Вид больших лавин на горе Маккинли предупредил исследователей о том, что им придется столкнуться с большим риском. 5 июня они отправились в свою последнюю атаку. К сожалению, погода испортилась, и вскоре они попали в сильную метель. Мистер Ла Вой повредил колено на охоте, и подъем через сераки был для него очень тяжелым. Нервное напряжение тоже было велико, потому что им приходилось постоянно быть в курсе схода лавин. Они опасались, что кто-то мог закопать их тайник, и испытали огромное облегчение, когда достигли отметки в 11 000 футов и увидели верх своих саней, торчащий из снега.

Теперь они перенесли свои припасы в лагерь на седловине хребта на высоте 11 800 футов. 19 июня они произвели рекогносцировку, взяв с собой провизию на шесть дней и намереваясь подняться в большую котловину между двумя главными вершинами. Они достигли высоты 13 200 футов по сенсационному *маршруту*, когда у мистера Ла Воя подкосились колени, и они были вынуждены вернуться. Три дня спустя они разбили лагерь на гребне холма на высоте 13 600 футов. Это было дикое и очень трудоемкое путешествие с обрывом на 5000 футов слева и на 2000 справа. Им потребовалось бы два часа напряженной работы, чтобы преодолеть 500 футов. Помимо повреждения колена мистера Ла Вой, у мистера Белмора Брауна было очень плохое зрение. Теперь они поняли, что не смогут достичь вершины со своим шестидневным запасом продовольствия, и были вынуждены изменить свои планы и вернуться за новой едой.

Они вернулись в лагерь по седловине и упаковали десятидневный паек. С огромным трудом они доставили их в лагерь на высоте 15 000 футов на гребне, где они находились на краю большой, заполненной ледником впадины между двумя вершинами. Все трое обнаружили, что их здоровье начало ухудшаться. Пеммикан оказался неподходящей пищей, вызвав у всех них сильные боли в желудке, и они были вынуждены ограничиться чаем и сухариками. Холод был невыносимым, и внутри палатки, где горела спиртовка и чувствовалось тепло трех тел, температура в 7.30 вечера была пять градусов ниже нуля, а три часа спустя - девятнадцать градусов ниже нуля. "Несмотря на тщательно разработанные меры предосторожности, - говорит

мистер Белмор Браун, - я могу сказать со всей откровенностью, что из-за холода у меня не было ни одной нормальной ночи сна на высоте более 15 000 футов". К этому времени их появления было, как сказал мистер Ла Вой, "достаточно, чтобы напугать детей и направить их на прямой и узкий путь". Все они были более или менее слепы от снега, обгорелые, небритые, с распухшими, потрескавшимися и кровоточащими губами, носами и руками.

27 Июня рюкзаки были доставлены эстафетами чуть ниже последнего серака, который был самой высокой точкой большого бассейна. Высота составляла 16 615 футов. Их единственным утешением было то, что снежное поле, казалось, легко вело к линии неба центрального Северо-Восточного хребта, и что оттуда они видели то, что казалось разумным уклоном к последней вершине. 28 июня они отдохнули и приготовились к своему последнему усилию. Теперь они были убеждены, что ничто не сможет остановить их, кроме шторма. Ночь была прекрасной, и погода обещала быть хорошей на следующее утро. Вершина показалась им почти плоской с небольшим бугристым подъемом, который, должно быть, является самой высокой точкой Северной Америки.

29 июня они покинули лагерь в 6 часов утра, двигаясь очень тихо и размеренно и экономя свои силы. Мистер Ла Вой и мистер Белмор Браун поочередно вели их. Они медленно поднимались по снежным склонам со скоростью около 400 футов в час. На высоте 18 500 футов они остановились и поздравили друг друга, поскольку побили рекорд герцога Абрुцци на горе Святого Ильи. Вскоре они были на гребне холма и смотрели вниз на арену, где сражались два года назад. Теперь, впервые, появилась угроза со стороны погоды. Небо на севере было чистым, но с юга огромное море облаков набегало на гору, как прибой на берег.

По мере того, как они поднимались по гребню, дышать становилось все труднее. На высоте 19 000 футов они миновали последнюю скалу и смотрели на вершину. Он возвышался так же невинно, как заснеженный теннисный корт, но теперь усилился ветер, небо на юге потемнело, и как раз у основания последнего подъема разразился шторм. В яростном снежном вихре они поползли вверх по круглому куполу, мистер Ла Вой шел впереди и рубил ступени. Затем настала очередь мистера Белмора Брауна, и он понял, что у него замерзли руки и что резкий ветер пронизывает его насквозь. Он не осмеливается достать из рюкзака сухие рукавицы, чтобы не замерзнуть во время перемены. Когда его второй поворот был завершен на три четверти, барометр профессора Паркера показал 20 000 футов, и они были в пределах 300 футов от вершины.

Остальное было дурным сном. Каждому из мужчин казалось, что двое других затерялись в ледяном тумане, и холод замораживал их до мозга костей. Шторм становился все яростнее, и, когда они поднялись на небольшой холм, вся его ярость обрушилась на них. Историю следует изложить собственными словами мистера Белмора Брауна:

Дыхание вышибло из моего тела, и я, ссутулив плечи, схватился за свой топор, чтобы устоять против шторма; я не мог идти вперед. Когда я смахнул иней с очков и, прищурившись, посмотрел вверх сквозь колючий снег, я увидел зрелище, которое будет преследовать меня до конца моих дней. *Склон надо мной больше не был крутым!* Это все, что я мог видеть. Что это означало, я никогда не узнаю наверняка — все, что я могу сказать, это то, что мы были близки к вершине!"

Во время этого шторма ничего нельзя было поделаться. Все трое вырубили во льду скамейку, пытаясь найти укрытие; но не успели они сбиться там в кучу, как обнаружили, что замерзли. Им ничего не оставалось, как вернуться, потому что снег заметал их обратный след. Смертельно уставшие, с больным сердцем, они отправились в обратный путь и обнаружили, что ступеньки, которые они вырубили, исчезли. Им потребовалось почти два часа, чтобы спуститься по легкому склону в 1000 футов. Они добрались до основания купола, ориентируясь только по направлению ветра, и, наконец, в 7.35 пополудни добрались до своего верхнего лагеря. Вся их одежда, вплоть до нижнего белья, была покрыта льдом. Их подгонял ветер, и только ветер. По самым скромным подсчетам, скорость составляла пятьдесят пять миль в час, а температура - пятнадцать градусов ниже нуля. В остальном они мало страдали от высоты. Мистер Белмор Браун мог скручивать и выкуривать сигарету на высоте от 18 000 до 19 000 футов.

Они провели день в своей палатке, пытаясь разморозить одежду. К пеммикану они не могли притронуться, шоколад у них закончился, а едой были чай, сахар, сухари и изюм. Это была жестокая судьба, что они потеряли десятидневный паек из бесполезного пеммикана с тех пор, как покинули свой лагерь на высоте 13 200 футов, и они не только потеряли еду, но и тащили бесполезный груз.

Они предприняли еще одну попытку взобраться на вершину и достигли основания последнего купола; но там на них обрушился новый шторм, и, прождав час, они вернулись обратно. Теперь существовал реальный риск быть застигнутыми с недостатком пищи во время снежной бури, которая уничтожила бы все живое, и они поспешили вниз с горы. Они провели семь дней на высоте 15 000 футов, шесть дней на высоте 16 000 футов и четыре дня на высоте 16 650 футов.

По мере спуска их самочувствие улучшалось, и наконец они спустились с ледника на морену и легли на голую землю. Это был первый раз за тридцать дней, когда они лежали на чем-либо, кроме снега и льда. Они проспали как убитые до полудня, а когда проснулись, с перевала дул теплый ветер, неся с собой запах травы и цветов. "Я никогда не смогу забыть, - говорит мистер Белмор Браун, - тот поток эмоций, который захлестнул меня. Профессор Паркер и Ла Вой были одинаково поражены этим первым запахом низин, и у нас были влажные глаза, и мы болтали, как дети, готовя свои рюкзаки к последнему этапу нашего путешествия".

Насколько опасными были климатические условия горы, можно судить по тому, что произошло вечером 6 июля. Из своего лагеря у подножия гор они увидели, как небо внезапно стало болезненно-зеленым. С Аляскинского хребта донесся глубокий грохот, и пока они смотрели, горы растаяли в тумане, а земля начала вздыматься и крениться. Прямо перед ними валун весом 200 фунтов оторвался от земли и сдвинулся с места. Поверхность холмов, казалось, разверзлась, и из трещин хлынула жидкая грязь. Весь горный хребет был окутан пылью, и когда она рассеялась, они увидели, что с вершин сошли лавины. Если бы это землетрясение настигло их на возвышенности, все должны были погибнуть.

III

Эта история всегда казалась мне одним из самых смелых и терпеливых приключений в истории альпинизма. Постепенно путешественники прокладывали себе путь к открытию единственного

практичного маршрута. Гора Мак-Кинли была покорена, хотя им не удалось преодолеть сотню или около того футов, которые дали бы им настоящую вершину. Они проложили путь к вершине и разгадали ее тайны. Только эта малефисента Близзард в последний момент лишила их всех плодов шестилетнего новаторства.

В следующем году была достигнута настоящая вершина. Покойный доктор Хадсон Стик, архидьякон Юкона, с тех пор как он приехал в страну девять лет назад, обдумывал попытку покорения горы. Осенью 1912 года он отправил припасы по реке Кантишна в пункт, расположенный в пятидесяти милях от базы. В марте 1913 года он и мистер У. П. Карстенс отправились на вершину с севера. В своем базовом лагере, на высоте 4000 футов, они приготовили свежий запас пеммикана карибу, который оказался более вкусным, чем тот, который использовали профессор Паркер и мистер Белмор Браун. Выбранная дорога была такой же, как и у их предшественников — вверх по леднику Малдрюу, а затем вверх по центральному Северо-восточному хребту. Они обнаружили, что землетрясение 1912 года полностью изменило характер этого хребта, и вместо того, чтобы быть разумным снежным уклоном, он превратился в беспорядочную массу скал и льда, которую труднее всего преодолеть. Шаг за шагом они пробивались вверх по ней, пока не достигли верхнего бассейна, а затем, благодаря ясной, безветренной погоде, им удалось достичь самой высокой точки - южной вершины. Была история о двух шахтерах по имени Макгоногалл и Андерсон, которые достигли вершины в 1910 году. Доктор Стик обнаружил, что вершина, которой они достигли, была малым северным пиком, потому что он увидел остатки их флагштока.

Этим восхождением завершается история покорения горы Маккинли.*

* Доктор Стик вполне обоснованно утверждал, что нынешнее название горы неподходящее и что индийское название "Денали", что означает "Великая", должно быть восстановлено. Следует опасаться, что предположение пришло слишком поздно. Со времен экспедиции 1906 года название горы Мак-Кинли стало слишком привычным в Западной полушарии, чтобы его можно было легко поменять на другое. История экспедиции Паркера-Брауна содержится в *"Покорении горы Маккинли"* (Нью-Йорк, "Патнэмс", 1913), а история доктора Стика - в *"Восхождении на Денали"* (Нью-Йорк, "Скрибнерс", 1914).

VII

СВЯЩЕННЫЕ ГОРОДА ИСЛАМА

СВЯЩЕННЫЕ ГОРОДА ИСЛАМА

(Карта, стр. 216.)

"Чары далекой Аравии" были сильнодействующей вещью с тех времен, когда египтяне черпали богатство в стране специй Пунте, а греческие торговцы рассказывали истории о камедях и драгоценностях Аравии Благословенной. Но с тех пор, как она стала Святой Землей ислама, на нее опустилась завеса тайны, помимо сурового климата и негостеприимных пустынь. Это одна из старейших арен приключений, и она до сих пор остается одной из наименее эксплуатируемых; более того, в своей великой Южной пустыне она хранит одну из немногих неразгаданных тайн земного шара. За исключением полумифического Грегорио, о котором можно прочесть в Комментариях Альбукерке, никто, кто не исповедовал ислам, не входил в два его Священных города и не оставался в живых. Но величайшая история арабских исследований связана не с Меккой и Мединой. Это, скорее, можно найти в путешествиях английского солдата капитана Садлье в Неджд; сэра Ричарда Бертон в земле Мидиан; Уоллина, который пересек великие пески Нафуд; Уильяма Гилфорда Пэлгрейва, который, возможно, был, а возможно, и нет, агентом Наполеона III.; и, прежде всего, Чарльза Монтегю Даути, который, будучи признанным христианином, исследовал Северный Хеджаз и в своей книге *"Пустыня Аравии"* написал одно из лучших классических произведений о путешествиях на английском языке.

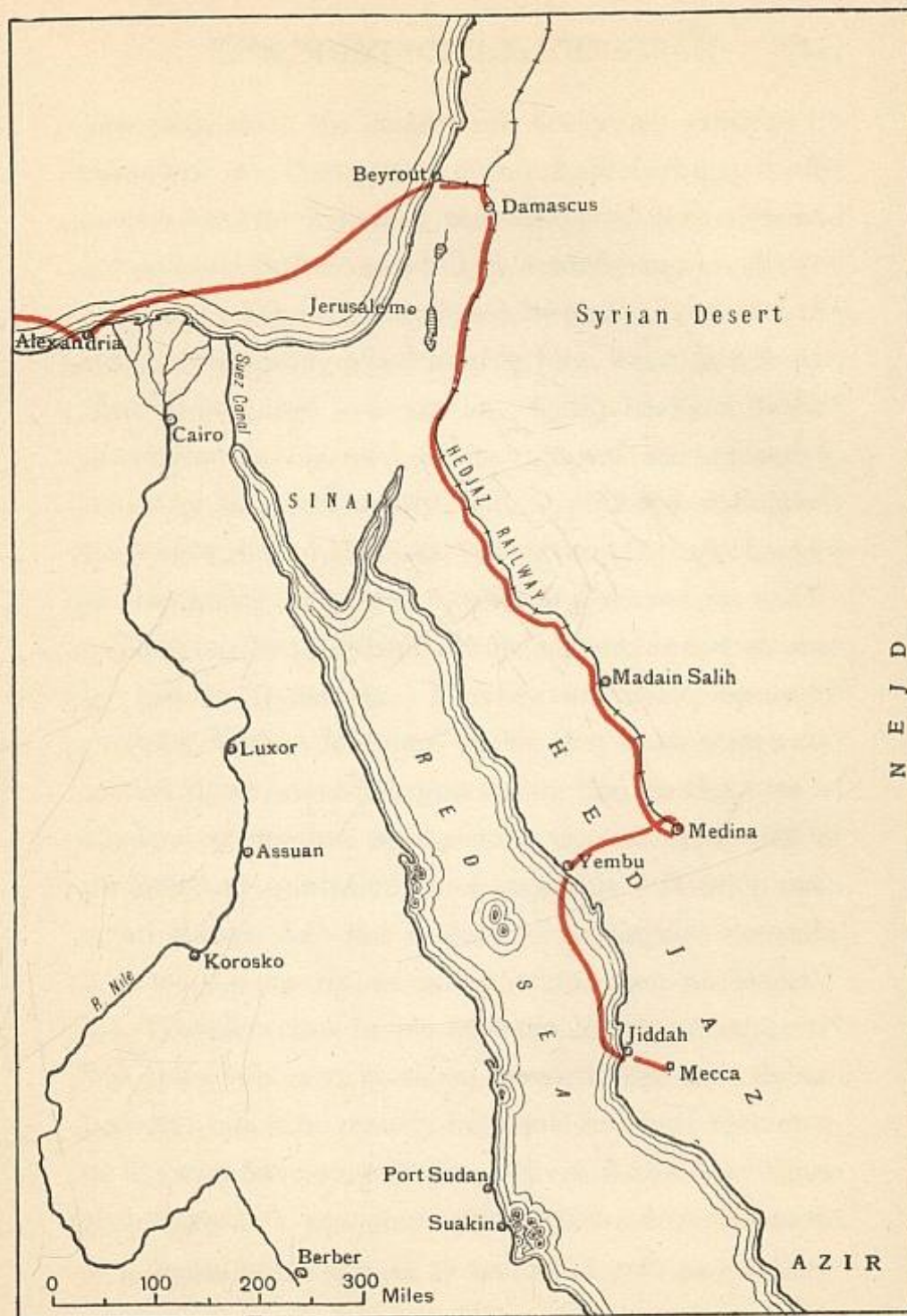
По сравнению с некоторыми из этих странствий посещение Священных городов было простым делом, требующим лишь крепких нервов, хорошего знания арабского языка и мусульманских ритуалов, а также реальной или предполагаемой приверженности символу веры ислама. В начале этого столетия список европейцев, побывавших в Мекке и Медине, был длинным. В основном это были ренегаты — французы, англичане, ирландцы, шотландцы и итальянцы. В 1807 году некий Доминго Бадиа-и-Леблич из Кадиса, путешествовавший под видом мусульманского принца по имени Али-бей и, вероятно, на жалованье у Наполеона, торжественно въехал в Мекку; но он стал настоящим мусульманином. В 1815 году некто Томас Кейт, дезертир из 72-го горского полка, был губернатором Медины — несомненно, это был один из самых странных постов, когда-либо занимавшихся шотландцем! Великие европейские путешественники, такие как Буркхардт, Уоллин и Бертон, отправлялись в Святые города, чтобы, достигнув звания и славы хаджи, получить преимущество для путешествий по другим мусульманским землям. Многие из них подробно описали внутреннее убранство Мекки и Медины и ритуал великих церемоний. Святые места, хотя их видели немногие западные зрители, были достаточно хорошо известны западному миру. Можно сказать, что их истинное раскрытие произошло во время Великой войны, когда Хусейн, шериф Мекки, сражался в качестве союзника с британцами и, как король Хеджаза, провозгласил свою независимость от Турции.

И все же одно путешествие было предпринято незадолго до Великой войны, которое должно быть отмечено само по себе. Он не сообщил миру ничего такого, чего не было известно раньше; но его достоинство заключалось в том, что он дал изображение Мекки и Медины в новейших условиях — изображение, нарисованное с такой энергией и в таких деталях, что оно может с полным основанием утверждать, что открыло Святые города в новом свете обычному человеку.

Мистер А. Дж. Б. Уэйвелл очень отличился, командуя арабскими разведчиками в Восточной Африке в начале Великой войны, и был ответственен за блестящее дело в Гази. В той кампании он отдал свою жизнь за свою страну.* Он учился в Винчестере, а в 1908 году, когда планировал посетить Мекку, некоторое время жил в Момбасе, где выучил арабский и суахили, а также неплохо изучил мусульманские обычаи. Его мотивом было отчасти любопытство, отчасти, как он говорит, желание привыкнуть к арабским обычаям с целью дальнейших исследований в Аравии, а отчасти для того, чтобы приобрести полезный престиж хаджи. Он выбрал себе в спутники некоего Абдула Вахида, араба из Алеппо, обосновавшегося в Берлине, и Масауди, уроженца Момбасы. Все трое встретились в Марселе 23 сентября 1908 года. Они отправились в путь очень вовремя, поскольку, хотя паломничество должно было состояться только в начале следующего января, мистер Уэйвелл хотел сначала съездить в Медину, а также предварительно подготовиться к жизни на Востоке. Ему удалось получить турецкий паспорт, в котором он был описан как некий Али бен Мохаммед, двадцати пяти лет, подданный Занзибара, направлявшийся в Мекку.

* Он пал 8 января 1916 года.

В Генуе все трое нашли судно, которое доставило их в Александрию, где им не без труда удалось протащить через таможенную свою аптечку, пистолеты и боеприпасы. Затем они отправились на почтовом корабле Хедивииала в Бейрут. Мистер Уэйвелл опасался, что языковые трудности будут серьезными, но они показались ему менее серьезными, чем он ожидал, поскольку диалектов арабского языка множество. Тем, кто находил недостатки в его акценте, он объяснял, что на Занзибаре разговорным языком является суахили и что никто не говорит по-арабски; а в тех немногих случаях, когда ему приходилось говорить на суахили, он переворачивал историю, заявляя, что, поскольку он родился в Маскате, его настоящий язык - арабский. Как обнаружил сэр Ричард Бертон в ходе своего собственного путешествия, действительно, редко можно было встретить человека, достаточно хорошо знакомого с обоими языками, чтобы узнать его. Тем временем в Александрии он переделался в арабскую одежду и побрил голову.

Wavell's Journey to Mecca.

Путешествие Уэйвелла в Мекку.

Они благополучно добрались до Бейрута и сразу же отправились по железной дороге в Дамаск. Поскольку они не собирались отправляться в Медину в ближайшие несколько недель, они сняли комнаты и обосновались, уделяя большое внимание различным мусульманским

церемониям и подбирая правильные фразы, цитаты и приветствия. Именно от таких мелочей зависит эффективность маскировки. "В Мекке почти столько же белых людей, - пишет мистер Уэйвелл в своем отчете о своих приключениях*, - сколько людей черного или коричневого цвета кожи. Сирийские "арабы" нередко имеют светлые волосы и голубые глаза, как и некоторые уроженцы самих Священных городов. Однажды меня спросили, в какой цвет я выкрашиваюсь для этого путешествия. Этот вопрос раскрывает любопытное невежество, лежащее в основе так называемых расовых предрассудков, которыми некоторые люди так гордятся. С таким же успехом ты мог бы полностью очернить себя, чтобы сыграть Гамлета!"

* *Современный паломник в Мекке*, автор А. Дж. Б. Уэйвелл (Констебль, 1912).

Абдул Вахид привез рекомендательные письма местному торговцу, который был очень гостеприимен, и руководил приготовлениями к путешествию. Они благополучно пережили период Рамадана, и мистер Уэйвелл был так одет и так непоколебима его мусульманская респектабельность, что ему с некоторым трудом удалось помешать даме средних лет и двум ее дочерям присоединиться к его компании в паломничестве. Он купил "ихрам", белые одежды, необходимые при въезде в Мекку, полное походное снаряжение и определенное количество припасов, и передал свои деньги своему другу-торговцу, который выдал ему два чека на своих агентов, один в Медине и один в Мекке. Он предложил отправиться в Медину по железной дороге Хеджаз - метод, сильно отличающийся от тех, которые использовали более ранние искатели приключений, направляясь в Мекку.

Вагоны третьего класса были отчаянно переполнены, и поезд тронулся под аккомпанемент граммофонов — современного изобретения, которое очень популярно в Хеджазе. По дороге мистер Уэйвелл подхватил приступ малярии, и его товарищи-паломники проявили к нему всяческую доброту. Вскоре поезд достиг Медайн-Салиха, границы Хеджаза, которую не разрешается пересекать ни одному неверному. На четвертый день скалистые холмы расступились, и в образовавшейся щели показались минареты мечети Пророка. Они прибыли в Медину в разгар сражения, поскольку турецкий гарнизон вступил в ожесточенные бои с соседними бедавинами, и Священный Город был более или менее на осадном положении. Железная дорога мешала торговле соседних племен, и они требовали компенсации, которую Константинополь не хотел платить.

Медина расположена на открытой равнине на высоте около 3000 футов над уровнем моря. На юге страна открытая, но на севере и западе, на расстоянии от пяти до десяти миль, возвышаются скалистые горы. Город с населением около 30 000 человек живет исключительно за счет паломников, как английский водопой живет за счет летних посетителей. Паломники классифицируются по странам их происхождения, и к каждой группе прикреплены официальные гиды, называемые мутовифами. Первая проблема возникла из-за этих гидов. Если мистер Уэйвелл путешествовал с занзибарскими мутовками, он наверняка встретил бы кого-

нибудь, кто знал его в Момбасе, даже если бы он не был знаком с языком. Итак, было условлено, что Абдул Вахид заявит, что родом из Багдада, в то время как мистер Уэйвелл выдаст себя за "дервейша", а Масауди - за его раба. "Дервейш", который должным образом обозначает члена определенных монашеских орденов, - это титул, который иногда принимают паломники, не желающие, чтобы их отождествляли с какой-либо определенной национальностью.

К счастью, на вокзале не оказалось гидов по Занзибару, и компания смогла найти комнаты в уединенном уголке по умеренной цене в 2 фунта в месяц. Хозяином был абиссинец по имени Иман, человек с некоторым достатком, который ребенком был захвачен арабскими работорговцами и продан в Мекку. Он оказался самым полезным другом для компании во время их пребывания здесь.

Так началась любопытная жизнь, полная бесконечных религиозных наблюдений. Помимо священных мест, которые видели немногие европейцы, существовал постоянный интерес к изучению паломников. "Из Йембу пришел большой караван, в котором были толпы индийцев, яванцев и китайцев. В пестрой толпе можно было различить любую восточную расу и любое разнообразие костюмов, пока все это не стало больше напоминать костюмированный бал. В той же молитвенной очереди стоят европейские турки в своих сюртуках и торчащих воротниках; анатолийцы в огромных штанах и фантастическом оружии; арабы с Запада, которые выглядят так, словно их нарядили для похорон; бедуины со своими копьями и ятаганами; и индийцы, которые, несмотря на то, что они самый богатый класс в стране, умудряются, как обычно, выглядеть самыми неопрятными. Затем, кроме того, были персы, китайцы, яванцы, японцы, малайцы, дюжина различных африканских рас, египтяне, афганцы, белуджи, суахили и "арабы" всех мастей. Представителей половины рас земного шара можно встретить в мечети в любой день в течение месяца, предшествующего паломничеству.

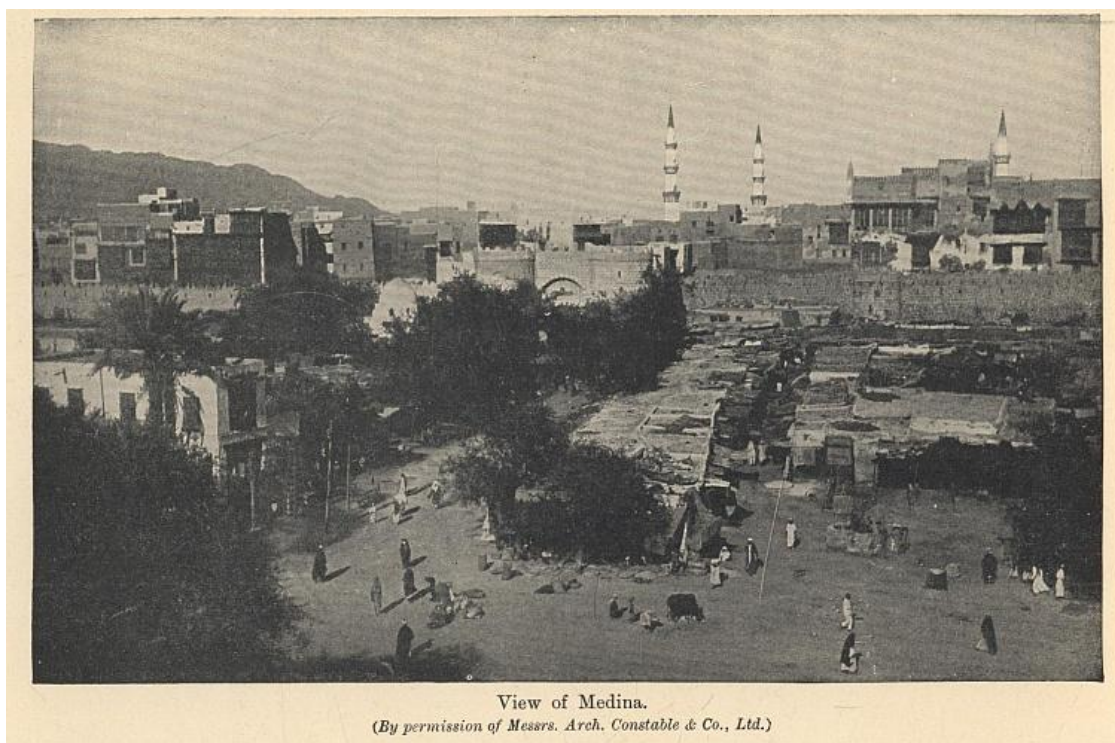
Поведение паломников, которые теперь собственными глазами увидели гробницу Пророка, к которой их с детства приучали относиться с благоговением, было доказательством живой реальности исламской веры. "Многие разрыдались и лихорадочно целовали перила.: Я видел, как индийцы и афганцы падали, очевидно, без сознания. Кажется, здесь они пострадали гораздо сильнее, чем перед самой Каабой. В Мекке царит чувство благоговения; здесь в дело вступает личный элемент. Стороннему наблюдателю может показаться, что они посещают могилу какого-то дорогого друга, того, кого они действительно знали и с кем были близки при жизни. С неистовым интересом они слушают своих гидов, когда те описывают окрестности. Вот место, где молился Пророк, кафедра, с которой он проповедовал, колонна, к которой он прислонился; вон там, обращенное к мечети, окно дома Абу Бакара, где он долгое время гостил; а за ним маленький сад, посаженный его дочерью Фатимой". Более того, здесь нет и намека на власть неверных, мусульманские штандарты развеваются над городом, мусульманские пушки защищают его ворота, и ни один неверующий не может войти. Но есть и поразительные штрихи современности. В магазинах вы можете купить европейские консервы и обратить внимание на рекламу шоколада Cadbury и печенья Huntley и Palmer's!

Группа привезла с собой знакомых из Дамаска, и Абдул Вахид завел много друзей, так что они виделись с большим количеством общества. Это было сразу после восстания младотурок и принятия Конституции. Мистер Уэйвелл, который был убежденным тори, с отвращением обнаружил, что все вокруг говорят о парламентаризме и либеральных принципах. Англия и англичане были повсюду в большом почете из-за нашей позиции в недавней ссоре с Австрией

из-за аннексии Боснии. - Боюсь, мне удалось создать впечатление, что Занзибар - прискорбно отсталое государство или что я сам на редкость глуп. Не знать ни слова ни на одном европейском языке - значит считаться очень невежественным, даже в Медине. Большинство людей того класса, с которыми я общался, во всяком случае, немного владели французским, а иногда и английским. Я был осторожен, чтобы никогда ничего не узнать.

Их пребывание в Медине было сильно оживлено осадой бедавинов. мистер Уэйвелл пытался завербоваться в силы обороны, и когда этот план провалился, ему удалось устроиться в очень теплый уголок сразу за воротами. Как прилежные туристы, они посетили все возможные достопримечательности, и немногие паломники могли бы провести более познавательные три недели. За все это время им ни разу не грозила реальная опасность. У них действительно была потасовка с персидской мутовчанкой, которая настаивала на том, что мистер Уэйвелл - перс; но энергичным блефом они заставили его извиниться, а затем наняли его в качестве проводника. Только один раз был намек на неприятности. Масауди, стоя однажды в мечети перед полуденной молитвой, оказался лицом к лицу с пятью жителями Момбасы Суахили, которые близко знали его и, что еще хуже, знали мистера Уэйвелла. Масауди проявил поразительный дар лжи. Он сказал, что оставил мистера Уэйвелла в Англии и, скопив немного денег, решил, что сейчас самое подходящее время совершить паломничество. По его словам, он был в Медине в качестве слуги у богатых египетских паломников. Возвращаясь после молитвы, он уронил нитку бус. Жители Суахили спросили, где находится его дом, и он пообещал показать его им; но на полпути вверх по улице он вдруг вспомнил о бусах, бросился назад и затерялся в толпе.

Этот инцидент убедил мистера Уэйвелла в том, что ему лучше без промедления отправиться в Мекку. Их план состоял в том, чтобы отправиться к побережью в Йембу, куда немедленно отправлялся караван. Они наняли трех верблюдов, один из которых должен был нести *шугдуф*, представляющий собой нечто среднее между корзиной и хаудой, а два других - поклажу; и они купили необходимую еду. Они взяли с собой перса по имени Джаффа в качестве повара и его брата Ибрагима в качестве главного слуги. Багаж отнесли на большую площадь, где был припаркован караван и где путешественникам предстояло провести ночь. В тот вечер произошло неприятное событие. мистер Уэйвелл направлялся в магазин за какой-то мелкой покупкой, когда встретил двух мутовичек, которые потребовали сообщить его национальность. Мутовифы, будучи строгим профсоюзом, были убеждены, что он обманывает братство. Он взял себя в руки и показал свой пистолет, и, к счастью, в этот момент по улице прошел его покойный домовладелец и встал на его сторону. То, что могло бы стать неприятным опытом, закончилось мелкой уличной дракой.

View of Medina.
(By permission of Messrs. Arch. Constable & Co., Ltd.)

Вид на Медину.

(С разрешения господ. Арх. Constable & Co., Ltd.)

Путешествие в Йембу было немногим лучше ночного кошмара. Фешенебельная дорога из Медины в Мекку пролегает по суше или обратно в Дамаск, а оттуда напрямик в Джидду по Суэцкому каналу. Только бедняки ездят по маршруту Йембу, который считается самым опасным и пересеченным в Хеджазе. Здесь не было ни охраны, ни полиции, ни ежедневного рынка, и каждый путешественник должен был сам нести с собой провизию и воду. Бедавины взяли верблюдов напрокат, которых насчитывалось около 5000, и за них отвечал шейх-бедави. Сельская местность была наводнена разбойниками, которые постоянно убивали отставших. По пересеченной горной местности тоже было трудно идти, и, хотя полдень был палящим, ночи были пронзительно холодными. Каждую ночь разбив лагерь, примерно круглой формы, весь караван размещался на как можно меньшем пространстве. "Пока я пыталась согреться, на меня наткнулся мужчина и чуть не сбил меня в огонь. Обернувшись, я был потрясен, увидев фигуру, почти с головы до ног перепачканную кровью из огромной раны на голове, очевидно, нанесенной мечом. Он попросил воды, и я пошел в палатку, чтобы принести ему немного, но, вернувшись, обнаружил, что его нет. На следующий день мы услышали, что в ту ночь было убито не менее шести человек и многие другие ранены; и так продолжалось до тех пор, пока мы не достигли Йембу. Эти несчастные были в основном людьми, которые не могли позволить себе верблюдов, и поэтому им приходилось совершать путешествие пешком. Отбившись от основных сил в поисках дров, они были схвачены мародерами, висевшими на флангах, которые пользовались любой возможностью, чтобы отнять у таких отставших их жалкое имущество, и без колебаний убивали любого, кто оказывал сопротивление".

Именно в этой стране Чарльз Даути провел часть своего времени, и мистер Уэйвелл считает, что одной из причин его успеха было то, что у него не было с собой ничего, что стоило бы украсть. Тот факт, что Даути не отрицал ни своей религии, ни своей национальности, казался ему не самым примечательным фактом в этом достижении. "Сами бедуины не фанатичны в этих

вопросах, и он не пытался проникнуть в запретные города. Конечно, тот факт, что незнакомец христианин, всегда является хорошим предлогом для того, чтобы стукнуть его по голове; но в противном случае они скоро найдут другого, если захотят это сделать, и это совершенно не повлияет на них, если они этого не сделают".

У них была одна ссора с продавцом верблюдов Саадом, который пытался вымогать бахшиш. Внезапно он успокоился и до конца путешествия был сама вежливость. Причиной этого было то, что находчивый лжец Ибрагим сказал ему, что мистер Уэйвелл был племянником губернатора Йембу. Эта история сослужила путешественникам хорошую службу. Это распространилось по каравану, и многие паломники, которых шантажировали погонщики верблюдов, приходили к нему, умоляли о защите и получали ее. Наконец, на рассвете шестого дня, пройдя без остановки последние двадцать часов, они достигли ворот Йембу.

Здесь они задержались на некоторое время из-за того, что паломнический корабль, который должен был доставить их в Джидду — старое греческое судно, зафрахтованное персидским синдикатом, — не отправлялся до тех пор, пока его владельцы не посчитали, что прибыло достаточное количество паломников. Абдул Вахид теперь стал популярным лидером. Во главе толпы пассажиров он схватил персов и отвел их к губернатору. Взобравшись на груды мешков с сахаром, он произнес страстную речь, завершив ее словами: "Лучше бы нам иметь дело с христианами, чем с мусульманами, которые таким образом обманывают своих братьев". "Ропот протеста, - говорит мистер Уэйвелл, - осудил это отвратительное сравнение. Мы все подумали, что он зашел слишком далеко". Персы, наконец, капитулировали, и корабль тронулся в путь. Но наступило последнее *препятствие*. Группа арабов Мегриби прошла карантин и была на полпути к кораблю, когда один из них умер. Береговые власти отказались позволить им снова высадиться на берег, а персы отказались взять труп на борт. Арабы не могли выбросить его в море, потому что нужно было совершить определенные церемониальные омовения и произнести определенные молитвы. Египетский юрист, находившийся на борту, высказал свое мнение о том, что человек, взявший билет, имел право на проход живым или мертвым, поскольку в контракте не было никаких исключаяющих положений. Наконец мегрибианцам надоело спорить, они перебрались через фальшборт и подняли своего погибшего товарища. Их свирепые лица и длинные ножи уладили дело закона.

В половине пятого пополудни зазвучала сирена, возвещая, что паломники находятся на той широте, где они должны сменить свою обычную одежду на ихрам — одеяние, которое обязаны носить все путешественники, удаляющиеся на определенное расстояние от Мекки. Костюм состоит из двух белых банных полотенец, одно из которых повязывается вокруг поясицы, а другое - на плечи. Голова не защищена, но смертей от солнечного удара на редкость мало. Костюм не идет, особенно в случае с толстяком. "Компания пожилых европейских турок рядом с нами выглядела особенно нелепо, их внешний вид наводил на мысль, что членов клуба Athenæum внезапно выселили из турецкой бани".

Группа оставалась в Джидде четыре дня, посетив, среди прочего, гробницу Евы, которая, по-видимому, была около четверти мили в высоту, так что совершить необходимый обход ее гробницы было утомительным делом. Благодаря своему поведению в Йембу они снискали большую известность среди паломников и не испытывали никаких трудностей во время своего пребывания. Единственное беспокойство вызывали жители Момбасы-суахили, а также некий шейх Момбасы, который знал мистера Уэйвелла и собирался отправиться в Мекку в том году.

Поскольку ни шейх, ни суахили не прибыли, они решили рискнуть и отправиться в Мекку после того, как мистер Уэйвелл оставил шейху письмо с просьбой придержать язык. Они нашли мутовифа, который был местным агентом одного из главных гидов по Мекке, которому он написал рекомендательное письмо. Они никогда не собирались нанять этого гида, но рекомендация дала им повод отказаться нанимать других. Приняв все меры предосторожности, какие только могли придумать, они подготовились к последнему этапу путешествия. "Абдул Вахид поклялся, что, если он благополучно вернется, он подарит три доллара беднякам Джидды. Мы сказали ему, что, по нашему мнению, он просит Всевышнего сделать это слишком дешево и что ему гораздо лучше сделать это суверенным. К нашему отвращению, когда он вернулся, то наотрез отказался выдать обещанную сумму".

Путешествие из Джидды в Мекку можно совершить за день, поскольку оно составляет всего около сорока миль. Дорога защищена линией блокпостов, примерно через каждую милю есть ресторан или киоск, где можно перекусить, и весь день в сезон паломничества по ней непрерывно движется караван. Странная тишина нависла над всем происходящим. Здесь не слышно ни криков, ни пения, ни стрельбы из ружей, и верблюды движутся по глубокому мягкому песку почти беззвучно, ибо для мусульманина это приближение к святой святых. "Для него это место, едва ли принадлежащее этому миру, осененное, как древняя Скиния, почти осязаемым присутствием божества. Пять раз в день на протяжении всей своей жизни он поворачивался лицом к этому городу, тайны которого он сейчас собирается увидеть собственными глазами. Более того, согласно распространенному мнению, паломничество сопряжено с определенными обязанностями и даже опасностями наряду с его многочисленными благословениями. Добрые дела в Мекке во много тысяч раз ценнее, чем в других местах, но грех, совершенный там, получит свою награду в аду". Мистер Уэйвелл и его спутники, прилично, но просто одетые в банные полотенца, приблизились к городу, повторяя церемониальные молитвы. На одно из них, которое начиналось словами "О Господь, Который привел меня в целостности и сохранности в это место, выведи Меня оттуда в целостности и сохранности", он произнес пылкое "Аминь".

Мекка расположена в глубокой ложине среди холмов, и ее не видно, пока путешественники не окажутся у ее ворот. Вскоре они оказались на большой площади, на которой находится Кааба, черное покрытие которой разительно контрастирует с ослепительно белым мрамором мостовой. Сама Кааба представляет собой куб площадью около сорока квадратных футов, построенный из гранитных блоков, а в стену встроены большой черный камень. Считается, что этот камень упал с небес, что, вероятно, так и было, поскольку это явно метеорит. Маленькая группа босиком обошла вокруг него необходимые семь раз, повторяя соответствующие молитвы. Затем с их голов был сбит небольшой круглый пучок волос, и первая часть церемонии была закончена.

В то время Мекка находилась под полунезависимым правлением шерифа Хусейна и, в целом, казалась хорошо управляемой; но задача муниципальных властей по уходу за огромной толпой паломников была нелегкой. Как и в Медине, здесь были представлены все расы на земле. Мистера Уэйвелла больше всего поразили яванцы, которые присутствовали в большом количестве, поскольку в то время на Дальнем Востоке было сильное исламское возрождение. Компания нашла удобное жилье на тихой улице и, как и в Медине, много бывала в обществе

благодаря широкому знакомству с Абдул Вахидом. Мекка - одно из немногих оставшихся мест, где есть открытый невольничий рынок, и рабынь можно купить по цене от 20 до 100 фунтов стерлингов, хотя грузины и черкесы платят больше. Масауди нашел знакомого в мальчике по имени Кепи из Момбасы, чей отец умер во время паломничества и теперь остался без средств к существованию. Мистер Уэйвелл услышал хорошие новости о том, что шейх Момбасы, о приезде которого его предупредили, написал, что в этом году не приедет.

Вид на Мекку.

(С разрешения господ. Арх. Constable & Co., Ltd.)

Время приятно прошло за осмотром достопримечательностей и оказанием гостеприимства. Мистер Уэйвелл устроил один обед не менее чем для двенадцати гостей, который, поскольку у него был превосходный повар, прошел очень успешно. В литературе о путешествиях есть несколько более любопытных случаев, чем этот прием, устроенный переодетым христианином в мусульманском святом святынях для компании, в которую входили арабы из Буссо-ры и Мекки, два персидских купца и турецкий офицер из Багдадского корпуса. Большинство западных деликатесов можно купить в Мекке, включая мороженое, которое, по словам мистера Уэйвелла, представляет собой замороженную смесь консервированного молока, грязной воды и микробов холеры! Алкогольные напитки также можно приобрести, если вы знаете, куда за ними пойти.

Приближался великий праздник. Белая льняная лента была обвязана вокруг черного покрывала Каабы, который оставался там до великого дня, когда покрывало сменили. Каждый год из Египта привозят новое покрывало из матово-черного шелка и хлопка, на каждом квадратном футе которого вышито имя Бога. Его готовят в Константинополе, и говорят, что оно стоит 3600 фунтов стерлингов. Основная церемония фестиваля заключается в следующем: В определенный день все взрослые должны покинуть город до наступления темноты и отправиться в деревню под названием Мина, расположенную примерно в пяти милях к северу. Они проводят там ночь, а на

следующее утро проходят еще девять миль до горы Арафат, где остаются до захода солнца. Затем они возвращаются и ночуют в Нимре, на полпути между Арафатом и Миной. На третий день они должны вернуться в Мину утром, пройти церемонию бросания камней в Трех Дьяволов, отправиться в Мекку для других церемоний и вернуться в Мину на ночь. Четвертый день они проводят в Мине, а в полдень пятого дня возвращаются в Мекку. Банные полотенца из ихрама теперь раздаются, и паломник надевает лучшую новую одежду, которую он может себе позволить. Затем он получает право на имя Хаджи, и после этого всю жизнь может носить специальный головной убор, такой как зеленый тюрбан.

Исход из города в Мину представлял собой странное зрелище. Различные священные ковры сопровождалась полками и духовыми оркестрами, египетский оркестр маршировал под мелодию "Бесплодных скал Адена". Шериф Хусейн был там верхом на лошади в сопровождении толпы копейщиков и эскадрона мчащихся верблюдов. Поездка в Мину не поддается описанию. "Лучшее представление о том, на что это похоже, - писал мистер Уэйвелл, - можно получить, приняв во внимание, что по меньшей мере полмиллиона человек пересекают эти девять миль дороги между восходом солнца и десятью часами сегодняшнего дня; что примерно половина из них верхом, и что у многих из них также есть вьючные животные. Рев этой огромной колонны подобен бушующему морю, и пыль разносится на многие мили по окружающей местности. Когда, проходя через второе ущелье, мы увидели самого Арафата, зрелище было еще более странным. Холм был буквально черен от людей, и вокруг него появлялись палатки, сотни в минуту, образуя все расширяющийся круг. Когда мы приблизились, глухой ропот, вызванный тысячами людей, выкрикивавших формулу "Лебека, лебека, Аллахума лебека", который был слышен уже давно, стал настолько громким, что заглушил все остальные звуки. На расстоянии это звучало довольно зловеще, наводя на мысль о каком-то глубоком возмущении огромной силы, подобном грохоту землетрясения".

Гигиенические условия исхода, конечно, были отвратительными. Резервуары и источники вскоре были загрязнены купающимися в них людьми, и состояние склона холма было неопишимо грязным. Часто какая-нибудь инфекционная болезнь, например холера, убивает паломников, но нашим путешественникам повезло, что они избежали ее. Они прошли все надлежащие церемонии и со вкусом побили камнями Трех дьяволов в Мине. Три дьявола - это три каменных столпа, и в многотысячной толпе неудачников неизбежно пострадает немало паломников. Они купили овцу для жертвоприношения, как и другие, и вскоре к достопримечательностям сельской местности добавилось месиво из потрохов и крови. Затем они вернулись в Мекку, поцеловали Черный камень, сбрили еще один квадратный дюйм волос на висках и смогли снять банные полотенца. Теперь настал момент для новой одежды. Абдул Вахид появился в желчно-желтом одеянии, привезенном из Дамаска; Масауди - в устаревшем жилете полковой столовой; в то время как мистер Уэйвелл был целомудренно облачен в белую суконную мантию, черную джуббу и золотой пояс с кинжалом.

Одетые таким образом, они снова отправились в Мину на последние церемонии. Ночью в их палатку проник вор и унес новый тюрбан Масауди, 5 фунтов золотом и разные мелочи, включая пару пистолетов. Утром они отправились поприветствовать шерифа, а когда вернулись и сидели в своей палатке, пережили самый опасный момент приключения. Стена палатки была опущена, как это обычно бывает в разгар дня, и они сидели на корточках на ковре, как вдруг услышали восклицание Масауди. Оглянувшись, они увидели, что в нескольких футах от них стоят и смотрят прямо в палатку трое суахилитов из Момбасы, которых они встретили в Медине. Казалось

невероятным, что они могли не увидеть Масауди, а если бы и увидели, то наверняка вошли бы в палатку, чтобы поприветствовать его, когда мистера Уэйвелла неминуемо узнали бы. Однако утреннее солнце светило им прямо в глаза, так что они ничего не увидели и прошли дальше. Как только они повернулись спиной, мистер Уэйвелл и Масауди выбежали из палатки с другой стороны и смешались с толпой. Они вернулись в Мекку, где их друзья поздравили их с успешно совершенным паломничеством, и мистер Уэйвелл был свободен отправиться в мир иной как Хаджи Али бен Мухаммед.

Теперь их делом было как можно скорее убраться из Мекки, тем более что деньги были на исходе. Они нанесли необходимые прощальные визиты, наняли транспорт и отправились в путь, намереваясь совершить путешествие за один день. Однако их задержал часовой на дороге, и им пришлось провести холодную и неудобную ночь под открытым небом, и они вошли в Джидду только на рассвете. В Джидде они расстались; Масауди отправился в Момбасу, Абдул Вахид - в Персию, а мистер Уэйвелл - в Египет.

Подводя итоги экспедиции, мистер Уэйвелл был склонен приписать свой успех не каким-либо своим актерским способностям, а невежеству жителей Священных Городов и отсутствию у них интереса к внешнему миру, даже к исламскому. "В исламе так много различных сект, и его приверженцы встречаются в стольких разных странах, что я серьезно верю, что если бы кто-то изобрел для себя страну и язык, которых вообще не существовало, и отправился таким образом в Мекку, никто там не знал бы достаточно географии, чтобы найти его. И все же, несмотря ни на что, они достаточно быстры на своем пути, и если бы какой-нибудь мутовиф взял на себя труд написать книгу по этнографии в ее связи с современным исламом и классифицировать различные расы, которые приезжают в Мекку, такой обман, к которому прибегал я, стал бы невозможен". На самом деле они вызвали определенное подозрение, и двое их слуг, хотя и были персами и плохо знали арабский, должно быть, имели свои собственные взгляды. Главными достоинствами путешественников были их знание арабского и мусульманских церемоний, а также тот факт, что мистер Уэйвелл переоделся задолго до того, как приблизился к Хеджазу. Он считал, что Медина была гораздо более опасным местом из этих двух, и что ни один путешественник не должен ехать туда, если не чувствует себя как дома в своем восточном облике.

Что бы там ни говорили, путешествие это крайне опасное и деликатное и требует не только больших знаний, но и постоянной бдительности. Следует помнить, что европеец все время находится среди фанатичного и набожного народа, и что высшей заслугой был бы признан любой, кто смог бы обнаружить и осудить неверующего. Несмотря на все предосторожности, здесь должен быть огромный элемент везения, и мистер Уэйвелл приходит к выводу, что его побег был вызван скорее серией счастливых случайностей, чем его собственным умелым управлением.

VIII ИССЛЕДОВАНИЕ НОВОЙ ГВИНЕИ

ИССЛЕДОВАНИЕ НОВОЙ ГВИНЕИ

(Карта, стр. 248.)

Почти каждая часть земного шара претерпела те или иные изменения за последнее столетие. Возможно, он изменил свой облик в результате заселения, возделывания земель и роста городов; или, если он все еще остается дикой местностью, через него проходят торговые пути, которые знакомят с ним мир. Но великий остров Новая Гвинея сегодня почти так же мало изменился с приходом белых авантюристов, как и тогда, когда в 1527 году Жоржи де Менесес, португальский губернатор островов Пряностей, впервые высадился на его болотистых берегах. В 1545 году, восемнадцать лет спустя, он получил название, под которым известен и по сей день. Португальская империя пришла в упадок, и в семнадцатом веке появились голландцы. В восемнадцатом веке многие известные путешественники, такие как Дампир, Картерет и капитан Кук, побывали на острове, а в прошлом столетии быстрое открытие мира путешественниками и миссионерами принесло плоды даже в этих отдаленных морях. Голландцы удерживали западную оконечность; в 1884 году Германия предъявила претензии на северо-восточную часть; и в том же году юго-восточная часть, которая была официально передана в 1883 году Квинсленду, была присоединена к британской короне. В 1899 году голландская граница была разграничена, и Голландия, с согласия Держав, взяла на себя прямой контроль над своей долей. Единственное изменение на сегодняшний день в этих механизмах заключается в том, что бывшая немецкая секция теперь находится в ведении Австралийского Содружества.

Первое десятилетие этого столетия ознаменовалось большой исследовательской деятельностью всех трех европейских мастеров. Особенно превосходно поработали голландцы, и доктор Лоренц был первым человеком, добравшимся до снегов внутренних гор. Но лишь немногие тайны острова — географические, зоологические и ботанические — до сих пор не разгаданы. Это место настолько удалено от Европы, его климат настолько смертоносен, его обитатели настолько коварны, а леса и болота настолько непроходимы, что исследование там во многих отношениях является более отчаянным предприятием, чем где-либо еще на земном шаре.

Я выбрал две экспедиции в качестве примера того, что должен пройти первопроходец. В 1910 году Союз орнитологов отправил экспедицию для изучения фауны Новой Гвинеи и сбора образцов. Капитан Сесил Роулинг, чья жажда неизведанного была неутолимой, сопровождал его с географической точки зрения, и мистер А. Ф. Р. Волластон в качестве офицера медицинской службы. Не было надлежащего исследовательского оборудования, поскольку миссия состояла в основном из натуралистов. Десять гуркхов были завербованы из Индии, а голландское правительство предоставило определенное количество яванских военнослужащих. На Яве также были набраны кули, которые оказались безнадежно непригодными как по телосложению, так и по характеру для каких-либо серьезных путешествий

по дикой местности. Большинству из них было около шестнадцати лет, и они появились в джунглях, прилично одетые, в черных сюртуках и котелках!

Выбранная часть была южным побережьем голландской территории, и капитан Роулинг надеялся, что они смогут проникнуть к этому поясу снежных гор, в верховьях прибрежных рек, бегущих от хребта Нассау на западе до пика Вильгельмины на востоке, где доктор Лоренц был первопроходцем. Очевидно, было жизненно важно найти реку, которая привела бы их прямо к холмам. Но у них не было предварительной информации, на которую можно было бы опираться, и они были вынуждены выбирать ручей наугад. Если бы они пошли дальше на восток и выбрали Утакву, то обнаружили бы течение, пригодное для океанских пароходов на протяжении семнадцати миль от ее устья, а для катеров — еще на много миль дальше, - более того, река вытекала прямо из самых высоких снегов горы Карстенз. Как бы то ни было, они наткнулись на реку под названием Мимика, небольшой, питаемый джунглями ручей, берущий начало в низких предгорьях в шестидесяти милях к западу от Карстенша и милях в двадцати или около того от главного хребта. Река Мимика также изобиловала бесконечными изгибами и была подвержена внезапным и сильным наводнениям. Следовательно, от нее было мало пользы для экспедиции в качестве транспорта. Это было тем более прискорбно, что транспорт был сутью проблемы. От подножий гор до моря тянется пояс лесов, напоминающий заграждение из колючей проволоки. Этот лес настолько густой, что вырубка дороги может продвигаться со скоростью не более 100 ярдов в день. Он заболочен, а во время паводка часто оказывается под водой и наполнен всевозможными видами вредных насекомых. Если только эту кошмарную страну не удастся обойти по широкому руслу реки, даже сильному отряду потребуется много месяцев, прежде чем они достигнут подножия холмов.

Именно это и случилось с капитаном Роулинг. 26 января 1910 года, после того как в Вакатими, недалеко от устья реки Мимика, был разбит базовый лагерь, он отправился вверх по реке. Вот его описание страны:—

"Любому, кто не бывал в этих частях Новой Гвинеи, совершенно невозможно представить себе густоту произрастания лесов. Растительность, сквозь которую можно увидеть лишь самые скудные проблески неба, по-видимому, образует как бы два больших горизонтальных слоя. К первому относятся гигантские деревья, самые верхние ветви которых находятся на высоте 150 футов или более над землей; ко второму - кустарники и деревья меньшего роста, которые никогда не достигают высоты более 30-40 футов. Почва так богата, что ни один квадратный фут не остается незанятым, и нескончаемая борьба за то, чтобы потянуться ввысь, к вожаделенному свету, продолжается тихо и безжалостно. Ползучие растения и паразиты в бесконечном разнообразии цепляются за каждый стебель, медленно, но верно уничтожая своих хозяев. От дерева к дереву протягиваются их щупальца, хватаясь за первую выступающую ветку и сук и образуя такую плотную и спутанную массу, что мертвые и умирающие лесные гиганты не могут упасть на землю....

"Различные приспособления, рекомендуемые в книгах детства, и, можно добавить, также в книгах для ученых, с помощью которых путешественник может найти потерянный след или восстановить правильное направление, здесь бесполезны. Например, на одной стороне ствола дерева не растет больше мха, чем на другой; деревья не отклоняются в сторону от

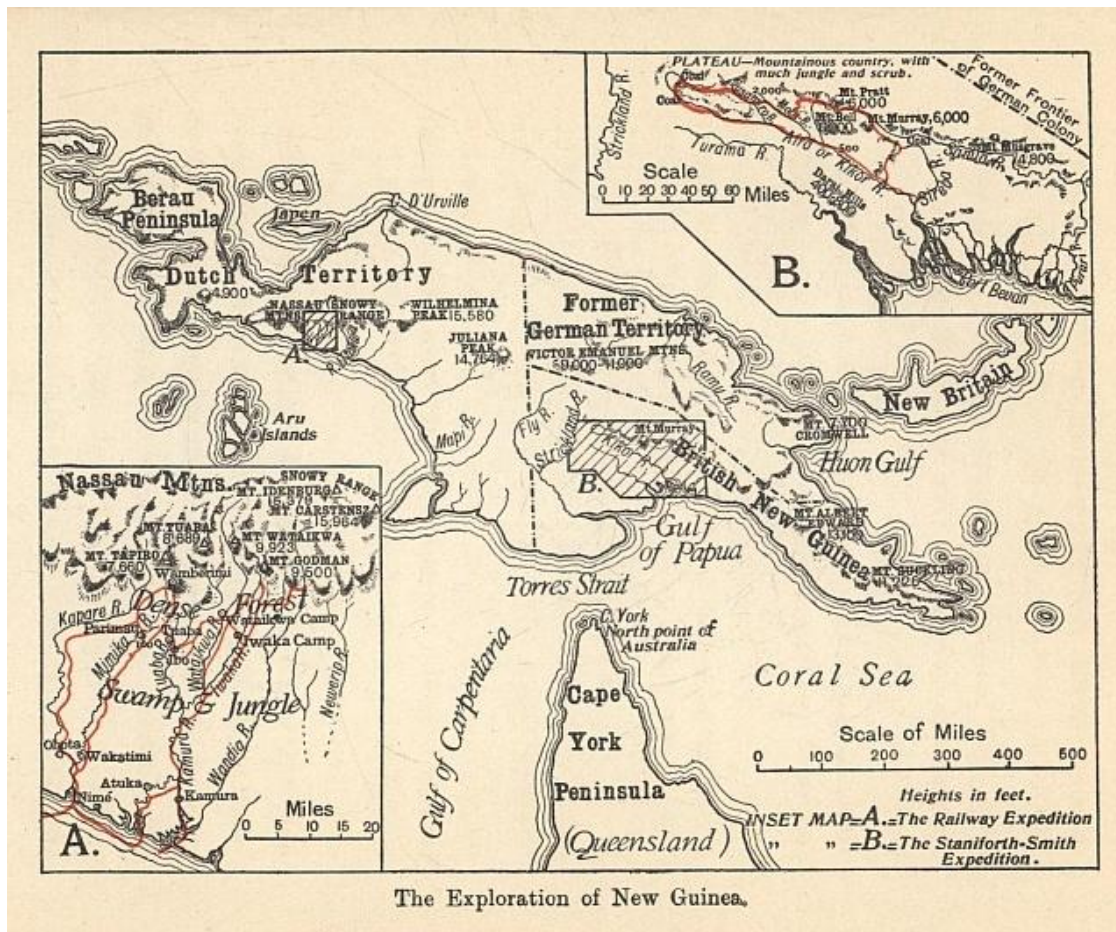
преобладающего ветра; положение солнца также не является ориентиром, поскольку его редко можно увидеть. На самом деле путешественнику не на что положиться, кроме компаса или местного гида, но даже последний часто ошибается. Поистине безнадежной кажется перспектива, когда странник, окруженный стеной кустарника и лиан, ограничивающих его обзор на расстоянии десяти-двенадцати ярдов, понимает, что потерял ориентацию; когда необъятность леса, кажется, давит на него, и не слышно ни звука, кроме "кап-кап" с пропитанных водой деревьев и бульканья вонючей трясины под ногами. Его единственный шанс спастись - найти ручей и следовать по нему вниз, пока он не впадет в главную реку.

Первым крупным эпизодом стало открытие пигмеев, которые жили в предгорьях и на которых усердно охотились лесные племена. Средний рост этих маленьких человечков составлял 4 фута 7 дюймов, и капитан Роулинг проник в их деревню на поляне над верховьями реки Мимика. Они достигли источника Мимика, но он никуда их не привел, и у другого небольшого ручья на западе, называемого Капаре, дела обстояли не лучше. Затем случайно была обнаружена тайная тропа туземцев, ведущая на восток — простой туннель в спутанном лесу. Этим маршрутом они смогли добраться до параллельной реки под названием Туаба, которая была притоком более крупной Камуры. Из деревни под названием Ибо, которая была центром экспедиции, они совершили несколько забросов на восток и север, но обнаружили, что приблизиться к окраинам холмов невозможно.

Капитан Роулинг вернулся на побережье и совершил экскурсию вдоль восточного берега, но не нашел прилегающего устья реки, которое обещало лучшее. К этому времени был июнь, и наводнения начались с такой силой, что практически вся страна между горами и морем оказалась под водой. Когда паводки пошли на убыль, была предпринята решительная попытка продвинуться на восток от Ибо, и с большим трудом был достигнут другой параллельный ручей, называемый Ватаиква. Группа разбила там лагерь и исследовала верховья этого ручья. Путешествие было чрезвычайно трудным, потому что единственной приличной дорогой было русло реки, а этот маршрут быстро стал невозможным из-за нового паводка. Путешественникам пришлось столкнуться с тем фактом, что чем дальше они продвигались на восток, тем тяжелее становилась перевозка припасов, поскольку их базовый лагерь оставался на реке Мимика.

Тем не менее, необходимо приложить усилия, если только экспедиция не обречена на провал. Было решено, что лучший план - попытаться прорубить дорогу через лес к следующему ручью на востоке, в надежде, что она приведет их в холмы. Это было сделано, и после долгих тяжелых трудов была достигнута река Ивака. Они вступили в отчаянную местность, усеянную поросшими мхом валунами и изрезанную оврагами, покрытыми непроходимой массой леса. Плотность этой растительности была невероятной; сквозь нее ни один человек не мог пробиться, разве что с топором в руках, а поскольку большинство деревьев были из очень твердой древесины — стволы варьировались от четырех до восьми дюймов в диаметре — и сверху донизу покрыты влажной землей, покрытой мхом, продвижение временами становилось невозможным. О труде, затраченном на расчистку двухфутовой тропинки в этом лесу, можно судить по тому факту, что на участке в пять тысяч ярдов требовалось три недели постоянной работы, прежде чем человек мог свободно пройти по ней. В один день два резака достигли длины в двести десять ярдов, а в другой, когда капитан Роулинг работал один, все, что он смог добавить, - это кусок длиной в

девянсто ярдов. Неудивительно, что он спрашивает: "Может ли этот лес с его ужасающим однообразием и неприступностью сравниться с любым другим в мире?"

Исследование Новой Гвинеи

Снова пошел дождь, и в августе вся страна была под водой. Наступление было возобновлено только в начале 1911 года, когда из Англии прибыли свежие припасы, а старая моторная лодка была сдана в ремонт. Пока что год тяжелого труда не приблизил исследователей к их цели на ощутимое расстояние. С помощью катера в верховье Мимики были собраны запасы продовольствия на восемь недель. Одну историю можно процитировать как комический эпизод из очень мрачной кампании. 4 января двое мужчин поссорились в лагере и убили друг друга.

Сержант, который, кстати, был иностранцем, взял на себя организацию похоронных церемоний и, очевидно, был полон решимости, со своей стороны, не допустить недостатка ни в чем, чего требовала важность события. Обнажив меч и встав между могилами, он обратился к зрителям с речью. "Мужчины, - сказал он, - в этот день двое слуг правительства расстались с жизнью друг от друга. Разве они оба не были хорошими людьми? хайн. ""Один человек - очень плохой человек", - вставил назойливый заключенный, но взгляд оскорбленного сержанта заставил его пожалеть, что он вообще заговорил. "Не могу сказать, попадут ли они оба на небеса, — воскликнул он, — но я думаю, что Аллах, - он указал мечом вверх, - сначала очистит их огнем. Прими это как урок. Затем, выпрямившись во весь рост, как подобало случаю, он с лязгом

вложил свой меч в ножны, и, по мнению публики, церемония подошла к концу. Сержант, однако, еще не закончил. Вернувшись в свою хижину, он освежился несколькими стаканами джина и сыграл на губной гармошке национальные гимны трех флагов, под которыми служил. На этом похороны были прекращены, и, за исключением официального отчета и записи в счетах "На одну бутылку джина для дезинфекции трупа", не осталось ничего, что указывало бы на кровавое событие".

Ивака была благополучно достигнута, и начался последний этап. Сначала продвижение велось вверх по ее правому берегу, но это лишь привело путешественников обратно в верхнюю долину Ватаиквы, что они уже сочли невозможным. Было ясно, что нужно пересечь Иваку и подняться на хребты на востоке. Перебраться через этот ручей было нелегким делом, и добиться этого удалось только благодаря героизму одного из гуркхов, который сумел подтянуться рука об руку по тонкой веревке. Капитан Роулинг записывает, что это была "одна из лучших хладнокровно проведенных акций, свидетелем которых мне когда-либо посчастливилось быть". Был построен грубый мост, и утром 8 февраля 1911 года, через тринадцать месяцев после их первой высадки на побережье, у отряда наконец появилась дорога к верхним хребтам. Погода стояла густая, туманная, и дальние горы они видели лишь изредка. Лагерь был разбит на высоте 5400 футов, но не на твердой земле, поскольку все восхождения проводились по верхушкам живых или мертвых деревьев. На следующее утро они прорубили себе путь к чистому месту на гребне на высоте 5600 футов, и там им наконец открылся вид, которого они так жаждали, и они смогли определить положение основных вершин.

Посмотрев на юг, они увидели море, а между ним и собой темно-зеленый лес, через который они пробирались столько месяцев. Мрак через редкие промежутки времени нарушала полоска света, которая была рекой. Почти в пяти милях отсюда возвышалась гора Годмен, а за ней огромный южный склон хребта, гигантский черный утес, протянувшийся на восемьдесят миль с востока на запад, с обрывом почти в милю и три четверти - безусловно, величайший обрыв в мире. За этим уступом возвышались снежные горы — гора Леонард Дарвин на северо-западе высотой 13 882 фута; а на северо-востоке гора Иденбург высотой 15 379 футов и сверкающая вершина Карстенз высотой почти 16 000 футов. Огромные пики казались внизу массой диких черных пропастей, изрезанных трещинами; но сверху было длинное, ровное снежное поле, плавно изгибающееся к вершинам. Именно такой вид мог бы представиться старым португальским искателям приключений, когда после нескольких месяцев борьбы через прибрежные джунгли они внезапно увидели Кению или Килиманджаро. Но для капитана Роулинга и его отряда это было бы не более чем зрелищем Фасги. Продвижение вперед было невозможно. Фатальный выбор маршрута Мимика означал, что они выбрали худшую дорогу, какую только можно себе представить, к великим снегам. Достижение вершин должно быть предоставлено их преемникам. Тот, кто хочет понять все трудности и невзгоды этой экспедиции, должен прочитать рассказ самого капитана Роулинга. *

* *"Страна пигмеев Новой Гвинеи"*, автор капитан К. Г. Роулинг (Сили, Сервис и Компания, 1913).

Редко когда предпринималась более насквозь некомфортная экспедиция. Начнем с того, что еда была плохой и неподходящей, потому что у них были излишки припасов, оставшихся после антарктической экспедиции Шеклтона, и можно себе представить, какие радости доставляли тушеная говядина, гороховый суп и маринованные огурцы под экваториальным небом. Получить хорошую помощь от местных жителей было невозможно, потому что туземцы были нелепой расой, вероломной и ненадежной, когда они не проявляли активного недоброжелательства. Они были подвержены внезапной панике, когда убегали в джунгли, и диким вспышкам горя, когда они плакали и рыдали часами. Привезенные яванцы были, если это возможно, более безнадежны. Кроме того, были всевозможные вредные насекомые — бесконечные комары, гигантские пиявки, свисавшие с каждого листа и специализировавшиеся на поражении глазных яблок, клещи, вонючие гусеницы, огромные синие бутылки, которые тучами налетали на любую пищу, оставленную непокрытой, сверчки, которые за ночь съедали одежду человека, и полчища крошечных пчел, мириадами садившихся на разгоряченное лицо путешественника. Прежде всего, шел дождь. Вся страна была затоплена разлившимися реками и непрекращающимися наводнениями. В сухой сезон среднее количество осадков составляло около двух с половиной дюймов в день! Мистер Волластон взял на себя труд вести метеорологический дневник и обнаружил, что в течение первого года дождь шел 330 дней, а 295 дней он сопровождался громом и молнией. Из 400 мужчин всех рас, нанятых в течение первого года, 12 процентов умерли в стране от лишений и 83 процента из общего числа военнослужащих были уволены с Новой Гвинеи. Из европейцев и туземцев, высадившихся в том году, только одиннадцать продержались все пятнадцать месяцев экспедиции. Из этих одиннадцати четверо были европейцами, четверо гуркхами, двое яванских солдат и один каторжник. Если вспомнить, что восемь месяцев — это максимальный срок, разрешенный голландскими властями для продолжения службы в Новой Гвинее, то удивительно, что эти одиннадцать человек остались живы. Капитан Роулинг без малейшего сожаления попрощался с этой, должно быть, самой неприятной страной на земле. "Дикие вопли приветствовали нас, когда мы впервые прибыли в страну, и дикие вопли эхом разносились по тихому течению реки, когда лодки ползли к морю".

New Guinea Canoes.

[It was in such canoes that Mr. Staniforth Smith made part of his journey.]
(By permission of Messrs. Seeley, Service, & Co.)

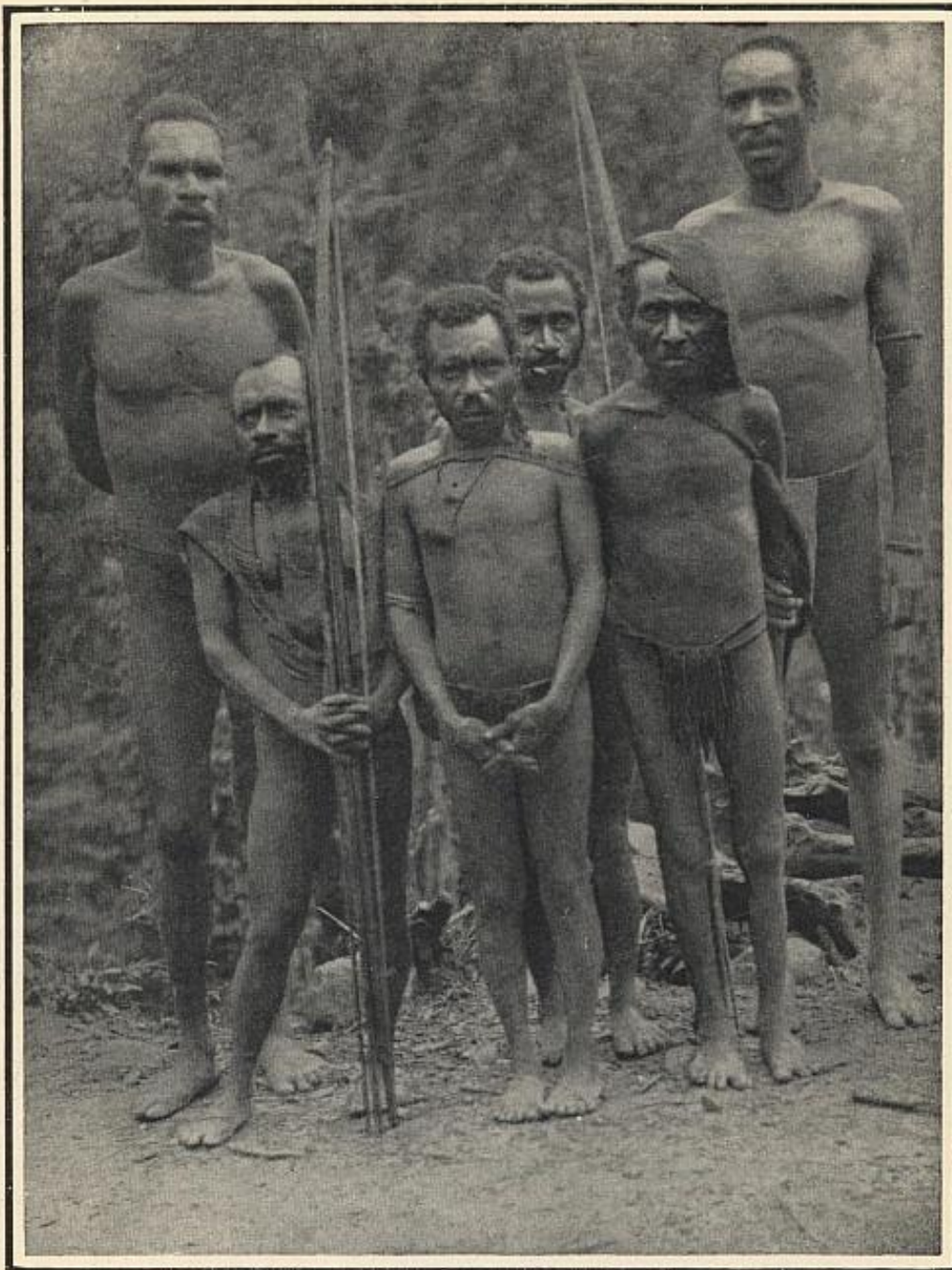
Каное из Новой Гвинеи.

[Именно в таких каное мистер Стэнифорт Смит совершил часть своего путешествия.]
(С разрешения господ. Сили, Сервис и Ко.)

Гора Карстенз все еще ждет своего покорителя. Со времени экспедиции Роулинга многое было сделано в исследовании центральных гор. В 1913 году капитан Хердерши наконец поднялся на гору Вильгельмина (15 580 футов), нижние снега которой доктор Лоренц преодолел пешком. В 1921 году капитан Кремер достиг той же вершины с севера и нашел способ пересечь хребет на высоте 13 480 футов. Немецкая экспедиция под командованием доктора Мошковского, которая планировалась в 1913 году для нападения на Карстенш с севера, была остановлена войной. Тем временем в сентябре 1912 года мистер Волластон, спутник капитана Роулинга, вернулся в Новую Гвинею и поднялся вверх по реке Утаква. Верховья привели его прямо к Карстенсу, и, построив ряд складов продовольствия в предгорьях, он смог добраться до главного горного массива. На высоте 8000 футов джунгли остались позади, но подъем в гору оказался очень трудным, и дождь, как обычно, лил без перерыва. На высоте 14 200 футов он достиг линии снегов, и 1 февраля 1913 года из лагеря на высоте более 12 000 футов он поднялся на высоту 14 866 футов, примерно на тысячу футов ниже вершины. Там его остановил ледопад, а нехватка провизии и слабость его отряда помешали ему найти способ повернуть дело вспять. Вершина горы представляет собой ледяную шапку, которая очень круто обрывается с южной стороны, и мистер Волластон придерживается мнения, что легче всего подняться с севера. На этом пока завершается история исследования Карстенца.

Во втором рассказе мы перемещаемся на восток, на британскую территорию. Там общая конфигурация та же — болота у берега, затем густой лес, затем гряда внутренних гор, хотя они гораздо менее заметны, чем хребты на голландской территории, и едва ли поднимаются выше 6000 футов. В 1911 году почтенный Дж. Майлз Станифорт Смит, который был мэром Калгурли и сенатором, представляющим Западную Австралию в парламенте Содружества, и в то время был администратором Папуа, отправился через центр неизведанной части своей провинции, чтобы исследовать истоки рек, впадающих в Папуасский залив. Поскольку путешествие было самым трудным, а целью была разведка, а не научное исследование, отряд был очень небольшим — трое белых мужчин, мистер Станифорт Смит, мистер Белл, главный инспектор по делам туземцев, и мистер Пратт, штатный инспектор, вместе с одиннадцатью местными полицейскими и семнадцатью носильщиками. Они начинали от истока судоходных вод реки Кикор или Эйрд, намереваясь продвинуться на север к вершине горы Мюррей, а затем пройти на запад вдоль хребта. Гора Мюррей, высота которой составляет около 6000 футов, была благополучно достигнута, и исследователи обнаружили, что движутся по высокому известняковому плато, сильно изрезанному ручьями и разнообразному параллельными хребтами. Они надеялись в конечном счете добраться до реки Стрикленд, которая является притоком грейт-Флай-Ривер, и таким образом завершить остаток своего путешествия на плотах.

Вскоре они нашли такую реку, текущую в глубоком ущелье, и по некоторым порогам, которые заметили более ранние исследователи, они предположили, что это Стрикленд. Теперь начались их приключения. Река, казалось, представляла собой череду диких порогов; но поскольку по Стрикленду уже спускались на плотах, риск оказался оправданным, и были построены четыре плота. Мистер Стэнифорт Смит выехал первым с тремя полицейскими и двумя носильщиками, а мистер Белл и мистер Пратт договорились быстро последовать за остальными. Через двести ярдов первый плот перевернулся, но его обитателям удалось удержаться. Пороги не исчезли, а усилились, и через четыре или пять диких миль отряд врезался в бревенчатый блок. Один из туземцев был так серьезно ранен, что скончался на следующее утро. Затем мистер Стэнифорт Смит направился обратно вдоль реки в надежде присоединиться к своим спутникам, но обнаружил, что находится на острове с быстрыми ручьями по обе стороны. На следующее утро отряд попытался перейти реку вброд, и это ему с некоторым трудом удалось. Когда они прокладывали путь вверх по берегу, они встретили двух полицейских, которые потеряли свои винтовки и которые сообщили им, что мистер Белл и мистер Пратт находятся на другом берегу реки и что несколько носильщиков утонули. Группа уже два дня была без еды, поэтому мистер Стэнифорт Смит решил повернуть и отправиться вниз по течению в надежде найти более спокойную воду и туземную деревню. У них не было возможности развести костер, и в любом случае по соседству не росло ни саго, ни хлебных деревьев.

New Guinea Pygmies contrasted with ordinary Natives.
(By permission of Messrs. Sully, Service, & Co.)

Пигмеи Новой Гвинеи контрастировали с обычными аборигенами.
(С разрешения господ. Сили, Сервис и Ко.)

Пять с половиной дней исследователи прорубали себе путь вниз по течению. Все это время у них не было никакой пищи и никакого укрытия от проливных дождей, кроме нескольких пальмовых листьев. На шестой день, проехав двадцать миль, они увидели на противоположном берегу туземцев. Они соорудили грубый плот и сумели переправиться. Это было как раз

вовремя, так как они были совершенно измучены; но пища, которую дали им туземцы, оживила их. Довольно любопытно, что, когда они ужинали, группа мистера Белла и мистера Пратта вышла из джунглей. Они, если это возможно, пострадали от еще худших бедствий. Оба белых человека, хотя и были сильными пловцами, чуть не утонули, а семеро носильщиков расстались с жизнью. Они наверняка погибли бы, если бы накануне им не посчастливилось подстрелить дикую свинью.

К этому времени стало ясно, что, на каком бы ручье они ни находились, это не был Стрикленд, потому что Стрикленд тек на юго-запад, а эта река текла почти прямо на восток. Местные жители, которые никогда раньше не видели белого человека, взяли их в свою деревню и относились к ним по-доброму. Хорошая репутация британского чиновника в дикой местности теперь сослужила им хорошую службу. Они надеялись, что река скоро очистится от порогов, но, к их ужасу, еще на сотню миль вокруг не было ничего, кроме ущелий и водоворотов. Ручей был самым большим в своем среднем течении, тем же самым ручьем, по которому они поднимались от побережья. Им потребовалось двадцать девять дней, чтобы преодолеть сто миль ущелий, и за это время они редко могли полноценно поесть. Однажды вся группа проработала семь дней, не добыв ничего съестного, кроме нескольких горстей сухого супа и нескольких банок какао, спасенных с опрокинутых плотов. У них не было спичек, поэтому им приходилось поддерживать огонь днем и ночью. Они спали в пещерах и под пальмовыми листьями, которые не защищали от дождя.

К двадцать девятому дню река казалась достаточно гладкой для сплавления на плотях, и исследователи снова погрузились на борт, и им удалось преодолеть пятьдесят миль без каких-либо серьезных приключений. Но на следующий день пороги начались снова, и их два каноэ, сделанные из полых бревен, перевернулись. Они спустились по порогам на десять миль, держась за перевернутые бревна, прежде чем смогли пристать к берегу. Ту ночь они провели под дождем, без еды; и, отправившись в путь снова на рассвете, они внезапно увидели, к своему огромному облегчению, европейские палатки и были встречены офицером полиции, которого послали на их поиски. Они достигли того самого места, откуда в начале своего путешествия двинулись на север, к горе Мюррей! Когда два дня спустя они прибыли на побережье, то за пятнадцать недель преодолели примерно 524 мили по совершенно незнакомой стране — 374 мили пешком и 150 по реке.

Мистер Стэнифорт Смит столкнулся со всеми несчастьями, которые могут постигнуть путешественника, кроме одного — у него не было неприятностей с туземцами. Действительно, благодаря своему такту и терпению он повсюду заводил друзей среди бушменов, и оставшиеся в живых участники отряда были обязаны им своими жизнями. Благодаря какой-то странной системе телеграфирования в буше слава о белых людях передавалась из деревни в деревню. Это была единственная удача, выпавшая на долю исследователей, и она имела окончательный эффект, поскольку решала вопрос между жизнью и смертью. Я не знаю ни одного повествования об исследованиях, которое содержало бы приключения более отчаянные, чем эти головокружительные путешествия на перевернутых плотях через черные ущелья; или тот месяц, когда умирающие от голода люди прорубали себе путь через джунгли вдоль берега потока под непрекращающимся ливнем.*

* За это путешествие мистер Стэнифорт Смит получил в 1923 году золотую медаль Королевского географического общества.

IX ГОРА ЭВЕРЕСТ

ГОРА ЭВЕРЕСТ

(Карта, стр. 272.)

Я

Гималаи не только содержат самые высокие вершины на земном шаре, но и могут похвастаться по меньшей мере восьмьюдесятью вершинами, более высокими, чем у любого другого хребта. Следующими идут Анды, но их самая высокая точка, Аконкагуа, составляет всего 23 060 футов. В огромной горной стране, которая ограничивает Индию с севера и простирается на такое большое расстояние, как от Ла-Манша до Каспийского моря, насчитывается более восьмидесяти вершин высотой более 24 000 футов, около двадцати - выше 26 000 и шесть - выше 27 000. Высота самой высокой горы Эверест, согласно последним измерениям, составляет 29 140 футов. Ее истинный характер не всегда признавался. Одно время считалось, что Чимборасо в Андах "превосходит Гималаи". В середине прошлого века Канченджанга, которая привлекает внимание путешественника, отправляющегося из Дарджилинга на север, считалась самой высокой из гор мира. В то время офицеры индийского правительства проводили большую тригонометрическую съемку, в ходе которой они обнаружили вершину, для которой не смогли подобрать местного названия и которую назвали пиком XV. В 1852 году, когда наблюдения были завершены, чиновник, запыхавшись, ворвался в кабинет генерального топографа в Калькутте с известием, что пик XV имеет высоту 29 002 фута и, следовательно, является главной горой в мире. Поскольку его местное название было неизвестно, он был назван в честь сэра Джорджа Эвереста, который руководил исследованиями. Это имя прекрасно само по себе и вполне может остаться в силе; хотя, сложились обстоятельства иначе, можно было бы многое сказать о тибетском имени "Джомолунгмо", что означает "Богиня-Мать гор".

Восхождение на Эверест было проектом, который лишь постепенно проникал в умы людей. Когда великий пик был впервые обнаружен, альпинизм все еще находился в зачаточном состоянии, и в течение целого поколения после этого альпинисты были поглощены Альпами.

Затем альпинисты начали смотреть дальше, и сначала был покорен Кавказ, а затем Анды, пока около тридцати лет назад честолюбивые люди не начали обращать свои взоры к Гималаям. Постепенно предел достижений при высоком уровне снега был расширен. На Трисуле доктор Лонгстафф за десять с половиной часов поднялся с высоты 17 450 футов на вершину в 23 360 футов. На Камете мистер Чарльз Мид отвел кули в лагерь на высоте 23 600 футов. Герцог Абруцци после своего восхождения на Рувензори атаковал с великолепно экипированным отрядом К2 эту ледяную глыбу в Каракоруме, вторую по высоте из гор мира, и достиг высоты 24 600 футов, которая до 1921 года оставалась мировым рекордом. В 1920 году доктор Келлас обнаружил, что при достаточном количестве снега он может подниматься со скоростью 600 футов в час выше 21 000 футов. Было неизбежно, что по окончании Великой войны любители высот сосредоточат свои мысли на Эвересте.

Это долгое время было мечтой альпинистов. Лорд Керзон, будучи вице-королем Индии, предложил Королевскому географическому обществу и Альпийскому клубу исследовать Эверест. Но были политические трудности, связанные с путешествием через Тибет или Непал, и даже разведка горы оказалась невозможной. Сесил Роулинг (павший в Третьей битве при Ипре в звании бригадного генерала 21-й дивизии) во время своего путешествия в 1904 году к верховьям Брахмапутры впервые увидел с расстояния шестидесяти миль северную сторону Эвереста и поверил, что на нее можно подняться. Я хорошо помню, как за год до войны мы с ним планировали экспедицию, которая должна была охватить два сезона и исследовать эту северную сторону. В марте 1919 года капитан Нозль призвал Королевское географическое общество взяться за эту работу, и сэр Фрэнсис Янгхасбанд, президент Общества, в следующем году совместно с Альпийским клубом вступил в переговоры с правительством Индии. Разрешение было получено от тибетских властей, и в январе 1921 года Объединенный комитет Королевского географического общества и Альпийского клуба приступил к организации экспедиции.

Многие спрашивали, какая польза от такого предприятия, которое было бы дорогостоящим, трудным и, безусловно, опасным. Ответ заключается в том, что от него не было земной пользы, и в этом заключалась его высшая заслуга. Война пробудила лучшие качества человеческой натуры, и с наступлением мира, казалось, возник риск того, что мир снова скатится к унылому материализму. Люди начали требовать от всего денежной ценности и дорожить, как если бы это была добродетель, узким утилитарным здравым смыслом. Взяться за что-то, не имеющее материальной ценности, было подтверждением сущностного идеализма человеческого духа. По словам сэра Фрэнсиса Янгхасбанда, "Вид альпинистов, с трудом взбирающихся на высшую вершину, научил бы людей поднять свои взоры к холмам — оторвать их от земли и обратить, хотя бы на мгновение, к чему-то чистому и возвышенному, удовлетворяющему ту внутреннюю жажду самого достойного, которую все люди прячут в своих душах. И когда они увидят, что люди сначала отброшены назад, но снова и снова возвращаются к штурму, пока, спотыкаясь и задыхаясь, они наконец не достигнут вершины, они будут трепетать от гордости. Они больше не будут одержимы мыслью о том, какие они ничтожества по сравнению с горами, насколько незначительны они по сравнению со своим материальным окружением. У них будет надлежащая гордость за себя и хорошо обоснованная вера в способность духа господствовать над материей".

Это почти слова Теофиля Готье в защиту горцев: "Сын добровольного протестанта, противостоящий препятствиям, и плантация в недоступном месте человеческого разума". Если

альпинист хочет еще раз выразить свое кредо, пусть это будет кредо мистера Беллока, когда он впервые увидел Альпы с хребта Юра. "Там, наверху, небо над ними и под ними, великие вершины объединили ту возвращающуюся домой, ползучую часть меня, которая любит виноградники, и танцы, и медленное передвижение среди пастбищ, и ту другую часть, которая по-настоящему чувствует себя дома только на Небесах.... Эти великие Альпы, увиденные таким образом, каким-то образом связывают человека с его бессмертием. Невозможно передать или даже предположить, что это несколько пятидесяти миль и несколько тысяч футов; есть нечто большее. Позвольте мне выразить это так: с высоты Вайсенштейна я увидел, так сказать, свою религию. Я имею в виду смирение, страх смерти, ужас высоты или расстояния, славу Божью, бесконечную возможность получения, откуда проистекает эта божественная жажда души; мое стремление также к завершению и мою уверенность в двойственном предназначении. Ибо я знаю, что мы, смеющиеся, состоим в грубом родстве со всевышним, и именно эта постоянная ссора питает источник веселья в душе здравомыслящего человека. Поскольку теперь я мог видеть такое чудо, и оно могло вызывать такие мысли в моем сознании, следовательно, когда-нибудь я должен стать частью этого. Это то, что я чувствую. Именно это также побуждает некоторых людей взбираться на вершины гор, но не меня, потому что я боюсь соскользнуть вниз". *

* *Путь в Рим.*

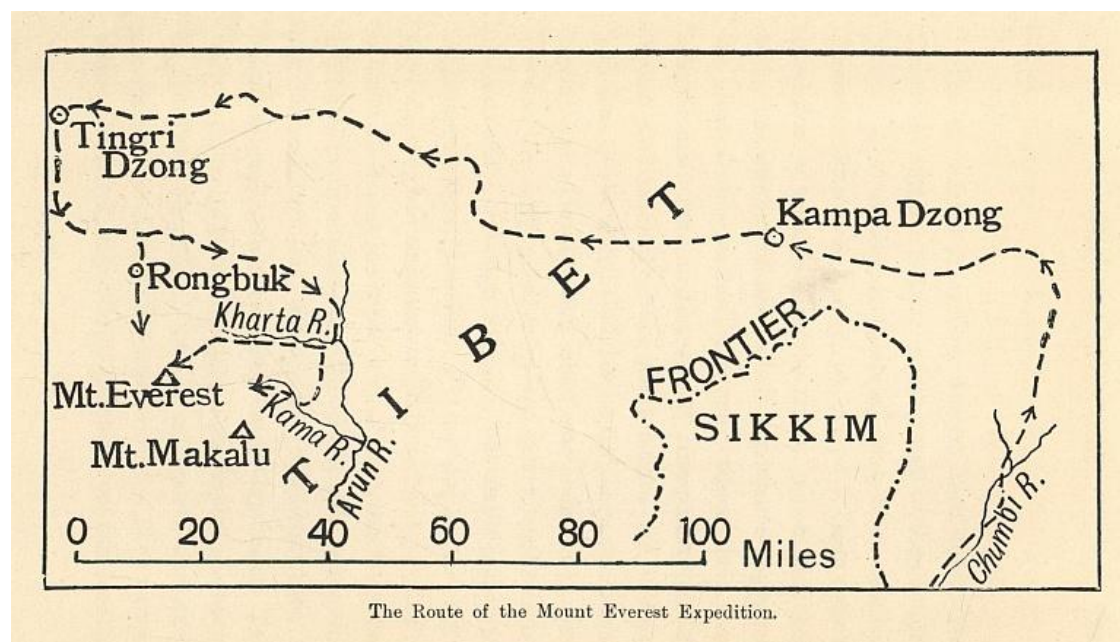
А теперь о самой великой горе. Прежде всего, это скальная вершина. Вся верхняя часть представляет собой великую каменную пирамиду с тремя основными *направлениями*— Запад, Юго-Запад и Северо-Восток. Он расположен точно на границе между Тибетом и Непалом, и с непальской стороны и равнин Индии его трудно хорошо разглядеть, потому что виден только белый клин, проглядывающий между другими вершинами и над ними. Однако с тибетской стороны это очевидно, и его превосходство над соседями очевидно. Итак, при всех атаках на великую вершину первый вопрос заключается в том, как добраться до нее — проблема, наиболее сложная в случае с другими гималайскими вершинами, такими как K2, и такими вершинами, как маунт Маккинли на Аляске и маунт Робсон в Канаде. Речь идет не только о том, чтобы альпинисты добрались туда, но и о транспортировке продовольствия, палаток и принадлежностей, необходимых для хорошо оборудованной экспедиции. Если бы единственный путь на Эверест пролегал через глубокие ущелья Непала, транспортная проблема могла бы оказаться непреодолимой. Но здесь возросла ценность Тибета, который представляет собой высокое плато, достигающее в среднем двенадцати или тринадцати тысяч футов. Можно было провести большую группу с вьючными животными через перевалы Сиккима к Кампа Дзонгу (Kampha Jong), а затем на запад вдоль северной стороны хребта к базовому лагерю в Тингри Дзонге, прямо к северу от горы. Сам Эверест находился бы в сорока или пятидесяти милях от такого базового лагеря, но к нему была прямая дорога через верхние ущелья и ледники реки Арун, которая течет на север и восток, прежде чем повернуть на юг и прорезать себе путь через стену Гималаев.

Проблема доступа к базе, таким образом, не была сложной. Проблема восхождения была двоякой — отчасти физиологической, отчасти физической. Могли ли люди выжить на высоте 29 000 футов — люди, которые были вынуждены таскать грузы и двигать конечностями? Авиаторы, конечно, поднимались на большие высоты, но им не приходилось напрягаться. Мог ли человек в действии поддерживать жизнь в таком разреженном воздухе? Выше 20 000 футов кубический фут воздуха содержит менее половины того кислорода, который содержится в нем на уровне моря. Поскольку работа организма зависит от кислорода, поступающего через легкие, этот факт должен был значительно уменьшить физическую энергию человека. С другой стороны, было обнаружено, что организм человека может адаптироваться к большим высотам за счет увеличения количества красных кровяных телец. Доктор Келлас смог подниматься на 600 футов в час выше 21 000 футов, а мистер Мид со сравнительным комфортом разбил лагерь на высоте 23 600 футов. Тем не менее, самая высокая из когда-либо достигнутых высот составляла всего 24 600 футов, и никто не мог сказать, какое значение могут иметь дополнительные 4500 футов. Очевидно, что перед началом финального восхождения необходимо будет акклиматизировать группу. В крайнем случае, кислород может быть искусственно подан альпинистам. Физиологическая проблема была из тех, которые могли быть решены только на практике.

Вторым было физическое. Человек мог бы жить и даже медленно передвигаться на высоте, скажем, 26 000 футов, но было совершенно очевидно, что ни одно человеческое существо не было бы способно к таким тяжелым нагрузкам, которых требует трудное восхождение. Если последняя ступень Эвереста оказалась похожей на последние ступени многих гималайских гор, то это было категорически невозможно. Была надежда, что на тибетской стороне с *arête* будет легко справиться. Все зависело от того, удастся ли найти легкий маршрут и разбить окончательный лагерь на высоте примерно 26 000 футов. Была хорошая надежда, что первое окажется возможным, судя по результатам обследования, проведенного Роулингом на расстоянии шестидесяти миль, и известным географическим особенностям тибетской стороны хребта. Другими физическими трудностями были бы гигантские масштабы гималайских препятствий, громадность ледяных полей и ледников, необъятность камнепадов и лавин. Кроме того, на большой высоте будут сильные холода, снижающие жизнеспособность, и вероятность сильных ветров. Многое будет зависеть от погоды, которая все еще оставалась неизвестной величиной. Действительно, все физические факторы находились в области предположений; определить их могла только разведка. Могло случиться так, что экспедиции пришлось бы немедленно повернуть назад, признав свою задачу невыполнимой.

Генерал Брюс, который был главным действующим авторитетом в гималайских путешествиях, не смог сопровождать группу, поэтому командиром был выбран полковник Ховард-Бери. Было подготовлено сложное научное оборудование, и были предприняты шаги, чтобы извлечь из путешествия полную научную ценность. Но главной целью был альпинизм: сначала разведка, а затем, если повезет, попытка достичь вершины. Выбранными четверьмя альпинистами были мистер Гарольд Реберн, который в 1920 году проделал хорошую работу на отрогах Канченджанги; доктор Келлас, достигший 23 400 футов на Камете; и двое молодых людей, мистер Джордж Ли Мэллори и мистер Баллок, выдающиеся члены Альпийского клуба, которые вместе были в Винчестере. В Индии к ним должны были присоединиться майор Морсхед и майор Уилер из Индийской разведки. В начале мая 1921 года группа собралась в Дарджилинге.

Старт из Дарджилинга состоялся 18 мая. Первый этап через Сикким и через долину Чумби к Тибетскому нагорью проходил по знакомой местности, которую нет необходимости описывать. Было много неприятностей с мулами, которые были неудачно выбраны, но ничего важного не произошло, пока они не достигли Дочена, места, где их дорога расходилась с главной дорогой в Лхасу. В Кампа Дзонге доктор Келлас скоропостижно скончался от сердечной недостаточности — невосполнимая потеря для экспедиции, поскольку он был одним из альпинистов, от которых требовалось больше всего, и он был единственным членом группы, обладавшим достаточными медицинскими знаниями для проведения экспериментов с кислородом и кровяным давлением. Там тоже мистер Реберн заболел, и ему пришлось вернуться в Сикким.

Маршрут экспедиции на Эверест.

Экспедиция продвигалась почти строго на запад за главную цепь Гималаев, пока однажды вечером ее участники не увидели почти прямо к югу от себя красивую вершину, которая, по-видимому, была очень высокой. Туземцы называли его Чомо-Ури, что означает "Богиня Бирюзовой вершины", и из наблюдений на следующее утро стало ясно, что это Эверест. Они миновали несколько замечательных монастырей, расположенных на отвесных скалах, и в конце концов, 19 июня, после месяца пути из Дарджилинга, достигли Тингри Дзонга. Это было место, которое они выбрали для своего базового лагеря.

Очевидный маршрут к Эвересту, казалось, пролегал через долину Ронгбук, где с северного склона стекал великий ледник Ронгбук. Там, соответственно, обосновались два альпиниста, мистер Мэллори и мистер Баллок. Предварительная разведка, однако, оказалась несколько сложной задачей. Вскоре стало ясно, что легких подходов с запада не найти, поэтому полковник Ховард-Бери перенес свой штаб в Харту, на восточную сторону, недалеко от реки

Арун. Эта река, ширина которой составляет около ста ярдов, немного ниже впадает в большие ущелья, в которых на протяжении двадцати миль она понижается с 12 000 футов до 7500 футов, или более 200 футов на милю — зрелище гораздо более удивительное, чем что-либо на Брахмапутре.

2 августа мистер Мэллори и мистер Баллок начали исследование восточных подступов к горе. Это было нелегкое дело, так как долины были разделены хребтами, самая низкая точка которых была выше любой горы в Европе, и каждый маршрут приходилось исследовать лично, поскольку от местных жителей нельзя было получить никакой информации. Две главные долины, спускающиеся с восточной стороны Эвереста, - это Харта и, дальше к югу, Кама. Последняя долина была исследована первой, и было обнаружено, что она заканчивается под обрывистым восточным склоном горы и что с нее невозможно добраться до Северо-восточного гребня. Это была чудесная долина с точки зрения пейзажа, но непрактичная для альпинизма.

Соответственно, было предпринято движение к долине Харта на север. мистер Мэллори и мистер Баллок продолжали подниматься по ней, пока не достигли ледника реки Харта, и, наконец, нашли долину, которая, казалось, вела их прямо к Северо-Восточному хребту. Однако сейчас было начало августа, дул муссон, и повсюду лежал глубокий, мягкий, свежий снег. Соответственно, они вернулись в лагерь в Харте, чтобы дожидаться улучшения погодных условий.

То, что называлось Передовым базовым лагерем, было разбито в долине Харта на высоте 17 350 футов, в травянистой ложине, хорошо защищенной от ветра, среди великолепия альпийских цветов. Тем временем мистер Мэллори и мистер Баллок переносили дрова и припасы в лагерь выше по долине. В конце концов лагерь был разбит на высоте около 20 000 футов, значительно выше по леднику Харта. У вершины ледника был перевал под названием Лакпа Ла, или "Ветреная щель", и следующим шагом было разбить там лагерь на высоте 22 350 футов. Именно в этом районе были обнаружены следы, вероятно, волчи, которые кули приписали "Снежным дикарям".

С вершины Лакпа Ла альпинисты теперь смотрели прямо на Эверест и, наконец, смогли разобраться в его запутанной топографии. Внимание читателя привлекается к карте. Будет видно, что большой ледник Ронгбук, который спускается с западной стороны северного склона, получает в качестве питателя ледник Восточный Ронгбук. Вход в последний настолько мал, что мистер Мэллори и мистер Буллок не заметили его во время исследования главного ледника. Этот ледник малый Ронгбук заканчивается в восточной части северного склона горы, и между его вершиной и вершиной главного ледника находится перевал под названием Чанг Ла, или Северный Кол. С Лхакпа-Ла открывается вид на ледник Восточный Ронгбук, а прямо перед ним находится Северный седловина. Если удастся достичь Северного седла, альпинистам казалось возможным, поднимаясь по легкому северному склону, достичь Северо-восточного хребта в точке, находящейся выше основных трудностей.

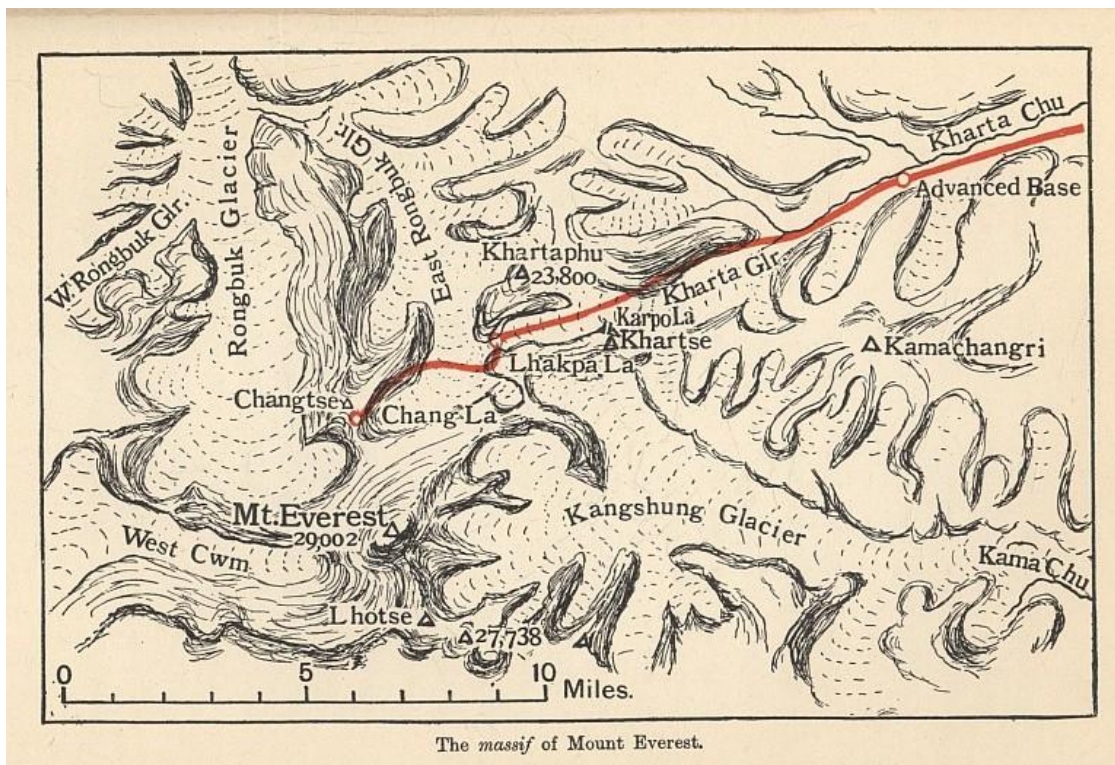
Лагерь на Лхакпа Ла не был удобным местом, с завывающим ветром, 34 градусами мороза и маленькими душными палатками, которые давали сомнительную защиту и неизбежные головные боли. Было решено, что два опытных альпиниста с несколькими отборными кули в одиночку попытаются подняться на Северное седло и, если повезет, проложат дальнейший маршрут, в то время как остальные вернутся в лагерь на высоте 20 000 футов.

Сейчас нас интересуют действия только мистера Мэллори и мистера Баллока, которые должны были совершить покушение на Северного полковника. В течение нескольких недель, прошедших с момента их прибытия в окрестности Эвереста, они изучали его контуры глазами опытных альпинистов. Они увидели, что это был огромный скальный массив, "часто покрытый тонким слоем белого порошка, который разносится ветром по его бокам, и покрытый многолетним снегом только на более пологих уступах и на нескольких широких гранях, менее крутых, чем остальные". Они увидели, что от точки Северо-восточного выступа более или менее широкая *арета* тянется на север к снежному седлу, называемому Чанг Ла. Если бы им удалось добраться до этого снежного хребта, дорога к Северо-Восточному хребту выглядела бы достаточно простой. Они видели, что добраться до Чанг Ла с ледника Ронгбук будет очень трудно, и именно поэтому они обратили свое внимание на восточный подход. Вот к какому выводу, по словам мистера Мэллори, они пришли примерно на третьей неделе июля: "Если бы когда-нибудь на гору предстояло взобраться, путь не пролегал бы по всей длине ни одного из ее колоссальных хребтов. Продвигаться можно было только по сравнительно легкой местности, и что-либо вроде вытянутого острого гребня или ряда башен неизбежно преградило бы путь, просто на то время, которое потребовалось бы для преодоления таких препятствий. Но Северная *местность*, спускающаяся к промежутку между Эверестом и Северной вершиной Чанцзе, не имеет такого характера. Из-за горизонтальной структуры горы в этой части нет наростов скальных вершин, и отвесные скальные стены, пересекающие северную стену, сливаются с ней, прежде чем достичь этой части, которая является сравнительно гладкой и непрерывной, с резко закругленным краем.... Главный вопрос, стоящий перед нами сейчас, должен был заключаться в доступе. Можно ли достичь Северного седла с востока и как нам достичь этой точки?"

Мы видели двух альпинистов на протяжении всего их путешествия до Лхакпа Ла, когда они смотрели на ледник Восточный Ронгбук к северу от Кол. Вскоре стало очевидно, что главной трудностью будет стена под седловиной, которая, должно быть, имеет высоту более 500 футов и, по-видимому, очень крута.

Утром 23 сентября мистер Мэллори, мистер Баллок и мистер Уилер отправились из лагеря на Лхакпа Ла с десятью кули, некоторые из которых были больны горной болезнью, и на всех повлияла высота. Они выступили поздно и решили провести день спокойно, разбив в ту ночь свои палатки на открытом снегу под Северным полковником. Они искали укрытый лагерь, но это место оказалось храмом ветров, и в ту ночь никто толком не спал. На следующее утро, 24-го, через несколько часов после восхода солнца, они начали карабкаться по склонам под стеной и обнаружили, что это оказалось легче, чем они опасались. К 11.30 группа была на седловине. Их сопровождали только трое кули, двое из которых уже очень устали. Из трех сахибов только мистер Мэллори был в сколько-нибудь приличной форме. На это место обрушивались ледяные порывы ветра и часто валил мелкий снег, но не могло быть никаких сомнений, что до *арены* перед ними можно было добраться. Однако в такой шторм они не осмелились предпринять это, поэтому с трудом вернулись в свой лагерь под стеной. На следующее утро, 25-го, состоялся военный совет. Было ясно, что они должны либо идти дальше, либо возвращаться. В своем плане они мечтали разбить лагерь на высоте 26 000 футов, но теперь об этом не могло быть и речи. Было слишком поздно в сезон, погода была слишком плохой, а вечеринка - слишком слабой. Им ничего не оставалось, как вернуться, и поэтому они с трудом преодолели Лакпа-Ла, вернулись в долину Кхарта и на дорогу в Англию.

Разведка 1921 года установила определенные факты первостепенной важности. Первый касался подходящего времени года для покушения. Количество осадков в Гималаях в тот год было аномальным, и муссон начался и закончился позже обычного. Но было ясно, что между его окончанием и наступлением зимы не было достаточно времени, чтобы дать альпинистам шанс на хорошую погоду. Очевидно, что следующая попытка должна быть предпринята до прихода муссонов, то есть в мае или июне. Второй установленный факт - это наилучший способ покорения вершины. Единственный возможный маршрут лежал от Чанг Ла вверх по вспомогательному хребту к плечу Северо-восточного *арета*. Расстояние от Чанг Ла до вершины составляло не более двух миль, а подъем - не более 6000 футов. Насколько могли судить альпинисты на перевале — а их вывод подтверждался многочисленными фотографиями с других точек, — на этом маршруте, казалось, не было очень больших трудностей в виде отвесных скал. Казалось, что было бы практически возможно найти место для лагеря на высоте около 26 000 футов. По этому маршруту можно было бы достичь Северо-восточной *ареты* на высоте около 28 000 футов. Преодоление тысячи футов от этой точки до вершины выглядело несколько более трудным и, по-видимому, имело определенные ладейные вышки, которые, однако, можно было обойти. Настоящая вершина казалась снежной шапкой с крутым тупым краем на склоне хребта.

The Массив горы Эверест.

Транспортный вопрос всегда должен быть сложным. Тысяча футов от ледника Восточный Бонгбук до Чанг Ла, половина которого была очень крутой, могли доставить неприятности грузным кули, особенно в начале сезона, когда лед был обнажен снегом. Передовой базовый лагерь на реке Чанг Ла, конечно, был бы необходим, если бы требовалось разбить

высокогорный лагерь на высоте 26 000 футов. Но физическую проблему можно считать решенной — во всяком случае, до обочины Северо-Восточного *арета*. На физиологический вопрос было пролито мало света. Все альпинисты в сентябре 1921 года были более или менее уставшими от длительного пребывания в высокогорных лагерях, и их нельзя было считать находящимися на пике формы. Тем не менее, в случае большинства членов группы процесс акклиматизации был быстрым, и мистер Мэллори на "Чанг Ла" был в замечательной физической форме. Однако что произойдет на больших высотах? Влияние этих веществ на организм человека еще не было определено.

Вывод из годовой работы заключался в том, что, хотя в задаче не было доказано наличия непреодолимой трудности, все же для успеха необходимо сочетание счастливых случайностей в виде погоды, состояния снега, выносливости транспортных кули и физической подготовки альпинистов. Вторая попытка была бы оправдана, но к ней нельзя было относиться с какой-либо уверенностью. Предприятие было задумано серьезно и ответственно, и нельзя найти лучшего выражения духа тех, кто за него взялся, чем в собственных словах мистера Мэллори:

"Возможно, двое мужчин каким-то образом доберутся до вершины, не обращая внимания на все остальные соображения. Совсем другое дело - подняться на гору так, как этого хотели бы альпинисты. Принципы, освященные веками в Альпийском клубе, безусловно, должны соблюдаться при восхождении на Эверест. Партия должна сохранять запас прочности. Это не должно быть безумным предприятием, которое опрометчиво продвигается вперед, невзирая на опасность. Необдуманное принятие любого риска не имеет отношения к сути стойкого мужества. Альпинистское предприятие может сохранять здравомыслие и трезвость суждений и оставаться приключением. И из всех принципов, которых мы придерживаемся, первый - это принцип взаимопомощи. Что можно сделать для человека, который болен или чрезмерно истощен на этих больших высотах? Его товарищи должны позаботиться о том, чтобы его спустили вниз при первой же возможности и с соответствующим эскортом; и обязанность одна и та же, будь он сахиб или кули. Если мы просим человека нести наш груз в гору, мы должны позаботиться о его благополучии в случае необходимости".

III

Лидером партии 1922 года был бригадный генерал distinguished К. Г. Брюс, высший авторитет в Гималаях, исследованию которых он посвятил большую часть своей жизни. Он тоже знал жителей холмов, как никто другой, и его советы были бесценны при выборе носильщиков. Альпинистами были мистер Мэллори, мистер Финч (который был выбран для участия в экспедиции годом ранее, но не смог сопровождать ее), мистер Нортон и мистер Сомервелл — все они были опытными альпинистами; и капитан Джеффри Брюс, который никогда раньше не совершал серьезных восхождений. Майор Морсхед также был в отряде. Экспедиция 1921 года обнаружила, как казалось, возможный путь к вершине через Северное седло, и новая экспедиция предложила пройти по его следам. Он был сильнее по *персоналу*, чем его предшественник, и намного сильнее по оборудованию, поскольку извлек много уроков из опыта прошлого года. Помимо прочего, на нем был запас кислорода в баллонах и необходимое оборудование для его использования.

Группа, решив предпринять попытку до начала муссонов, направилась прямо к старому передовому базовому лагерю в долине Харта. Благодаря непревзойденному мастерству генерала Брюса в организации горных путешествий, оно было достигнуто в установленный срок, и все были в добром здравии. Следующей обязанностью было разбить передовой лагерь за один этап до Северного Седла, до которого носильщики могли бы добраться без чрезмерной усталости. Вершина Лакпа Ла была заброшена, и под западной стороной перевала, недалеко от ледника Восточный Ронгбук, была создана передовая база, известная как Лагерь № 3.

Следующим шагом было выяснить, пригодна ли дорога к Северному седлу, поскольку, когда группа мистера Мэллори путешествовала по нему годом ранее, выпал свежий снег, а в это раннее время года существовала опасность гололеда. Мистер Сомервелл и мистер Мэллори 13 мая с одним кули отправились из лагеря № 3 на разведку и обнаружили, что маршрут, по которому они шли годом ранее, представлял собой сплошную полосу сверкающего льда. Однако они увидели, что могут прорубить себе путь в коридор, заполненный хорошим снегом, который приведет их к подножию последнего склона, и этот последний склон также оказался снежным, а не ледяным. На Северном седле они обнаружили препятствие, которого не ожидали. Между точкой, в которой они достигли вершины, и самим Эверестом находился ледяной утес, который годом ранее они обошли. Теперь они обнаружили, что их путь преграждает безнадежная расщелина. В конце концов они нашли маршрут на дальнем конце ледяного утеса и достигли ровного снега, из которого берет начало северный гребень Эвереста.

Следующие несколько дней были заняты доставкой припасов в лагерь 4 на Северном побережье Колорадо. В их распоряжении было всего девять носильщиков, и это привело их к выводу, что разбить два лагеря на склоне горы нецелесообразно. Они решили попытаться разбить лагерь на высоте около 26 000 футов и оттуда предпринять свое последнее усилие.

19-го числа четверо альпинистов, мистер Мэллори, мистер Нортон, майор Морсхед и мистер Сомервелл, покинули лагерь 3 без четверти девять утра и через час после полудня были заняты установкой палаток и подготовкой припасов в лагере 4 на Северном побережье Колорадо. Солнце село в 4.30, и они легли спать в прекраснейшем расположении духа. На следующий день они предложили взять с собой две маленькие палатки, два двухместных спальных мешка, провизию на полтора дня, котелки для приготовления пищи и два термоса. Они приготовили бы четыре груза из этого хлама, что дало бы по два носильщика на каждый груз и лишнего человека.

20 мая мистер Мэллори проснулся в 5 часов утра и обнаружил, что в палатках, в которых были расквартированы девять носильщиков, нет никаких признаков жизни. Кули заперлись так герметично, что все они почувствовали недомогание, а четверо из них сильно страдали от горной болезни. Только пятеро смогли приступить к дневной работе. Завтрак тянулся медленно, потому что все было сильно заморожено, а блюдо из спагетти, которое они обещали себе, можно было приготовить только после тщательного процесса размораживания.

Отправление было произведено в 7 часов утра, и поначалу все шло гладко, так как между их лагерем и самой седловиной были натянуты веревки, чтобы помочь им при возвращении. С седловины широкий снежный гребень поднимался под небольшим углом, и все альпинисты чувствовали ту физическую форму, которая является залогом успеха.

Тогда начались их неприятности. Первой была простуда. Солнце грело не больше свечи, а с запада начал дуть резкий ветер. Они подошли к концу каменной гряды, по которой легко продвигались, и поняли, что должны найти какое-нибудь укрытие от ветра, перебравшись на восточную сторону уступа. Теперь требовалось вырубать ступени, а на такой высоте требовалось чрезвычайно сильное напряжение. Кроме того, холод сказывался на них, и носильщики особенно сильно страдали. Пройдя около 300 футов, они около полудня остановились отдохнуть под прикрытием нескольких скал на высоте 25 000 футов.

Им показалось, что они не смогут поднять свой груз намного выше и что им лучше поискать место для лагеря, так как носильщикам пришлось вернуться к Северному полковнику. Но найти место для лагеря было нелегко. Наконец, на восточной стороне хребта они обнаружили крутую плиту, до которой можно было выровнять землю. Это было неудачное место, потому что уклон был резким, большая часть пола состояла из битого камня, и лежащие люди неизбежно поскользывались друг на друга. Там, однако, они поставили маленькие палатки, каждая со своим двойным спальным мешком, и растопили снег для своего импровизированного ужина. Носильщики отправились обратно к Северному седлу, а альпинисты, по двое в каждой кровати, изо всех сил старались согреться. Все четверо сильно пострадали от простуды. Ухо мистера Нортон сильно распухло, три пальца мистера Мэллори были обморожены, а майор Морсхед продрог до костей и явно чувствовал себя неважно.

Вечером ветер стих, и ночью выпал свежий снег. В 6.50 утра 21 мая они выползли из своих спальных мешков и приготовили трудоемкий и скудный завтрак, поскольку подвернулся только один термос. В восемь часов они тронулись в путь, и никто из них не чувствовал себя наилучшим образом после душной ночи с головной болью. Майор Морсхед не смог поехать с ними, так как его болезнь усилилась, и, к большому сожалению, остальные трое отправились дальше без него.

Выпало много свежего снега, но первые часы восхождения были не очень трудными. Самой большой проблемой было неправильное расслоение горы, потому что все уступы были наклонены не в ту сторону. Они медленно поползли вверх, сначала вернувшись на гребень, повернув на запад, а затем следуя по самому гребню в направлении точки Северо-восточного *выступа*. Они решили, что должны повернуть обратно около двух часов, если хотят совершить спуск в разумной безопасности. Кроме того, они должны были учитывать, что майор Морсхед остался один в лагере 5.

The Chang La from the Lhakpa La, with Mount Everest on the left.
(By permission of the Mount Everest Committee.)

Чанг Ла из Лакпа Ла, с горой Эверест слева.

(С разрешения Комитета по восхождению на Эверест.)

В 2.15 они достигли вершины скал, примерно в 500 футах ниже того места, где северное плечо соединялось с Северо-восточным ущельем. Отсюда им была хорошо видна вершина. Анероид показал высоту 26 800 футов, но возможно, что она была почти на 200 футов больше. Их продвижение на некоторое время сократилось до очень медленного ползания, но никто из отряда не был по-настоящему измотан. Однако было разумно повернуть, пока у них было достаточно сил, чтобы вернуться в лагерь 4. Они попытались двигаться на запад, где, казалось, было больше снега, но обнаружили, что снежные склоны представляли собой ряд плит с уродливым наклоном под тонким слоем свежего снега; поэтому они вернулись на гребень и пошли по своим старым следам. В четыре часа они добрались до лагеря 5 и подобрали майора Морсхеда, а также свои палатки и спальные мешки. После этого идти стало труднее, так как свежавывавший снег сделал опасной даже легкую почву. Один раз все-таки поскользнулся, и троих мужчин удержала только веревка, обмотанная вокруг ледоруба мистера Мэллори.

Спуск теперь превратился в гонку в быстро сгущающейся темноте. Добравшись до снежного гребня, они не смогли найти никаких следов ступенек, которые сделали накануне, и им пришлось прорубать их заново. В этот момент они были в поле зрения наблюдателей далеко внизу, в лагере 3 на леднике. Майор Морсхед сильно страдал и мог делать только несколько шагов за раз. Когда наступила ночь, в облаках на западе начали сверкать молнии, но, к счастью, ветер не усилился. Вскоре они добрались до расселин и ледяного утеса, и, поскольку воздух был спокоен, можно было зажечь фонарь, чтобы ориентироваться. Они отчаянно искали закрепленную веревку, которая позволила бы им спуститься на террасу, где их ждали пять палаток, но веревка была покрыта снегом, и в этот момент фонарь погас. К счастью, кто-то закрепил закопанную веревку, и после этого можно было просто идти к палаткам.

Они добрались до них в 11.30 и не смогли найти ни топлива, ни кастрюль для приготовления пищи. Во рту у них пересохло от жажды, и лучшим напитком, который они могли приготовить, была смесь джема и снега с замороженным сгущенным молоком. Мистер Мэллори приписывает влиянию этого напитка "неконтролируемую дрожь, спазмы мышечных сокращений в животе и спине, от которых я страдал в своем спальном мешке, и которые заставляли меня садиться и снова глубоко вдыхать ночной воздух, как будто привычка глубоко дышать закрепилась во мне без необходимости".

На следующее утро четверо мужчин, не теряя времени, отправились на Северное Седло, ибо их мучили жажда и голод. Им потребовалось шесть часов, чтобы добраться до лагеря 3, поскольку им пришлось проложить лестницу под свежевывпавшим снегом, по которой носильщики могли бы спускать свой багаж, поскольку они не собирались проводить ночь в лагере 3 без своих спальных мешков. В полдень они вернулись в относительном комфорте, придя к определенным твердым выводам в результате этого предприятия. Один из них касался трудностей, связанных с выпавшим снегом, и ненадежности погоды; другой касался неожиданных возможностей носильщиков. Но самым важным был вопрос о потребности в кислороде. Они достигли отметки немногим ниже 27 000 футов, и до достижения вершины оставалось преодолеть 2000 футов. Для успеха требовался более высокий лагерь, чем лагерь 5, и люди, стартовавшие из него, должны были, по возможности, иметь дополнительный стимул противодействовать пагубному воздействию высоты. Если Эверест решил окружить себя воздухом, содержащим меньше кислорода, чем нужно человеку, дефект должен быть устранен. Если альпинист использовал дополнительную одежду для защиты от холода, он должен использовать какое-то дополнительное устройство, дополняющее атмосферу.

IV

Теперь мы переходим ко второй попытке 1922 года, в ходе которой использовался кислород. Некоторые выдающиеся ученые на родине считали, что Эверест никогда не будет покорен без его помощи, и экспедиция привезла с собой самое полное снаряжение — кислород, хранящийся в легких стальных баллонах, и несколько сложное устройство для его использования. Среди участников были учебные парады с кислородом, и, возможно, было бы лучше, если бы они сразу использовали его для одной главной попытки, вместо того чтобы предпринимать первую попытку без него. К сожалению, аппарат нуждался в капитальном ремонте, и только 22 мая, когда мистер Мэллори и его спутники спускались с горы, четыре комплекта были готовы к использованию. Что касается законности такого устройства в альпинизме, аргументы мистера Финча являются окончательными.

"Я думаю, немногие из нас, кто хоть на секунду задумается, будут отрицать, что само наше существование в этом просвещенном двадцатом веке со всеми его благами современной цивилизации таково ... Большинство из нас научилось уважать прогресс и ценить значение и преимущества способности к адаптации. Например, довольно твердо установленный факт, что тепло необходимо для жизни. Альпинист, руководствуясь этим знанием, сохраняет, насколько это возможно, свое животное тепло, надевая особенно теплую одежду. Никто не возражает; так поступает здравый смысл. Он наливает себе горячий чай из термоса — и никогда не краснеет!

Беззаботно, не боясь негативной критики, он лечит свои внутренности специальными продуктами и стимуляторами, дающими тепло и энергию! От ультрафиолетовых лучей солнца и пронизывающего холода ветра он смело осмеливается защищать глаза антибликовыми очками Crookes. Кроме того, он носит ботинки, которые обычному обывателю кажутся нелепыми! Использование кофеина для того, чтобы добавить еще немного сил почти изношенному организму, не вызывает возражений, несмотря на то, что это синтетический наркотик, производство которого предполагает использование сложных растений и методов. Если бы наука могла готовить кислород в бульварной форме или поставлять его нам в термосах, чтобы мы могли поглощать его, как горячий чай, клеймо "искусственности", возможно, было бы эффективно снято. Но когда его приходится перевозить в специальных контейнерах, вся его суть подвергается изменению, и, используя его, альпинист получает скрытое, нечестное преимущество над горой! В ответ на это серьезное обвинение я хотел бы напомнить обвинителю, что, вдыхая немного живительного газа, альпинист не разглаживает грубые камни горы и не утихомиривает бурю; он также не Аладдин, который, потеряв волшебное кольцо, невидимыми силами направляется к своей цели. Кислород увеличивает доступ к его запасам энергии и, таким образом, ускоряет его шаги, но, увы, это не помогает! крылья Меркурия крепятся к его ногам. Логика антиоксигенолога, безусловно, ошибочна".

20 мая мистер Финч и капитан Джеффри Брюс прибыли в лагерь 3 в сопровождении Теджбира, одного из четырех унтер-офицеров-гуркхов, приданных экспедиции. Там они обнаружили кислородный аппарат в плохом состоянии, и им пришлось возиться с ним в течение четырех дней. В течение этого периода они совершили пробную поездку в лагерь 4 на Северном седловине, используя кислород. Из-за выпавшего свежего снега пришлось проделать большую вырубку новых ступеней, но, несмотря на это, кислород позволил им добраться до седловины за три часа и вернуться через пятьдесят минут с остановками, чтобы сделать три дюжины фотографий.

24 мая мистер Финч, капитан Брюс, капитан Ноэль, официальный фотограф, и Теджбир с двенадцатью носильщиками отправились к Северному седлу и разбили лагерь на ночь. Следующее утро, 25-го, принесло ясное, ветреное небо, и в восемь часов двенадцать носильщиков с походным снаряжением, провизией на один день и кислородными баллонами начали подниматься на Северный гребень, а полтора часа спустя за ними последовали мистер Финч, капитан Брюс и Теджбир, каждый из которых нес груз весом более тридцати фунтов. Все пятнадцать использовали кислород. Они намеревались разбить лагерь на высоте 26 000 футов; но после часа дня ветер посвежел и пошел снег, поэтому было сочтено целесообразным, чтобы обеспечить безопасное возвращение носильщиков на Северное седло, разбить лагерь на высоте 25 500 футов. Место для лагеря было не лучше того, которое нашел мистер Мэллори; место находилось на самом гребне хребта, потому что западная сторона продувалась ветром, а на восточной стороне не было подходящего места. Палатка была разбита на небольшой платформе на краю обрыва, обрывающегося к леднику Восточный Ронгбук, на глубине 4000 футов. Палатка была закреплена, насколько это было возможно, стропами; но когда альпинисты забрались в свои спальные мешки, начался сильный ветер и пошел снег, и мелкие хлопья заполнили палатку. Растопили снег и приготовили тепловатую еду — о действительно теплой еде не могло быть и речи, поскольку на такой высоте вода кипит при такой низкой температуре, что человек может без дискомфорта опустить в нее руку.

Когда наступила ночь, двое альпинистов утешили себя уверенностью, что на следующий день они доберутся до вершины. Но после захода солнца ветер усилился до такой ярости, что даже покрывало с лежащими на нем тремя мужчинами было полностью поднято с земли. Они как могли заделали маленькие отверстия, но еще до полуночи все внутри было покрыто сугробами. Спать было невозможно. Им приходилось постоянно быть начеку, чтобы не сорвало полог и не опустить палатку; они понимали, что, если шторм доберется до их убежища, все снаряжение унесет на ледник вниз.

Немногие искатели приключений когда-либо проводили более ужасную ночь. Теджбир обладал спокойствием, присущим его расе, а капитан Брюс, совершавший свою первую серьезную альпинистскую экспедицию на высочайшую из гор мира, был так весел, как будто спал в обычном альпийском *домике*. Вот собственное описание мистера Финча:

"К часу ночи 26-го шторм достиг максимума. Дикое хлопанье парусины производило шум, похожий на пулеметную очередь. Это было так оглушительно, что мы едва могли слышать слова друг друга. Позже наступили периоды относительного затишья, за которыми последовали взрывы бури, более яростные, чем когда-либо. Во время таких затиший мы по очереди выходили наружу, чтобы подтянуть ослабевшие оттяжки, а также смогли покрепче привязать палатку нашей альпийской веревкой. Невозможно было работать на открытом воздухе более трех-четырех минут подряд, настолько сильным было истощение, вызванное этим кратковременным пребыванием на сильном холодном ветру".

Утро наступило без малейшего затишья в буйстве стихии. Они приготовили еду на скорую руку и провели утренние часы в отчаянном беспокойстве. В полдень буря, казалось, достигла апогея своей ярости, и положение стало еще более затруднительным из-за того, что камень проделал большую дыру в палатке. К счастью, час спустя ветер внезапно стих, и встревоженные обитатели палатки смогли оценить погоду.

Разумнее всего было бы отступить к Северному седлу, но не было и мысли о том, чтобы сдаваться. Участники были единодушны в решении держаться и предпринять попытку на следующий день. На остатках топлива они приготовили ужин — весьма скудную трапезу, поскольку провизии у них было всего на один день, и теперь их рацион был очень скудным. Когда они устраивались на ночлег, снаружи послышались голоса, и появились носильщики с Северного Седла, которые принесли термосы с горячим мясным чаем и заварку, присланные капитаном Ноэлем. Устроившись поудобнее, они попытались заснуть. Все трое, однако, были напряжены и ослаблены после трудов последних двадцати четырех часов, и они чувствовали, как по их конечностям пробегает леденящий холод. Мистеру Финчу пришло счастливое вдохновение использовать кислород, и он так устроил аппарат, что каждый мог дышать небольшим количеством кислорода в течение ночи. "Результат был изумительным. Мы спали хорошо и в тепле. Всякий раз, когда трубка для подачи газа выпадала изо рта Брюса, когда он спал, я видел, как он беспокойно ворочается в жутком зеленоватом свете луны,

просачивающемся сквозь холст. Затем, наполовину бессознательно заменяя трубку, он снова погружался в мирный сон".

На следующее утро, 27-го, они проснулись здоровыми и голодными и, повозившись со своими окоченевшими ботинками, отправились в путь в 6.30, капитан Брюс и мистер Финч несли каждый по сорок фунтов, а Теджбир - около пятидесяти фунтов. Их план состоял в том, чтобы довести Теджбира до Северо-Восточного выступа, а там снять с него ношу и отправить обратно. Стояла холодная ясная погода, и ветер был не слишком сильным. Однако вскоре начало свежеть, и после того, как они поднялись на несколько сотен футов, Теджбир проявил первые признаки слабости. Он полностью потерял сознание, и его пришлось снять с баллонов и отправить обратно. Высота составляла около 26 000 футов, наивысшая точка, которой когда-либо достигал туземец.

Чтобы двигаться быстрее, мистер Финч и капитан Брюс обошлись без веревки. Взбираться по скалам было довольно легко, и на высоте 26 500 футов они миновали два замечательных места для лагеря. Но ветер неуклонно усиливался, и они были вынуждены покинуть гребень и пересечь великий северный склон. Это была плохая примета, потому что на гребень было легко подниматься, а на склон - нет. Наслоение камней было очень неудобным, и было трудно найти какую-либо хорошую опору для ног. Альпинисты были без канатов, и это стало суровым испытанием для капитана Брюса, у которого не было опыта альпинизма, чтобы придать ему уверенности. Иногда они шли по коварным склонам, иногда по еще более коварному снегу, и им часто приходилось пересекать кучи осыпей, которые перемещались с каждым шагом. Время от времени они останавливались, чтобы заменить пустой баллон с кислородом новым, что означало потерю пяти фунтов каждого из них. В настоящее время aneroid показывал их высоту в 27 000 футов. Теперь они прекратили движение и начали подниматься прямо вверх к точке на Северо-восточном гребне, на полпути между уступом и вершиной. Вскоре они были на высоте 27 300 футов, и вершина Эвереста была единственной горой, которую они могли видеть, не глядя вниз. Вершины, которые с ледника казались такими грозными, теперь превратились в незначительные горбы. Они находились на 1700 футов ниже вершины, примерно в полумиле от нее, и могли различить камни и участок осыпи прямо под ее самой высокой точкой.

Но было совершенно ясно, что дальше они идти не могут. Ослабев от голода, тревог и трудов последних сорока восьми часов, мистер Финч понял, что, если они пройдут еще хотя бы 500 футов, им обоим не вернуться живыми. Как мудрые и храбрые люди, они решили отступить. Было около полудня, и для большей безопасности они связались веревками. Сначала они шли по своим старым следам, а затем двинулись к Северному хребту в месте, более высоком, чем то, где они его оставили. Они добрались до гребня в два часа дня и там уменьшили свою ношу, сбросив четыре кислородных баллона в месте, куда могли быть направлены будущие альпинисты.

Погода становилась все хуже. Сильный западный ветер приносил туман, но, к счастью, снега не было. Полчаса спустя они добрались до своего ночного лагеря, где нашли Теджбира крепко спящим, завернувшись во все три спальных мешка. Носильщики с Северного седла находились милей ниже, и Теджбину было приказано спускаться вместе с ними. Остальная часть спуска была кошмаром. Колени альпинистов стучались друг о друга, и их конечности, казалось, не реагировали на указания мозга. Часто они шатались и поскользывались, и часто их заставляли садиться. Но в четыре часа пополудни они достигли Северного Кола. К счастью, они все еще

чувствовали голод; они еще не достигли предела человеческих сил, когда голод проходит. На Северном седле они выпили горячего чая и спагетти, а три четверти часа спустя отправились в Лагерь 3 в компании капитана Нозля. Путешествие было совершено в рекордно короткие сроки — за сорок минут, — и в 5.30 они достигли лагеря 3, спустившись с полудня на 6000 футов.

Тот вечер загладил вину за долгие часы голода. "Четыре целых перепела с трюфелями в *паштете из фуа-гра* и девять сосисок заставили меня попросить еще. Последнее, что я помню из того долгого дня, - это как я ложился спать в тепле нашего замечательного спального мешка, зажав под сгибом локтя остатки банки ирисок".

Ноги капитана Брейса были сильно обморожены, но мистер Финч остался невредим, что было ни много ни мало, как физическим чудом.

Когда капитан Брюс по пути в базовый лагерь обернулся, чтобы в последний раз вблизи взглянуть на Эверест, его напутствием было: "Просто подожди, старина. Скоро ты будешь готов к этому". Это было логичным завершением. Они с мистером Финчем достигли высоты 27 300 футов после усилий и лишений, которые вполне могли бы сделать человека непригодным для восхождения на Риги. Эти несчастья были случайными, а не неизбежными. Ценность — превосходная ценность — кислорода была полностью доказана. Можно справедливо сказать, что экспедиция 1922 года, хотя и не ступила на вершину, разгадала тайну Эвереста. На гору почти наверняка можно было взобраться, при условии, что альпинистам сопутствовала толика удачи. Теперь, когда качество местных носильщиков доказано, кажется, нет причин, по которым с помощью кислорода нельзя было бы разбить шестой лагерь на одном из плоских мест ниже 27 000 футов, которые отметил мистер Финч. Ночь в таком лагере была бы не более утомительной, чем ночь на высоте 25 000 футов. Если альпинисты, стартовав с высоты 27 000 футов, после спокойной ночи доберутся до приемлемой погоды, то, по-видимому, нет никаких сомнений в том, что оставшиеся 2000 футов можно было бы преодолеть и покорить пик с хорошей перспективой безопасного возвращения в тот же день на Северный полюс. Конечно, остается возможность физического срыва, подобного тому, что произошло с майором Морсхедом и Теджбиром. Но против этого может быть выдвинут тот факт, что мистер Мэллори, мистер Сомервелл, мистер Нортон, мистер Финч и капитан Брюс на больших высотах и после тяжелой физической работы не испытывали особых потрясений и впоследствии не пострадали от каких-либо негативных последствий.

Покорение Эвереста всегда будет оставаться одним из самых трудных приключений, на которые только может решиться человек. Но это разумное приключение, а не безумное безрассудство, которое может увенчаться успехом только благодаря одному шансу на миллион. Две разведывательные экспедиции показали, что для ее достижения необходимы все имеющиеся человеческие ресурсы. Но при условии использования этих ресурсов и возможности, которую вскоре может позволить наше знакомство с нижними склонами, дожидаться периода благоприятной погоды, окончательное завоевание, по-видимому, обеспечено. Тайна Эвереста раскрыта. Теперь мы знаем, что путь к вершине существует, и мы знаем, что это за путь. *

* Рассказы, на которых основан приведенный выше отчет, можно найти в "*Горе Эверест: Рекогносцировка*" (Эдвин Арнольд, 1921) и в статьях мистера Мэллори и мистера Финча в "*Альпийском журнале*" за ноябрь 1922 года.

КОНЕЦ.

НАПЕЧАТАНО В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ТИПОГРАФИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА.